Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 30 ЯНВАРЯ 2

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП

1 9 2 6
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

Главлит № 53932 Москва. Тираж 50.000 экз.

Тип. изд-ва „Правда“ и „Беднота“. Яузский мост, Серебрянич. набер., д. 23а.

Эпоха Ленина.

Два года прошло со дня смерти Ленина. Два года коммунистические партии всего мира борются против капитализма за социализм без генерального учителя, вождя, организатора, каковым был тов. Ленин. Два года на одной шестой части земного шара строится социализм в условиях диктатуры пролетариата, завоеванной и укрепленной под руководством Ленина, вырванного из наших рядов в самом начале успешного экономического наступления на рельсах нэпа.

Впереди—целая эпоха борьбы за социализм, эпоха, которая непременно завершится победой пролетариата в международном масштабе, но которая чревата для нас величайшими трудностями и частичными поражениями. Этот путь мы будем проходить без Ленина.

Однако, не может быть никакого сомнения в том, что расцвет ленинизма, широчайшее распространение идей Ленина, невиданный рост популярности Ленина, как учителя и вождя революционного пролетариата и трудящихся масс—еще *впереди*.

Ибо переживаемая нами эпоха есть эпоха Ленина, ибо именно последний с такой ясностью и такой силой охарактеризовал эту эпоху, наметив пути исторического развития, лежащие перед нами, так ясно очертив те «разрешимые задачи», перед которыми стоит современное человечество; ибо история работает за Ленина.

Три четверти века тому назад великий предшественник Ленина—Маркс—гениально предвосхитил пути общественного развития, вскрыв пружины движения капитализма, обострение противоречий этого движения, доказав неизбежность пролетарской революции и диктатуры пролетариата. Но Маркс, во-первых, мог установить только общие тенденции общественного развития без учета исторически-ограниченных, исключительных условий эпохи пролетарских революций и переходного периода; во-вторых, он наметил перспективы, историческое воплощение которых началось через много десятков лет.

Продолжая и развивая Маркса, Ленин имел возможность поставить *вопрос о переходе от капитализма к коммунизму более точно, детально и конкретно*, ибо самой

исторической обстановкой этот вопрос ставился с неотвратимой остротой.

Ленин выступал, в силу этого, и теоретиком и организатором борющегося за власть пролетариата.

И именно поэтому мы вправе назвать переживаемую нами эпоху эпохой Ленина.

То, что Марксом и его сподвижником Энгельсом относительно перехода к социализму было только намечено, Лениным было подробно обосновано, детализировано, развернуто. Прежде всего. Ленин дал анализ конкретного этапа капитализма, который является его последней формой, в условиях которого нарастают победоносные пролетарские революции. Ильич показал, что империалистическая эпоха всевластия капитала является одновременно эпохой его разложения, «загнивания». Эту сторону дела, чрезвычайно важную с точки зрения, революционной практики пролетариата, Ленин осветил впервые, с величайшей силой разоблачая и преодолевая меньшевистские теории, замалчивающие и оспаривающие решающий кризис капиталистической системы.

С другой стороны, величайший марксист нашей эпохи вооружил пролетариат развернутой теорией пролетарской революции и диктатуры пролетариата. Он с изумительной убедительностью доказал, что настоящим революционным марксистом является не тот, кто признает теорию классовой борьбы вообще, а кто признает составным и непременным элементом этой теории учение о диктатуре пролетариата.

Утверждая, что диктатура пролетариата является орудием классовой борьбы, протекающей в новых условиях и новых формах, Ильич вместе с тем установил, что после завоевания государственной власти пролетариат, держа курс на международную революцию и разжигание классовой борьбы на мировой арене, заинтересовывается в рамках своей страны, хозяином которой он является, в прекращении гражданской войны и установлении гражданского мира.

Организованный в государство пролетариат в своей политике должен умело сочетать классовую борьбу с классовым сотрудничеством таким образом, чтобы это сочетание, в общем и целом, обеспечивало победоносный рост социалистических общественных форм, все большую переделку общественного целого на социалистический лад.

Взрыв загнивающего капитализма посредством пролетарских революций, установление диктатуры пролетариата и строительство социализма на основе экономической и политической гегемонии пролетариата в отношении всех трудящихся,—вот вехи нашей эпохи, отмеченные Лениным.

В разработке этих вопросов Ильич особо остановился на выяснении тех об'ективных условий, наличие которых является необходимым для совершения социалистической революции.

Вслед за Марксом Ленин полагал необходимым для победоносной пролетарской революции наличие определенных материальных предпосылок.

Но эти последние, с точки зрения марксиста Ленина, уже подготовлены предшествующим процессом капиталистического развития.

Кризис мировой капиталистической системы как раз и является выражением противоречия между капиталистическими производственными отношениями и производительными силами, дальнейшее развитие которых предполагает установление социалистических производственных отношений.

Ильич непрестанно боролся против формально-арифметического, немарксистского подхода меньшевиков к вопросу о предпосылках социалистической революции.

Каутские всех стран усердно доказывают, что история еще не подготовила ни кризиса мировой капиталистической системы, ни материальных предпосылок мировой пролетарской революции. Оба эти утверждения тесно связаны между собою, и оба они являются следствием отказа меньшевиков от метода Маркса.

Оппортунистические опошлители Маркса твердили и твердят, что социалистическая революция невозможна из-за технически-экономической незрелости современного общества, из-за того, что до-капиталистические хозяйственные формы играют в нем еще значительную роль.

Переводя эти свои утверждения на язык социальных отношений, они заявляли и заявляют, что социалистическая революция не может победить, пока пролетариат составляет меньшинство общества, а мелкая буржуазия и, прежде всего, крестьянство—большинство.

Когда, вопреки их утверждению, в России установилась и укрепилась диктатура пролетариата, они пытались и из этого факта сделать выводы, благоприятные для себя. То, что пролетарская революция победила только в России и еще не победила в других крупнейших странах мира, по мнению меньшевиков, является доказательством утопичности большевистской теории о вступлении общества в фазу социалистической революции.

Ленин вскрыл безнадежное педантство, тупоумие и несостоятельность теоретиков социал-предательства.

Социалистическая революция, утверждал Ленин, может начаться еще до того, как пролетариат будет составлять большинство населения. Поскольку пролетариат овладевает государ-

ственной властью и экономическими командными высотами, о становится определяющей силой, способной вести к социализму все хозяйство в целом. Нельзя подходить к вопросу формально-арифметически, ибо город не равен деревне.

Учитывая опыт пролетарской революции в России, тов. Ленин писал:

«Сколько бы мелко-буржуазные демократы, называющие себя социалистами и социал-демократами (Черновы, Мартовы, Каутские, Лонге, Макдональды и К°), ни разбивали себе лба перед богинями «равенства», «всеобщего голосования», «демократии», «чистой демократии» или «последовательной демократии», от этого не исчезнет экономический и политический факт неравенства города и деревни. Это—факт неизбежный при капитализме вообще, при переходе от капитализма к коммунизму в частности.

Город не может быть равен деревне. Деревня не может быть равна городу в исторических условиях этой эпохи. Город неизбежно ведет за собой деревню. Вопрос только в том, какой класс из «городских классов» сумеет вести за собою деревню, осилить эту задачу и какие формы это руководство города примет».

Пролетариат—меньшинство, но при правильной политике он сможет стать гегемоном всех трудящихся в их борьбе за свержение эксплуататоров. А при таких условиях широкие слои мелких хозяев, не эксплуататоров, а эксплуатируемых, об'ективно могут стать участниками социалистической революции против капитализма.

Учитывая неравномерность развития капитализма в разных странах, Ильич еще до наступления эпохи пролетарских революций писал о том, что, по всей вероятности, социалистическая революция одержит победу сначала только в нескольких или даже в одной стране.

«Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы против других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплоататорских классов и их государства».

Ход событий показывает, что именно Ленин понял эпоху.

В капиталистической мировой системе пробита громадная брешь. Шестая часть земного шара уже освободилась от власти капитала. Пролетариат капиталистических стран проходит в обостряющейся классовой борьбе тяжелую школу политграмоты,

помогающую ему окончательно и бесповоротно освободиться от иллюзий «мирного» перехода к социализму.

Развитие революционного, антиимпериалистического движения в крестьянских колониях доказывает, что Ленин был прав и в вопросе о революционном союзе рабочего класса с крестьянством.

Вот почему наша эпоха есть эпоха Ленина.

Вот почему Ленин бессмертен.

А. Гольцман.

Об экономических „предпосылках социализма" в деревне [1]).

От редакции.

Помещая статью тов. Гольцмана, редакция оговаривает свое несогласие с некоторыми положениями и формулировками автора.

Так, она не согласна, что мелкий товаропроизводитель в борьбе с капиталом „почти всегда ищет спасение в коллективных формах хозяйствования"; считает слишком формальной постановку вопроса о социалистических признаках кооперативного об'единения, противоречиях внутри кооперации и т. д.

I.

Социалистические элементы в деревне только еще намечаются. Должно быть сказано совершенно открыто, и с полной категоричностью, что не может быть и речи о наличии сколько-нибудь определенно развитых форм социалистически-хозяйственных типов в современной советской деревне. В общем она, деревня, представляет собой сплошную и подавляющую массу индивидуальных товаропроизводителей, действующих в режиме полунатурального простого товарного хозяйства. Капиталистические элементы экономики, а также более высокие формы товарно-денежного обращения, с ними связанные, только еще должны развиться и лишь отчасти намечаются на фоне господствующих форм простого товарного хозяйства крестьянина. Что же касается элементов капитализма, то лишь начиная с новой экономической политики, эти элементы приобретают быстрый темп восстановления. Чем больше развиваются капиталистические элементы, тем больше подвергается разложению строй простого товарного производства. В классовом отношении носителем простого товарного производства является основная масса крестьянства—середняцкие хозяйства. Носителем капиталистических элементов являются кулаки и потенциально, зажиточное трудовое крестьянство, имеющее возможность перейти (и часто переходящее) на кулацкие, т.-е. капиталистические формы хозяйствования. Классовые элементы социализма как бы раздваиваются. С одной стороны, они представляют собой отряд борющихся за улучшение своего материального положения наемных рабочих у тех же кулацких работодателей. Этот отряд на данной ступени развития не противопоставляет капиталистическому типу хозяйства «своих» хозяйственных форм и ведет борьбу пока главным образом по линии увеличения своей заработной платы. Следовательно, здесь, на данной ступени развития речь может итти лишь о борьбе за распределение общественного дохода в пределах существующего экономического режима. С другой стороны, социализм в деревне выражается также в создании новых хозяйственных форм, которые противопоставляются капиталистическим хозяйствам, ведут с ними борьбу на экономической основе, стремясь вытеснить их с хозяйственной арены и занять их место. Поскольку мы имеем дело с рыночными отношениями, постольку борьба хозяйственных типов должна выразиться прежде всего в жестокой конкуренции, в стремлении вытолкнуть с рынка своего противника и монополизировать в своих руках снабжение потребителя продуктами своего производства.

[1]) Настоящая статья представляет собою IV главу подготовляемой автором работы о внедрении социализма в деревню. Будучи написана в середине 25 г. она оперирует сравнительно устарелыми цифрами. Введение нового цифрового материала, однако, является излишним, т. к. подтверждая выводы статьи, этот материал способствовал бы лишь ее разбуханию.

Таков итог. Но нам предстоит еще рассмотреть какое именно коллективистическое сельское хозяйство является социалистическим, т.-е. может нас привести в дальнейшем к социализму, и какое из них может представлять собой, с одной стороны, усиление капиталистических элементов под маской коллективизма, а, с другой стороны, лишь небольшие «уклоны» самозащиты вытесняемых с рынка индивидуальных производителей в пределах докапиталистических или капиталистических отношений.

Эта вторая возможность отнюдь не исключена. Мелкий индивидуальный товаропроизводитель, вытесняемый кулаком с рынка, отбрасываемый в лагерь бедняков, отнюдь не всегда с первого же момента хватается за верное орудие борьбы с капиталистическим противником. Правда, почти всегда он ищет спасения в коллективных формах хозяйствования, противопоставляя их единоличной собственности кулака. Но не всегда эта коллективная форма является хозяйственно крепкой, имеющей свою будущность и, следовательно, могущей в дальнейшем разбить своего противника окончательно. Такие коллективистические формы, которые представляют собой полумеру, только паллиатив в борьбе бедняцких элементов с кулацкими, которые не дают окончательного выхода из положения, также ценны, но лишь в том смысле, что представляют собой **урок для бедняков**. На этих ошибках бедняки и середняки учатся хозяйственным формам борьбы с капиталистическими противниками. Терпя поражения на них, они неизбежно должны перейти к более рациональным формам. Поэтому нам нет смысла относиться предосудительно к этим неизбежным, хотя и дорого стоящим, ошибкам. Но было бы вместе с тем неправильно также идеализировать эти формы, принимая их за действительно социалистические хозяйственные типы. Такие попытки идеализации **всякой** коллективной формы ведения сельского хозяйства в нашей литературе наблюдаются. Все то, что имеет коллективистическую форму, принимается зачастую вместе с тем и как социалистическая форма хозяйства; между тем, эта форма иногда имеет такое же отношение к социализму, как организационные попытки утопистов (колонии и т. п.) к современным действительно социалистическим формам. Эти **лжесоциалистические** или, мягче сказать, **мнимо социалистические** формы ведения сельского хозяйства должны быть раскрыты, ибо раз'ясняя крестьянам ошибки, мы помогаем избегать или, во всяком случае, быстрее преодолевать неправильные пути борьбы с их кулацкими противниками.

Какая коллективная форма ведения сельского хозяйства может быть признана, как имеющая наибольшие перспективы превращения в социалистическую? Разумеется, сельское хозяйство нами рассматривается в условиях соприкосновения его с социалистической промышленностью при концентрации главных финансовых средств в руках социалистического государства. Социалистическим типом сельского хозяйства могут быть названы те коллективистические формы хозяйства, которые при дальнейшем их развитии и расширении неизбежно приведут к полному обобществлению охватываемых ими средств производства. Следовательно, лишь тот, ведущий сельское хозяйство коллектив (например, кооператив, сельско-хозяйственное товарищество и т. п.), который, имея в настоящее время лишь ограниченную сферу деятельности, т.-е. небольшую группу членов, незначительный инвентарь и т. п., по мере своего развития и увеличения масштаба деятельности в дальнейшем об'ективно, т.-е. независимо от сознательно поставленной себе цели, вырастает или вливается во всесоюзную организацию, передавая этой последней юридическую и фактическую собственность на средства производства с тем, чтобы на последней ступени эта собственность стала бы общественной, т.-е. в наших условиях общенациональной, государственной,—только такой коллектив может быть назван нами действительно социалистическим типом хозяйств, стремящимся вытеснить капиталистические элементы в сельском хозяйстве.

Здесь нужно сделать два замечания. Первое—коллективистические формы, имеющие превратиться в социалистические, не могут оставаться локальными. Они неизбежно должны вырасти в обще-национальные, терять свое исключительное право собственности, передавая это право государству в целом. В противном случае, мы имели бы строй кооперативных общин, ведущих сельское хозяйство в известных ограниченных территориальных и производственных рамках. В известных пределах эти общины могут быть связаны между собой товарообменом. Производственный прогресс неизбежно ограничивается непосредственными потребителями общин. Хозяйство всей страны представляет собой не единое целое, планомерно разделенное на части, специализирующиеся по естественным богатствам районов, путям сообщения и т. п., а лишь федерацию «ассоциаций добровольных работников». Между тем марксизм мыслит себе социализм не в таком виде. Социализм представляет собой единую ассоциацию работников, связанных в одно нераздельное хозяйственное целое. Общество является единым собственником всех средств производства. При этом исключается возможность товарообмена и взамен него выдвигается общественный продуктообмен. Описанный выше вариант представлял бы собой картину утопического социализма, который, конечно, неосуществим и неизбежно должен был бы привести либо к возникновению капиталистических элементов хозяйства, либо к перерождению в единую социалистическую общину.

Второе. Выше говорилось о превращении коллективистической собственности в общенациональную собственность, о передаче средств производства из рук коллективов (кооперативов, сельских товариществ и т. д.) в руки государства. Но, с другой стороны, в процессе развития социалистического хозяйства, по мере его полного оформления государственная власть сама

будет постепенно отмирать, уничтожаться. Следовательно, здесь идут два встречных процесса: с одной стороны, процесс обобществления и, поскольку существуют ограниченные друг от друга государственные образования,—огосударствления средств производства в сельском хозяйстве; с другой стороны,—процесс отмирания, ликвидации самой государственной власти, т.-е. того суб'екта, которому мы намерены передать право собственности на средства производства наших расширяющихся и разрастающихся сельско-хозяйственных коллективов.

Можно даже сказать и так, что как раз по отношению к сельскому хозяйству эти два процесса должны столкнуться и во времени. Так как промышленность, транспорт и финансы находятся уже и сейчас в руках социалистического государства, то полное оформление социализма в такой стране, как наша, наступит как раз в тот момент, когда социалистическая экономика победит в сельском хозяйстве, тогда все главные узлы его окажутся под влиянием социализма и в основном социализм победит по всей стране. Но именно в этот момент, когда социализм с помощью государственной власти распространит свое влияние на главные узлы народного хозяйства, тогда государственная власть придет к апогею своего развития и вместе с тем к началу своего уничтожения [1]). Эти два процесса: процесс огосударствления средств производства в сельском хозяйстве и уничтожения самого государства, должно иметь в виду при рассмотрении развития коллективистических форм в сельском хозяйстве.

II.

Поскольку речь идет о сельско-хозяйственной кооперации, то первое условие, т.-е. превращение кооперативных организаций в форму Всесоюзного кооперативного образования — налицо уже теперь, хотя и не в полном об'еме. А. Минин считает, что на территории СССР действует 33.340 кооперативов (крестьянских) об'единяющих 2.546.500 членов или, принимая, что каждый член представляет собою одно крестьянское хозяйство, а общее число последних в 19.750 т., всего 12,6% кооперативного сельского населения [2]). Все эти кооперативы об'единяются союзами кооперативов, из которых, правда, не все имеют общегосударственный масштаб деятельности. Что касается «диких», т.-е. не об'единяемых в союзы кооперативов, то тот же автор принимает их число равным 5—7 тысячам с полумиллионом членов.

Сельско-хозяйственная кооперация растет в целом, но темп роста не одинаков для разных ее ступеней. Общий рост народного хозяйства в особенности в 1924 г. значительно расширил деятельность всех звеньев с.-х. кооперации. Если судить по валовому обороту отпуска товаров, то получится, что быстрее всего растет низовая кооперация, обгоняя союзы и центры. Так,

---

[1]) Разумеется, если, что весьма мало вероятно, указанная в тексте картина победы социализма в нашей стране не будет сопровождаться победой международной социалистической революции, государственная власть, в том числе армия в первую голову, останутся существовать и в дальнейшем. Однако, существование института государственной власти в этом гипотетическом случае будет оправдываться не непосредственно, т.-е. внутреннего порядка, экономическими причинами.

[2]) А. Минин. «С.-х. кооперация СССР», стр. 43. По данным того же автора на 1/IV—25 г. имеется кооперированных крестьянских хозяйств свыше 4.000 т. См. ст. в «Экон. Обозр.» июньский выпуск.

Виды кооперативов.	1923 г.		1923—24 г.	Рост в %
Центры сельско-хоз. коопер.	28	100	60	114,3
Местные союзы	69	100	180	160,8
Кооперативы I степени	75	100	272	262,7
Всего	172	—	512	200

отпуск товаров за 1923 и 1923—24 г. выражался следующими цифрами (в милл. рубл., без Украины) [1].

При среднем увеличении оборотов втрое низовая сеть кооперации увеличила отпуск товаров свыше, чем в три с половиной раза. На втором месте—союзы, и лишь третьими идут центральные организации.

Такой бурный рост оборотов низовой кооперации не опасен для дела централизации кооперативного хозяйства, хотя на данной стадии имеет практически тревожные симптомы. Он указывает на охват сельско-хозяйственной кооперацией все новых и новых районов, увеличение сети низовой кооперации, втягивание новой клиентуры, при чем этот процесс пока идет впереди усиления самого кооперативного аппарата, расширения работы центральных организаций по сбыту. Число кооперативов растет и не может не расти, ибо растет бурно все народное хозяйство и—благодаря высокой кон'юнктуре,—кооперируемые мелкие хозяйства. Но для того, чтобы увеличивающаяся кооперативная работа была прочной, росла бы не только вширь, но и вглубь, должна упрочиваться ее финансовая база. Между тем, взгляд на финансовое положение кооперации убеждает в том, что в этой области центральные организации идут впереди местных. Обратим внимание на:

Сводный баланс всех организаций сельско-хозяйственной кооперации [2]).

Виды кооперативов.	Сводный баланс на 1 января. 1923 г. милл. р. (довоен.)	Сводный баланс на 1 января. 1924 г. милл. р. (черв.)	Прирост в %, считая черв. р. равн. довоен.	Соотнош. разных степен. между соб. 1923 г. %	Соотнош. разных степен. между соб. 1924 г. %
Центры	4,6	40,2	850	8,1	17,2
Союзы	19,2	96,7	507	34,0	42,5
Кооперативы I ст.	32,7	91,9	282	57,9	40,3
Всего	56,5	228,8	411	100,0	100,0

[1]) А. Минин. «С.-х. кооперация СССР»., стр 150.

[2]) «Сельско-хозяйственная кооперация в системе государственного капитализма», стр. 55.

Средства центральных организаций возросли в 8,5 раз; средства союзов—в 5 раз, а низовой кооперации—около 3 раз.

Далее. Хотя по абсолютной величине средств низовая кооперация все еще занимает почетное место, однако, и абсолютно и относительно она уступила первое место союзным об'единениям. Что касается центров, то их относительная роль увеличилась вдвое—с 8,1% до 17,2%, т.-е. больше и быстрее, чем оба другие звена кооперативной системы.

На низших и средних ступенях кооперативной системы быстрее опять-таки растут те организации, которые связаны или входят составными частями в центральные об'единения. Приводим для характеристики таблицу [1]):

Рост балансов сельско-хозяйственной кооперации.

(Принимая баланс 1 января 1923 г. за 100)

Виды кооперативов.	1 января 1923 г.	1 июля 1923 г.	1 января 1924 г.
	В процентах.		
Губернские союзы	100	382	888
Уездные и районные союзы, входящие членами в Сельскосоюз	100	92	300
Уездные и районные союзы, не входящие в Сельскосоюз	100	61	208

«Дикие», т.-е. локальные, кооперативы увеличили свой баланс за год вдвое, «осоюженные» же кооперативы—в три и в девять раз.

Стремление сельско-хозяйственного кооперативного движения вылиться в формы организации общегосударственного масштаба не есть чисто советское новшество. Оно органически заложено в глубинах кооперативной системы и имеет в своей основе две главные причины.

Первая: народно-хозяйственная система страны сравнительно достаточно развита и дифференцирована. Основные торговые, кредитные и транспортные (т.-е. узловые) центры определились с достаточной ясностью и сосредоточивают, естественно, главные операции по закупке и сбыту товаров в том числе сельско-хозяйственного производства. Продукты производства крестьянина Вологодской губернии или отдаленных сибирских местностей давно вышли за пределы «местного» полунатурального товарооборота. Они циркулируют по каналам обращения, охватывающим громадные территории и скрещивающимся друг с другом. Наиболее выгодные условия сбыта товара и, обратно, закупки инвентаря и полуфабриката при такой централизованной и дифференцированной системе товарооборота возможны при условии, если узловые пути товарооборота будут обслуживаться об'единяющим центром. Отсюда, вертикальные кооперативные об'единения.

[1]) «Сельское хозяйство в системе государственного капитализма», стр. 49.

Второе: это—экспорт. Главные продукты сельско-хозяйственной кооперации идут на экспорт, как одна из важнейших его составных частей. Вывоз льна, молочных продуктов, животного сырья и т. п. составлял основную заботу сельско-хозяйственной кооперации и до войны. Как только начали восстанавливаться мировые торговые связи, развитие сельско-хозяйственной кооперации получило стремительный толчок вверх.

«В течение 1923 года, — говорится в сборнике Сельскосоюза [1]),—устанавливается прочный контакт с заграничными рынками, в распоряжение советской кооперации поступают все заграничные аппараты старой сельско-хозяйственной кооперации, ставится и сразу развертывается в массовом размере кооперативный экспорт льна, масла, яиц, зерна и др. продуктов, возрождаются кортофеле-терочная кооперация и возникают к жизни десятки других отраслей кооперативной работы. Обороты растут в несколько раз и темп развития становится столь стремительным, что подчас кажется, что кооперативная система не выдержит и где-нибудь разобьется в щепки».

Действительно, в том же сборнике находим сведения о росте экспортных операций кооперативных организаций [2]). (Кстати, таблица иллюстрирует также роль центральных кооперативных органов в вывозе—и не только рост экспортных операций кооперации, но и относительную долю этих операций в вывозе страны).

Доля участия (в процент.) Сельскосоюза, Льноцентра и всей кооперативной системы в экспорте страны.

Статьи экспорта.	1922/23 г.	1923/24 г.	1-е полуг.
	I	I	II
Масла	41,0	48,0	60,0
Льна	15,4	20,0	28,0
Животн. сырья	8,0	12,0	20,0
Яиц	12,0	10,0	15,0
Хлеба	2,0	4,0	13,0

Столь значительный рост экспортных операций немыслим для мелких крестьянских товаропроизводителей без организующего центра даже при свободе внешней торговли. Не может каждый сибирский маслодел или даже артель организовать самостоятельный вывоз масла в Англию. Она должна либо итти на поклон к оптовому скупщику-капиталисту, переплачивая ему

[1]) «Сельское хозяйство в системе государственного капитализма» стр. 49.

[2]) «Сельско-хозяйствен. кооперация в системе государственного капитализма», стр. 65.

Сельскосоюз+Льноцентр обозначены (I). Вся кооперация—(II). Вывоз всей кооперации не указан во времени. Произвольно отнесен мною ко второй половине 1924 г., как наихудший вариант.

громадные проценты за призрачные услуги, либо создать собственного массового скупщика, об'единяясь с однородными организациями.

Таким массовым скупщиком является Маслоцентр для маслодельных артелей; Льноцентр—для льноводных товариществ; прежде—«Кооперативное Яйцо»—для яичных кооперативов и т. п. Индивидуальный мелкий товаропроизводитель ищет (и искал в прежние капиталистические времена) иных, независимых от промышленной и финансовой буржуазии способов внедрения своих товаров в мировой товарооборот. С одной стороны, главной причиной втягивания в мировую хозяйственную систему являлось развитие капиталистической промышленности, прокладка железно-дорожных путей сообщения, дифференциация народного хозяйства страны на основе общественного разделения труда. С другой стороны, втягиваясь в товарно-денежное хозяйство и вылезая навсегда из скорлупы своего полунатурального хозяйства, мелкий индивидуальный товаропроизводитель стремился попасть на рынок «окольным» путем, минуя крупных капиталистических акул, место которых он, впрочем, не прочь бы и занять.

Рост экспортных операций кооперативных организаций возможен вследствие увеличения собственных капиталов кооперации. Здесь отражается общий процесс улучшения благосостояния страны и крестьянского, в частности кооперативного, хозяйства. Это же увеличение капиталов кооперации отражается также в оборотах кооперативных организаций внутри страны. Сопоставляя оборот Сельскосоюза с оборотом Московской Товарной Биржи и 162 крупнейших об'единений ВСНХ, мы находим, что Сельскосоюз в относительных цифрах все время идет впереди упомянутых организаций.

Сравнительные данные об оборотах Сельскосоюза за 1923—24 г.[1])

Месяцы.	Сельскосоюз	МТБ	162 об'ед. ВСНХ
	В тыс. рублей.		В милл. руб.
Октябрь 1923 г.	1.240	80.800	74,6
Ноябрь »	2.876	96.200	79,8
Декабрь »	2.961	127.800	98,9
Январь 1924 г.	1.681	138.200	—
Февраль »	4.041	177.600	124,5
Март »	4.872	119.900	104,7
Апрель »	3.757	118.400	98,8
Май »	2.317	121.000	112,2
Июнь »	2.593	107.400	111,6
Июль »	3.289	145.400	106,9
Август »	2.889	116.500	103,8
Сентябрь »	7.852	205.500	158,9

[1]) Справочник ЦСУ за 1924 г., стр. 559 и 605. Дальнейшее сравнение оборотов Сельскосоюза с др. торговыми организациями лишено интереса, так как из Сельскосоюза выделились Льноцентр и Маслоцентр, а в последнее время—центр по яично-птичной кооперации. В данный момент обсуждается вопрос о выделении заготовки кожсырья и др.

Между мартом и августом 1924 г. все приведенные организации обнаруживают падение оборота, об'ясняющееся сезонным затишьем. Сельскосоюз увеличил свои обороты за приведенный период свыше, чем в 6 раз, в то время, как Московская Товарная Биржа увеличила в 2½ раза, а об'единения ВСНХ—несколько больше, чем в 2 раза. Правда, в абсолютных величинах оборот Сельскосоюза значительно уступает своим контрагентам, но в темпе роста он, несомненно, идет впереди.

Точно так же можно судить о росте капиталов кооперативных организаций по их балансам на приведенные даты.

Сводный баланс 3-х кооперативных центров[1]) (Сельскосоюз, Льноцентр, Союзкартофель).

Даты.	Тыс. черв. руб.	%%
На 1 января 1923 г.	4.066	100
» 1 марта »	7.846	192
» 1 мая »	8.710	214
» 1 июля »	18.114	445
» 1 сентября »	26.242	645
» 1 ноября »	33.133	814
» 1 января 1924 г.	40.250	991
» 1 октября »	79.801	1.962

Средства трех важнейших кооперативных центров увеличились меньше, чем за 2 года, в 19 раз, что соответствует, впрочем, росту их оборота.

Хотя на основании опыта одного-двух лет деятельности кооперации нельзя делать обобщающих выводов, мы вряд ли, однако, ошибаемся, констатируя рост централизации в кооперативном хозяйстве. Вся история сельско-хозяйственной кооперации, в ее довоенный период в частности, убеждает нас в правильности этого вывода. Те же условия существования мелкого товаропроизводителя-маслодела, конопле- или льно-вода, которые гнали его в кооперацию, заставляли создавать собственную организацию по сбыту, действуют и теперь, несмотря на коренное различие общей обстановки.

Разница в побуждающих к кооперированию причинах, конечно, есть. Раньше крестьянин искал в кооперативе спасения от торговой буржуазии, от кулака, противопоставляя ее сетям собственный торговый аппарат. Теперь опасность овладения сбыта сельско-хозяйственных товаров кулаком хотя и вполне реальна, но все же не так велика, как до революции. И кулак уже не тот. Все же за годы нэпа он не успел настолько обрасти жиром, чтобы посягать на распространение своей сферы влияния на весь сельско-хозяйственный промысел. И помощь, которую раньше кулак получал от своего городского собрата, теперь уже совсем не та. Пожалуй, это едва-ли не самое главное,—теперь нет той городской промышленной и финансовой буржуазии, которая при царизме, вкладывая свои деньги в банки, кредитующие кулаков, вступала тем самым с последним в коалицию для эксплоатации и экономического разложения крестьянства.

---

[1]) До 1/I—24 г. включительно сведения взяты из сб. «С.-х. кооперация в системе государственного капитализма», стр. 54. На 1/X—24 г. по Справочнику ЦСУ за 1924 г., стр. 601. В последнюю цифру вошли те же балансы Маслоцентра и Плодовинсоюза, выделившихся из Сельскосоюза в 1924 г. Баланс Льноцентра дан на 1/VII—24 г., и баланс Плодовинсоюза—на 1/IX.

Но зато осталась необходимость вывоза за пределы деревни (и даже, во многих случаях,—страны) товаров, продуктов домашнего промысла. Организующий сбыт аппарат кулацкого крестьянства разбит и во всяком случае еще далеко не настолько восстановлен, чтобы удовлетворить потребности крестьянина-середняка в сбыте своего товара. С другой стороны, государственный социалистический капитал прочно и сравнительно надолго завяз в промышленности и во всяком случае не может быть авансирован в таком размере, чтобы исключить необходимость крестьянской кооперативной самоорганизации. Отсюда возникновение последней, как промежуточной формы между хозяйством мелких докапиталистических или некапиталистических товаропроизводителей и строем социалистической промышленности. Через сбытовую кооперацию строй простого товарного производства прокладывает себе мост к социализму над бездной капиталистической эксплоатации. Но об этом мы будем иметь случай говорить дальше.

III.

Выше было сказано, что социалистическими формами можно назвать те формы хозяйствования, при которых право собственности на средства производства в дальнейшем переходит к нации, обобществляется. Обобществляется ли эта собственность в сельско-хозяйственной кооперации?

Должно признать, что на данной ступени развития этого обобществления нет. Хотя тенденция централизации кооперативной деятельности и капиталов достаточно велика, хотя усиление кооперативных центров и вымирание локальных «диких» кооперативов налицо, хотя создание в будущем единого хозяйственно-оперативного центра кооперации по каждой отрасли сбыта сельско-хозяйственных товаров с превращением местных органов в отделения не только возможно, но безусловно намечается жизнью, но в данный момент, сегодня нам приходится считаться с фактом наличия имеющих юридическое лицо местных кооперативов и их союзов. Правда, они связаны (и чем дальше, тем больше связываются) с кооперативными центрами, но до полного «обобществления», хотя бы в пределах кооперативной организации, функционирующего здесь капитала дело далеко не дошло.

Дальше. Сельско-хозяйственные кооперативные организации, как Льноцентр, Маслоцентр и т. п., являются по преимуществу

торговыми организациями—организациями сбыта товаров, входящих в их состав крестьянских хозяйств [1]).

В последнем счете, это—организации сбыта товаров крестьянина. Сельско-хозяйственный кооператив, следовательно, есть закупочно-сбытовая организация, об'единяющая некоторую сумму отдельных, экономически независимых крестьянских хозяйств. Каждое такое хозяйство есть хозяйство мелкого товаропроизводителя. Усиление сельско-хозяйственной кооперации представляет собой не что иное, как усиление его, мелкого товаропроизводителя, кооперативной организации.

Теряет ли этот мелкий товаропроизводитель свой характер мелкого товаропроизводителя в связи с усилением его кооперативных организаций? Иными словами, антагонистичны ли процессы усиления сельско-хозяйственных кооперативных организаций, и в частности сельско-хозяйственных кооперативных центров, и усиления строя мелкого товарного производства?

Мы должны сказать, что на данной ступени развития сельско-хозяйственной кооперации этого нет. Усиление сельско-хозяйственной кооперации теперь, при данных условиях, влечет за собою укрепление хозяйства крестьянина, проталкивание с наибольшей быстротой и при наименьших расходах его товаров на рынок. Строя и усиливая свою кооперативную организацию, мелкий, «парцеллярный» хозяин вовсе не «роет себе яму», по крайней мере на ближайший, измеряющийся, вероятно, десятилетиями, период. Сельско-хозяйственная кооперация есть и остается организацией «свободных», мы хотим сказать, экономически друг от друга более или менее независимых, индивидуальных мелких товаропроизводителей.

Для данного периода, т.-е. на нынешней стадии развития сельско-хозяйственного промысла, сельско-хозяйственная кооперация не вытесняет пока что, а укрепляет мелкого товаропроизводителя, мелкое, «парцеллярное» хозяйство. Вместе с этим зачастую укрепляются отрицательные, как в техническом отношении, так и в социальном, черты мелко-буржуазного производства.

В высшей степени важно в деталях рассмотреть, каков именно тот путь, по которому кооперация, являясь сначала организационной формой закрепления индивидуального, мелкобуржуазного товарного производства, при дальнейшем развитии несет с собой отрицание, разрушение этого способа производства, замену его более высокой ступенью социальной организации труда.

Каково социальное определение хозяйств, об'единяемых сельско-хозяйственной кооперацией. Материалы, опубликованные центральными кооперативными организациями, показывают, что большею частью члены кооперативов являются представителями мелко-буржуазного хозяйства полунатурального типа.

К сожалению, у нас нет материалов о группировке об'единяемых в кооперативы хозяйств по товарности. Вследствие этого мы лишены прямых указаний по этому вопросу, но мы исходим из неоспоримого факта, что наиболее «товарными» являются два крайних крыла крестьянской массы: 1) капиталистические хозяйства, пользующиеся наемным трудом — мы видели [2]), что это по преимуществу носители производительного товарного потребления и наиболее интенсивного сбыта; и 2) пролетаризованное, батрацкое крестьянство, продающее свою рабочую силу и покупающее предметы потребления. Если вторые и втянуты в товарооборот зачастую в абсолютных величинах, меньше, чем середняк, то зато относительно они более «отоварены», чем последние, ибо весь их материальный баланс (рабочая сила—предметы потребления) состоит из циркулирующих на рынке товаров.

[1]) Значение производственных функций этих организаций будет рассмотрено ниже.

[2]) Во II и III главах.

Меньше втянуты в товарооборот середняки. Значительная часть—а иногда и большая часть—продуктов их производства остается в их домашнем хозяйстве для удовлетворения нужд собственного потребления. Еще Ленин в «Развитии капитализма» говорил о середняцком хозяйстве, что «оно отличается наименьшим развитием товарного хозяйства».

Здесь перед нами громадная масса, целина, основной массив крестьянства, который еще только-только начинает разворошиваться товарным строем. Как раз эта масса крестьянских хозяйств ведет отчасти еще натуральное домашнее производство, построенное на патриархальных основах. Хотя на опушках этого громадного леса хозяйств и происходят капиталистические бури, вырывающие целые полосы растений и отбрасывающие их в кругооборот товарно-капиталистического хозяйства,—этот основной массив еще живет прежним экономическим укладом.

Помимо натурального хозяйства, представляющего собою сравнительно низкую, более отсталую ступень середняцких хозяйств, мы здесь находим еще первичную форму товарного производства, производство на рынок силами своей семьи. Выше приведены были уже данные, характеризующие сравнительно ничтожную распространенность наемного труда, хотя и шагающую быстро вперед. Подавляющая же масса крестьян производит товары на рынок собственными силами (так наз. трудовое крестьянство, т.-е. не эксплоатирующее чужого труда).

Последние ступени натурального строя и первые ступени раннего капитализма, колыбель капиталистических отношений,— вот что мы находим в нашем середняцком хозяйстве.

На вопрос, какой экономический уклад господствует в нашем середняцком хозяйстве, мы должны, поэтому, ответить: строй простого товарного хозяйства, соответствующий раннему, эмбриональному (зародышевому) капитализму, строй, в котором первые зачатки товарных отношений являются еще некапиталистическими отношениями и притом перемешиваются с натуральным замкнутым хозяйством.

Товаропроизводитель не дифференцировался еще здесь на собственника средств производства и «владельца» рабочей силы. Поскольку он, товаропроизводитель, уже существует,—он существует, как мелкий «трудовой» хозяйчик, выбрасывающий на рынок продукты своего личного и своей семьи труда. При дальнейшем развитии товарно-капиталистических отношений, должна была бы неизбежно произойти дифференциация хозяина своей рабочей силы от собственника средств производства.

Вот этот кадр крестьянских хозяйств, выразителей простого товарного строя, в значительной мере докапиталистических отношений, составляет главную массу кооперированного населения. Оба крайние крыла крестьянства:

капиталистические эксплоататоры и наемные рабочие, либо вовсе отсутствуют в сельско-хозяйственной кооперации, либо играют совершенно незначительную роль.

Для характеристики этой роли заимствуем данные из упоминавшейся уже книги А. А. Минина.

Группировка кооперации в Гжатском (льноводческом) уезде [1].

(Проц. хозяйств).

Категории крестьянских хозяйств.	Без раб. лошад.	Имеющих раб. лошадей. Одну.	Две.	Три.	Четыре и более.	Без коров.	Имеющих коров. Одну.	Две.	Три.	Четыре и более.
Кооперированных	7	67	25	1,0	0,0	2,0	27,0	51,0	17,0	3,0
Некооперированных.	11	75	13	0,2	0,8	5,7	49,5	39,4	5,1	0,3

Батраки, или стоящие на грани батрачества, т.-е. безлошадные и бескоровные менее всего втянуты в кооперацию. С другой стороны, слабо представлены и зажиточные слои (выше 4 лошадей). Главную массу членов кооперативов составляют хозяйства с 1 и 2 лошадьми—92% общего числа кооперированного населения, и с 1, 2 и 3 коровами—95%.

Приморно, такую же картину даст группировка клиентов Юго-Восточного Сельско-Хозяйственного Банка.

Соцкальная группировка клиентов Ювсельбанка [2].

Группы хозяйств.	Число заемщик.	% к общ. числу.	Отнош. заемщиков к общ. числу хоз.	Средний размер ссуды в руб. На 1 заемщика.	На 1 голову раб. скота.
1. Хозяйства без раб. скота	909	33,3	3,2	91,8	91,8 (нв хоз.)
2. Хозяйства с 1 гол. рвбоч. скота	673	21,6	3,5	72,8	72,8
3. Хозяйства с 2 гол. рабоч. скота	693	25,4	3.3	57,1	28,5
4. Хозяйства с 3—4 гол. раб. скота	398	14,6	3,5	70,7	23,5
5. Хозяйства свыше 4 гол.	57	2,1	1,5	67,1	13,4
Итого	2.730	100	3,3 (в сред.).	—	—

[1]) Упом. сочинен., стр. 51.
[2]) Упом. сочинен., стр. 97.

Основную массу клиентов составляют хозяйства с средним достатком от одной до 4 голов скота. Но в практике банка имеется очевидный уклон в сторону кредитования наиболее бедняцких элементов. Они составляют у него 33,3% клиентуры. Так как среди них по большей части встречаются трудно восстанавливаемые хозяйства, а также хозяйства, ведущиеся по необходимости более отсталыми способами, то размер ссуды на одного заемщика и на одну голову рабочего скота здесь больше, чем в других группах. Ювсельбанк может, конечно, в один прекрасный день оказаться фактическим хозяином принадлежащих его клиентам материальных средств, но трудно сказать наперед, оправдаются ли выданные им ссуды стоимостью этих средств [1]).

Понятие «середняк» экономически достаточно характеризуется полунатуральным или ранне-капиталистическим укладом хозяйства этой группы крестьянства. В этом смысле середняцкая масса крестьянсгва однородна. Для выяснения интересующих нас здесь вопросов это определение середняцкого хозяйства достаточно. Однако, несмотря на однородность экономического уклада, абсолютный размер обеспеченности не одинаков по всей середняцко-крестьянской массе. Хозяйства, опирающиеся на зерновые культуры, в среднем ниже хозяйств, работающих с техническими культурами. Маслодельные и сыроваренные хозяйства по необходимости в среднем богаче других крестьянских хозяйств. Маслоделом может быть крестьянин, имеющий, по крайней мере, одну - две коровы. Такой крестьянин, выглядывая середняком по отношению к хлебопашцу, является бедняком в своем «молочном миру». Маслодел-середняк — это крестьянин, имеющий две-три коровы, хотя при учете «средних» статистических величин расслоенности крестьянства он может попасть и в зажиточные мужики. Такая группировка была бы неправильна, так как не учитывала бы конкретных особенностей данного промысла. Общим признаком всех таких различных по степени материального обеспечения крестьянских хозяйств. является обслуживание всех «средств производства» собственными силами своей семьи.

Возьмем, например, маслодельную кооперацию,—она, пожалуй, наиболее показательна в этом отношении. А. Минин приводит справку, из которой видно, какова относительная группировка членов маслодельных артелей по коровности (на 1/I—24 г. по выбор. обследов.) (см. табл. на след. стр.).

По нашим «обычным» понятиям, мы здесь имеем дело с засилием зажиточных элементов в кооперации. Преобладают двух и трехкоровники. С другой стороны, деревенская голь—бескоровники, почти совершенно не имеют доступа в кооперацию. Между тем, слой крестьян, не располагающих ни одной коровой довольно широк в упомянутых в таблице районах. В Ярославской губернии он достигает 15,9 процента всего крестьянского

[1]) Такое же сомнение в правильности ссудной политики Ювсельбанка разделяет, повидимому, и тов. А. Минин.

«Очевидно,—говорит он,—на Юго-Востоке установилась определенная практика выдачи ссуд членам не столько по принципу кредитоспособности, сколько по принципу нуждаемости. Однако, характеристики результатов этой практики, повидимому, в виду кратковременности существоввния самих операций, Ювсельбанк не дает; поэтому весьма интересный вопрос об аккуратности возврата ссуд остается пока неосвещенным».

Районы.	В процентах.					
	Без кор.	1 кор.	2 кор.	3 кор.	4 и более.	Всего.
Ярославская губ.	1,6	25,8	55,0	15,6	2,0	100
Смоленская »	0,4	19,7	49,5	22,0	8,4	100
Новгородская.						
Валдайск. у. . . .	—	41,3	35,6	16,1	7,0	100
Старо-Русск. у. . . .	2,4	22,7	38,9	27,2	8,8	100
Тверская: Краснохолм. у.	2,3	4,6	76,0	13,3	3,8	100
Омская: Татарск. у. . . .	1,4	14,8	22,5	17,3	44,0	100

населения; в Смоленской—7,7%; в Валдайском уезде—11,6%; в Старо-Русском—11,6%; в Краснохолмском—7,1%; в Татарском—9,8%. (А. Минин, стр. 52).

Нам неизвестно, какой преимущественно промысел распространен среди бескоровных. Быть может, будучи бескоровными, некоторые из них многолошадны, или занимаются разведением технических культур, или компенсируют себя развитием кустарных промыслов, или, наконец, находят источники жизни в торговле или даже ростовщичестве. Указание на то, что они бескоровны почти ничего не говорит о степени их зажиточности, хотя заставляет предполагать, что в общем, т.-е. при прочих равных условиях, мы имеем здесь дело с бедняцким слоем крестьянства. Если дело обстоит именно так, то члены маслодельных артелей выше по своему уровню зажиточности, чем общая масса крестьянства этих районов.

Значит ли это, что в кооперацию идут более зажиточные слои крестьянства, или, скажем резче, что кооперация «окулачивается»? Ничего подобного! Из приведенной таблицы этого вывода никак нельзя сделать. Таблица показывает, во-первых, что пролетаризующиеся крестьянские слои (за каковые мы при прочих равных условиях принимаем бескоровных) не идут в сбытовую и молочную кооперацию, ибо этот вид кооперации товаропроизводителей предполагает сравнительно высокий уровень собственных средств производства, собственного «постоянного капитала». А мы видели выше, что сельско-хозяйственная кооперация, как преимущественно сбытовая кооперация состоит из недифференцированных от средств производства товаропроизводителей. Конкретная особенность молочной кооперации состоит в силу технических условий производственного процесса в том, что средства производства (корова) здесь обладают большей стоимостью, чем в других отраслях сельско-хозяйственного промысла. Выражаясь аналогиями, мы можем сказать, что органический состав капитала маслодельного промысла выше, чем в других отраслях сельско-хозяйственной сбытовой кооперации [1]).

[1]) Если бы, например, была введена купля-продажа земли, то картина бы существенно изменилась. Тогда крестьянин, обрабатывающий на последней кляче одну «собственную» десятину свекольного посева, оказался бы «зажиточнее» сибирского маслодела.

Во-вторых, таблица показывает, что «зажиточные», «крепкие» мужички, составляющие основной кадр маслодельных артелей, являются прямыми представителями той стадии раннего капитализма, простого товарного производства, о котором было сказано выше.

При прочих равных условиях, т.-е. если предполагать, что молочное дело является основным и единственным промыслом нашего маслодела и что он, следовательно, не зарабатывает «на стороне» ссудою денег под проценты, или мелочной бакалейной торговлей и т. п.,—такой наш крестьянин есть «трудовой мужик». Он не эксплоатирует чужого труда. Справиться с одной, двумя и даже тремя коровами и даже переработать их молоко в молочные продукты можно свободно силами обыкновенной, средней численности, семьи. С другой стороны, доход от двух—трех коров не может быть столь велик, чтобы за его счет оплачивать наемную рабочую силу и праздность хозяев, если бы последние задумали прибегнуть к такому найму. Рабочая сила нанимается обычно в сельском хозяйстве лишь тогда, когда средства производства слишком велики, чтобы их владелец мог с ним справиться собственными силами. Лишь здесь наступает для такого хозяина момент превращения в капиталиста, момент, которому на другом полюсе социального процесса соответствует образование пролетария.

IV.

Установление факта, что в нашей сельско-хозяйственной кооперации, а равно и в нашем сельском хозяйстве в целом, господствует строй простого товарного производства имеет гигантское, основное значение для выяснения возможностей внедрения социализма в советскую деревню. Этот факт является ключом к разрешению вопроса о том, почему социалистические формы производства могут с успехом привиться не только к крупной индустрии, прошедшей длинный путь капиталистического развития с конкуренцией капиталистических фирм, обнищанием масс, образованием резервной армии, нарастанием классовых антагонизмов и—в качестве завершительного звена—Zusammenbruch'ом (катастрофой социального переворота), но также и к сельскому хозяйству мелко-буржуазной страны.

Именно, такая страна, в которой сельское хозяйство:

1) стоит на грани между докапиталистическими и капиталистическими способами производства,

2) расчлененное на массу мелких хозяйств, руководится индивидуальными товаропроизводителями, недифференцированными на собственников средств производства и наемных пролетариев;

3) втянуто в достаточной мере в общественный товарооборот,

4) вынуждено вследствие расширения сбыта и аграрного перенаселения искать новые формы технического прогресса производства,—именно такая страна может при известных исторических предпосылках перейти к социализму, минуя капиталистические отношения, «перепрыгивая» через капитализм.

Соблюдение всех этих условий необходимо и, как сказано, при известных предпосылках достаточно для перехода к социализму, но когда нет одного или нескольких из этих условий, тогда и переход не возможен.

Упрощенный, меньшевистский, недиалектический марксизм представляет себе дело так: раз существует строй простого товарного производства, то вследствие конкурентной борьбы индивидуальных товаропроизводителей на рынке происходит вытеснение, пролетаризация тех продавцов товаров, которые продают продукты своего производства выше стоимости, т.-е. расходуют больше среднего общественно-необходимого количества труда для производства данного товара. На другом полюсе производится концентрация капиталов (средств производства) в руках господствующей группы капиталистов. Таким образом, развитие капитализма налицо.

Эти традиционные рассуждения совершенно упускают из виду специальные исторические условия и возможности, в которых развивается сельское хозяйство в нашей стране и в других еще не вполне индустриализированных странах (Китай, Турция, Индия). Ссылки сторонников этих рассуждений на Маркса совершенно несостоятельны, ибо Маркс своем анализе имел в виду исключительно страны, вступающие раньше других в капиталистическую полосу развития. Огульное перенесение открытых Марксом законов развития хозяйственных отношений передовых капиталистических стран (Англия, Германия и др.), на восточные страны, развивающиеся при совершенно иной исторической обстановке, означает насилие над Марксом, ибо Маркс всегда протестовал против универсализации его законов, против приписывания им всеобщего философско-исторического значения.

Он с удовлетворением отмечает то место критика I тома «Капитала» в «Вестнике Европы», который говорит, что для Маркса не существует общих философско-исторических, т.-е. действительных для всех времен и народов законов развития. Полемизируя с Н. К. Михайловским, который обвинял Маркса в схематическом, т.-е. огульном, дедуктивном, распространении открытых им законов развития на Россию и отмечая, что «если Россия стремится стать нацией капиталистической «то ей придется пройти путь пролетаризации доброй доли своих крестьян», Маркс делает дальше следующие характерные замечания:

«Вот и все. Но этого моему критику (Михайловскому. *А. Г.*) слишком мало, ему непременно нужно превратить мой очерк генезиса капитализма в историко-философскую теорию общего хода экономического развития—в теорию, которой фатально должны подчиняться все народы (каковы бы ни были исторические условия, в которых они находятся), чтобы притти, в конце-концов, к такому экономическому строю, который обеспечивает им наибольший размах производительных сил общественного труда и наиболее всестороннее развитие каждого отдельного человека.

Но прошу у него извинения. Это значило бы зараз и делать мне слишком много чести и приписывать мне ошибочное мнение, в котором я ничуть не повинен» [1].

Но по сути дела, возможен ли, и при каких предпосылках возможен переход от простого товарного производства к социалистическому производству? Чтобы ответить на этот вопрос с марк-

[1]) Письмо К. Маркса в «Юридич. Вестник». Цитирую по сборнику «Письма К. Маркса и Фр. Энгельса к Николаю-Ону». Перевод г. Лопатина, СПБ. 1908 г., стр. 116. (Курсив мой. *А. Г.*).

систской точки зрения, нужно поставить его в несколько иной форме, упрощающей выяснение сути дела.

Строй простого товарного производства при прочих равных условиях, т.-е. при тех исторических условиях какие имела, например, западно-европейская народно-хозяйственная жизнь с необходимостью развивается в капиталистический строй. Эта необходимость об'ясняется усиливающимися меновыми связями и вытекающими отсюда потребностями в расширении общественного производства. Усиление «производительных сил» общества упирается в социальные формы индивидуального, мелкого товаропроизводства и разрывает поставленные ими грани. Дифференцируя мелкого товаропроизводителя на владельца средств производства и продавца рабочей силы, сосредоточивая значительные массы последних (продавцов рабочей силы, т.-е. рабочих) под крышей владельца средств производства, новый, капиталистический строй увеличивал до необходимых пределов производительную мощь общества. Итак, историческая миссия капитализма, оправдание смысла его существования состоит в громадном увеличении производительной мощи общества, увеличении, обусловленном новой (капитализма) социальной оболочкой функционирования производительных сил.

Расширение производства диктовало вступление человечества в капиталистическую фазу своего существования. Дифференциация средств производства от раб. силы было его методом. Наконец, юридическое закрепление собственности на средства производства за одной частью общества и на раб. силу—за другой частью общества, т.-е. оформление общества в классовую внутренне-антагонистическую структуру, было необходимым специфическим признаком капитализма, происшедшего вследствие стихийности и медленности процесса развития производительной мощи общества, постепенности отрыва товаропроизводителей от их средств производства [1]).

Цель [2]) — расширение производства, не есть специфическая миссия капитализма. Эта цель постоянно стоит перед человечеством, вынуждая его периодически переходить к новым социаль-

[1]) Вследствие постепенности процесса экспроприации мелких собственников, обусловленного в свою очередь постепенностью возрастания потребности в увеличенной продукции, эта экспроприация не могла произойти как переход всего общества в целом в новую историческую фазу. Наоборот, эта экспроприация отрывала постепенно одного за другим мелких собственников от средств производства и, следовательно, постепенно образовывала их в класс пролетариев. Если бы дело происходило обратно, т.-е. если бы потребность в расширении производства встала бы как катастрофическая необходимость перед обществом, и притом в значительном масштабе, то этот процесс отрыва товаропроизводителя от средств производства мог бы произойти как сознательный, не стихийный процесс. В этом случае общество, сознавая опасности капиталистического способа дифференциации собственности на средства производства и рабочую силу, могло бы поставить перед собою задачу избежания этих «Кавдинских ущелий капитализма», как выразился Маркс. Но для разрешения этой задачи недостаточно, однако, одного только сознания ее важности.

[2]) Когда мы говорим о «цели» вступления человечества в ту или иную фазу хозяйств. деятельности, то, разумеется, мы вовсе не имеем в виду какой-либо сознательно поставленной себе обществом цели. Речь идет о новой ступени развития производительных сил, стихийно достигнутой обществом в результате сознательной эконом. деятельности миллионов отдельных индивидуумов. Впрочем, вопрос о «стихийности» и «сознательности» общественного процесса нужно считать решенным полемикой между марксистами и народниками 25—30 лет назад.

Упрощенный, меньшевистский, недиалектический марксизм представляет себе дело так: раз существует строй простого товарного производства, то вследствие конкурентной борьбы индивидуальных товаропроизводителей на рынке происходит вытеснение, пролетаризация тех продавцов товаров, которые продают продукты своего производства выше стоимости, т.-е. расходуют больше среднего общественно-необходимого количества труда для производства данного товара. На другом полюсе производится концентрация капиталов (средств производства) в руках господствующей группы капиталистов. Таким образом, развитие капитализма налицо.

Эти традиционные рассуждения совершенно упускают из виду специальные исторические условия и возможности, в которых развивается сельское хозяйство в нашей стране и в других еще не вполне индустриализированных странах (Китай, Турция, Индия). Ссылки сторонников этих рассуждений на Маркса совершенно несостоятельны, ибо Маркс своем анализе имел в виду исключительно страны, вступающие раньше других в капиталистическую полосу развития. Огульное перенесение открытых Марксом законов развития хозяйственных отношений передовых капиталистических стран (Англия, Германия и др.), на восточные страны, развивающиеся при совершенно иной исторической обстановке, означает насилие над Марксом, ибо Маркс всегда протестовал против универсализации его законов, против приписывания им всеобщего философско-исторического значения.

Он с удовлетворением отмечает то место критика I тома «Капитала» в «Вестнике Европы», который говорит, что для Маркса не существует общих философско-исторических, т.-е. действительных для всех времен и народов законов развития. Полемизируя с Н. К. Михайловским, который обвинял Маркса в схематическом, т.-е. огульном, дедуктивном, распространении открытых им законов развития на Россию и отмечая, что «если Россия стремится стать нацией капиталистической «то ей придется пройти путь пролетаризации доброй доли своих крестьян», Маркс делает дальше следующие характерные замечания:

«Вот и все. Но этого моему критику (Михайловскому. *А. Г.*) слишком мало, ему непременно нужно превратить мой очерк генезиса капитализма в историко-философскую теорию общего хода экономического развития—в теорию, которой фатально должны подчиняться все народы (каковы бы ни были исторические условия, в которых они находятся), чтобы притти, в конце-концов, к такому экономическому строю, который обеспечивает им наибольший размах производительных сил общественного труда и наиболее всестороннее развитие каждого отдельного человека.

Но прошу у него извинения. Это значило бы за раз и делать мне слишком много чести и приписывать мне ошибочное мнение, в котором я ничуть не повинен» [1]).

Но по сути дела, возможен ли, и при каких предпосылках возможен переход от простого товарного производства к социалистическому производству? Чтобы ответить на этот вопрос с марк-

[1]) Письмо К. Маркса в «Юридич. Вестник». Цитирую по сборнику «Письма К. Маркса и Фр. Энгельса к Николаю-Ону». Перевод г. Лопатина, СПБ. 1908 г., стр. 116. (Курсив мой. *А. Г.*).

систской точки зрения, нужно поставить его в несколько иной форме, упрощающей выяснение сути дела.

Строй простого товарного производства при прочих равных условиях, т.-е. при тех исторических условиях какие имела, например, западно-европейская народно-хозяйственная жизнь с необходимостью развивается в капиталистический строй. Эта необходимость об'ясняется усиливающимися меновыми связями и вытекающими отсюда потребностями в расширении общественного производства. Усиление «производительных сил» общества упирается в социальные формы индивидуального, мелкого товаропроизводства и разрывает поставленные ими грани. Дифференцируя мелкого товаропроизводителя на владельца средств производства и продавца рабочей силы, сосредоточивая значительные массы последних (продавцов рабочей силы, т.-е. рабочих) под крышей владельца средств производства, новый, капиталистический строй увеличивал до необходимых пределов производительную мощь общества. Итак, историческая миссия капитализма, оправдание смысла его существования состоит в громадном увеличении производительной мощи общества, увеличении, обусловленном новой (капитализма) социальной оболочкой функционирования производительных сил.

Расширение производства диктовало вступление человечества в капиталистическую фазу своего существования. Дифференциация средств производства от раб. силы было его *методом*. Наконец, юридическое закрепление собственности на средства производства за одной частью общества и на раб. силу— за другой частью общества, т.-е. оформление общества в классовую внутренне-антагонистическую структуру, было необходимым *специфическим признаком* капитализма, происшедшего вследствие стихийности и медленности процесса развития производительной мощи общества, постепенности отрыва товаропроизводителей от их средств производства [1]).

Цель [2]) — расширение производства, не есть специфическая миссия капитализма. Эта цель постоянно стоит перед человечеством, вынуждая его периодически переходить к новым социаль-

[1]) Вследствие постепенности процесса экспроприации мелких собственников, обусловленного в свою очередь постепенностью возрастания потребности в увеличенной продукции, эта экспроприация не могла произойти как *переход всего общества в целом* в новую историческую фазу. Наоборот, эта экспроприация отрывала постепенно одного за другим мелких собственников от средств производства и, следовательно, постепенно образовывала их в класс пролетариев. Если бы дело происходило обратно, т.-е. если бы потребность в расширении производства встала бы как катастрофическая необходимость перед обществом, и притом в значительном масштабе, то этот процесс отрыва товаропроизводителя от средств производства мог бы произойти *как сознательный, не стихийный* процесс. В этом случае общество, сознавая опасности капиталистического способа дифференциации собственности на средства производства и рабочую силу, могло бы поставить перед собою задачу избежания этих «Кавдинских ущелий капитализма», как выразился Маркс. Но для разрешения этой задачи недостаточно, однако, одного только сознания ее важности.

[2]) Когда мы говорим о «цели» вступления человечества в ту или иную фазу хозяйств. деятельности, то, разумеется, мы вовсе не имеем в виду какой-либо сознательно поставленной себе обществом цели. Речь идет о новой ступени развития производительных сил, стихийно достигнутой обществом в результате сознательной эконом. деятельности миллионов отдельных индивидуумов. Впрочем, вопрос о «стихийности» и «сознательности» общественного процесса нужно считать решенным полемикой между марксистами и народниками 25—30 лет назад.

пым формам. Метод—дифференциация частной собственности на средства производства и рабочую силу, необходим на той ступени развития производительных сил, которая именуется простым товарным производством. Только при этой дифференциации и при вытекающем отсюда разрушении индивидуального, мелко-буржуазного производства, возможен переход к крупному производству через мануфактуру к современной фабрике.

Но переход частной собственности на средства производства в новую форму частной же собственности, только сосредоточенной в руках капиталистов, т.-е. конституирование общества предпринимателей и пролетариев, необходимо только при указанных выше особенностях. Предприниматель накопляет капиталы (в виде средств производства и денег на выплату заработной платы) и благодаря этому имеет возможность привлекать под крышу своей фабрики (или мануфактуры) массы рабочих. Не может ли это накопление производить какая-либо другая сила—не класс капиталистов.

Такая постановка вопроса вводит нас в рассмотрение тех особенностей, при которых оказывается возможным «перепрыгивание» через капитализм. Для того, чтобы от строя простого товарного хозяйства перейти к социализму, нужно:

1) чтобы нашлась какая-либо социальная сила, которая могла бы выполнить историческую миссию капитализма в деле отделения индивидуальных владельцев средств производства от владельцев рабочей силы и тем подготовила бы переход к крупному производству;

2) чтобы эта сила имела общегосударственный национальный характер, если речь идет об одной стране, или распространяла свое влияние на все те страны, в которых такой переход к социализму подготовляется.

Предвидели ли основоположники социализма возможность прямого перехода от докапиталистических отношений к социалистическим?

В письме к Каутскому от 12/IX—1892 г. Энгельс, обсуждая условия, при которых произойдет социалистический переворот в колониальных странах, говорит:

«Раз только реорганизована (на социалистический лад. *А. Г.*) Европа и Северная Америка, это даст такую колоссальную силу и такой пример, что полуцивилизованные страны сами собой потянутся за нами; об этом позаботятся одни уже экономические потребности. Какие социальные и политические фазы придется тогда проделать этим странам, пока они дойдут тоже до социалистической организации, об этом, я думаю, мы могли бы выставить лишь довольно праздные гипотезы» [1]).

Энгельс не говорит прямо о том, какого характера «экономические потребности» позаботятся о переходе полуцивилизованных стран от своих докапиталистических отношений к социализму. Будут ли это экономические потребности только этих стран, или же тех европейских, прошедших капитализм, государств, которые теперь играют роль метрополии по отношению к этим странам. Несомненно, что «полуцивилизованные» страны, по мнению Энгельса, будут ко времени социалистического переворота настолько втянуты в мировой товарообмен, что им не обойтись без экономического общения с «реорганизованными» Европой и Сев. Америкой. Несомненно, что в силу этого они вынуждены будут приспособлять социальные формы своей хозяйственной жизни к экономическому укладу передовых стран. В этом смысле будут действовать «экономические потребности» переживающих докапиталистические отношения стран.

Но, с другой стороны, будут действовать также экономические потребности культурных стран, прошедших задолго до социалистического переворота фазу перехода от простого товарного хозяйства к капитализму. Экономические потребности этих стран заключаются в том, что они нуждаются в сырье и полуфабрикатах ныне колониальных, а при социализме политически независимых стран. Социалистические страны будут так же нуждаться в приобретении предметов первичной обработки (в т. ч. продуктов сельского хозяйства, заметим мы, несколько забегая вперед), как отсталые страны в сбыте товаров. Если бы налицо не было социалистического потребителя изделий «колониальных» стран, потребителя значительно более богатого, т.-е. экономически более мощного, развитого, чем эти отсталые страны, то процесс превращения мелкого производства в них в крупное пошел бы капиталистическим путем, ибо капиталисты оказались бы единственной силой способной материально, т.-е. средствами, деньгами поддерживать крупное производство, авансировать его функционирование. Но взаимная экономическая зависимость между докапиталистическими и вступившими в фазу социализма странами толкает последние к материальной поддержке, к финансированию тех предприятий, которые при иных условиях организовывал бы капиталист.

Старые русские народники тоже думали о возможности перехода от простого товарного хозяйства к социализму. Тем не менее они ошиблись. Переход от общины к социализму оказался невозможным в русских условиях конца XIX века. Почему?

Ошибка народников не в том заключалась, что они не понимали общих законов развития товарного хозяйства, хотя большинство из них не могло похвастать и этими знаниями. Их ошибка заключалась в неумении оценить конкретные условия экономического развития России. Им казалось, что достаточно взять власть,—как развитие хозяйства **мимо** капитализма будет обеспечено. Но они не заметили, что в России не достает главного условия для избавления от капитализма: не достает той третьей силы, которая могла бы авансировать материальные средства для социалистической организации сельского хозяйства.

В 1881 г. незадолго до цареубийства (16 февраля) Вера Засулич писала Марксу письмо из Женевы. Она просила автора «Капитала» высказаться по вопросу о том, вправе ли русские «ученики» ссылаться на Маркса в своей полемике с народниками.

«В последнее время,—пишет она,—мы часто слышим мнения, что сельская община является архаической формой, которую история, научный социализм,—словом, все, что есть наиболее бесспорного, обрекают на гибель. Люди, проповедующие это, называют себя вашими учениками par excellence «марксистами». Их самым сильным аргументом часто является: «Так говорит Маркс» [1]).

---

[1]) Цитирую по Н. Ленину, т. XX, стр. 192.

[1]) «Архив Маркса и Энгельса», книга I, стр. 269.

При составлении ответа Маркс написал пять черновиков [1]). Краткий ответ, данный 8 марта 1881 г., в высшей степени любопытен и поучителен. Маркс становится в своем ответе не на точку зрения «учеников», а в защиту сторонников взгляда о возможности перехода от общинного ведения сельского хозяйства непосредственно к социализму.

«Историческая неизбежность» этого процесса (экспроприации земледельца. *А. Г.*) *точно* ограничена странами *Западной Европы*».

И дальше: «Специальные изыскания, которые я произвел и материалы для которых я почерпал в первоисточниках, убедили меня, что эта община является точкой опоры общественного возрождения России. Но для того, чтобы она могла функционировать, как таковая, нужно было бы прежде всего устранить тлетворные влияния, которые теснят ее со всех сторон, а затем обеспечить ей условия самостоятельного развития».

Вот в том-то и дело, что силы, которая могла бы устранить «тлетворные влияния» раннего капитализма и выполнить взамен его роль насаждения крупного производства, не было в то время в России, когда происходил обмен этими интереснейшими письмами.

Ясно, что Маркс не считал исключенной возможность непосредственного производства от докапиталистических отношений к социализму. Нужно прямо сказать, что Маркс ошибся в своей оценке русской общины [2]). Он принимал ее за достаточно жизненную форму организации сельского хозяйства, она же оказалась на деле уже из'еденной капиталистическими влияниями. С другой стороны, он надеялся на возможность быстрого революционного переворота, который бы поставил во главе страны правительство, финансирующее дальнейшее «самостоятельное развитие» общины. Но он был столь предусмотрителен, что старался указать источники, резервы этого финансирования. Эти источники он находил в *отказе от уплаты государственных долгов* и в обращении этих сумм на поддержку общинного хозяйства.

«Если бы во время освобождения крестьян,—пишет он в первом наброске ответа В. Засулич,—сельская община была сразу поставлена в нормальные условия развития, если бы, затем, громадный государственный долг, выплачиваемый главным образом за счет крестьян, вместе с другими огромными суммами, предоставленными через посредство государства (все за счет крестьян) «новым общественным слоям» (nouvelles colonnes de sociète), превращенным в капиталистов,—если бы все эти траты были употреблены на дальнейшее развитие сельской общины, то никто не задумался бы теперь об «исторической неизбежности» уничтожения общины, все признавали бы в ней элемент возрождения русского общества и элемент превосходства над странами, еще порабощенными капиталистическим режимом».

[1]) Опубликованы в той же книге «Архива».

[2]) В своей брошюре «Возможна ли победа социализма в одной стране?» т. Варейкис не только отказывается признать ошибку Маркса, но полагает, что община еще и теперь может сыграть большую роль в деле перехода сельского хозяйства к социализму. Эта точка зрения заслуживает специального освещения, почему мы и не считаем возможным останавливаться здесь на ней более подробно.

Для того, чтобы от строя простого товарного производства перейти к социалистическому, нужна, следовательно, материальная поддержка, финансирование социалистических начинаний в деревне. Тогда капитализм теряет главный козырь, основное условие, необходимое для его распространения. Однако, как мы говорили выше, необходимо, чтобы сельское хозяйство такой страны было достаточно втянуто в мировой товарооборот. Тогда при наличии преимущественно мелкого индивидуального производства, при зачаточном состоянии капиталистических отношений, при сравнительно сильном развитии меновых связей, *материальная поддержка социалистического строительства в деревне может успешно конкурировать с капиталистическими ферментами*. Маркс формулировал эти мысли в следующих словах:

«С одной стороны, общая поземельная собственность дает возможность непосредственно и постепенно превращать парцеллярное и индивидуалистическое земледелие в земледелие коллективное, и русские крестьяне уже ведут его на нераздельных лугах. Физическая конфигурация ее почвы благоприятна для механической обработки в широком масштабе. Навык крестьянина в артельных отношениях облегчает ему переход от парцеллярного хозяйства к хозяйству кооперативному, и, наконец, русское общество, так долго жившее на его счет, обязано ему предоставить необходимые авансы для такого перехода. С другой стороны, одновременное существование западного производства, господствующего на всемирном рынке, позволяет России ввести в общине все положительные достижения капиталистического строя, не проходя сквозь его Кавдинские ущелья» [1]).

Но «русское общество» того времени заботилось совсем не о том, чтобы «предоставить необходимые авансы» общине для упрочения социалистических форм хозяйства. Как раз наоборот, начиная с 1861 г. это «общество» поддалось в значительной мере буржуазному влиянию. Старые дворянские гнезда были заложены и перезаложены за долги героям первоначального накопления из молодой российской буржуазии. В городах началось развитие фабричного производства, а из деревень стали стягиваться «экспроприированные» манифестом 19 февраля земледельцы. Россия и «русское общество» стало пропитываться капитализмом.

Каждый шаг вперед хозяйственного развития России отодвигал ее все дальше и дальше от возможности перехода к социализму. «Кавдинские ущелья» капитализма становились все более и более реальной опасностью. Незадолго до смерти в упомянутом выше письме по поводу статьи Н. Михайловского Маркс писал:

«Я пришел к такому выводу: если Россия будет продолжать итти по тому пути, по которому она шла с 1861 г., то она лишится самого прекрасного случая, какой когда-либо предоставляла история какому-либо народу для избежания злоключений капиталистического строя».

В 1892 г. в письме к Николаю-Ону от 18 июня, Энгельс выражал сомнение в том, «имеется ли еще в запасе время для

[1]) Там же, стр. 273. Маркс все время говорит об общине, но не как об исключительном условии перехода крестьянского хозяйства к социализму, а как о форме докапиталистического производства.

такой перемены в общественном мнении России, которая сделала бы возможным привить к общине новейшую промышленность и новейшее земледелие и в то же самое время видоизменить самую общину таким образом, чтобы она могла стать подходящим и удобным орудием для этой новейшей промышленности и для ее производства из капиталистической в социализованную форму».

К началу XX столетия капитализм настолько основательно разворошил общинное земледелие и, скажем более обще, строй простого товарного производства, что ошибочность народнических воззрений стала окончательно ясна. Вместе с тем капитализм создал промышленность в городе.

Теперь уже отпала всякая надежда на возможность авансирования социалистических форм сельско-хозяйственного производства со стороны «русского общества». Марксисты видят естественный и исключительный резерв для поддержки социализма в русской деревне в развертывании социалистической революции в передовых странах Запада. Но, разрушая общину, создавая крупную промышленность, накопляя в ней прибавочный труд, капитализм создал тем самым условие для материальной поддержки социализму в сельском хозяйстве в тот момент, когда промышленность оказалась в руках социалистического пролетариата.

Капитализм раз'сдал строй индивидуальных мелких товаропроизводителей, но в основном не успел его разрушить. Громадная страна с стомиллионным крестьянским населением оказалась слишком большим резервом для молодого русского капитализма. Раньше, чем ему удалось в корне, т.-е. в основной массе, разрушить простой товарный строй, экспроприировать земледельца, созданная им (капитализмом) промышленность оказалась настолько мощной, что пролетариат смог взять за горло своего господина. Русская промышленность развивалась слишком быстро для торжества социализма в городе и слишком медленно для торжества капитализма в деревне. Между этими двумя ступенями истории нашел свою гибель буржуазный строй.

С другой стороны, докапиталистически организованному сельскому хозяйству не удалось в своем развитии полностью избежать капитализма. Оно переходит к социализму не в девственном виде, как это думали народники. Оно отдало значительную дань капитализму в течение всего пореформенного периода, вскормив и вспоив за свой счет капиталистическую индустрию. Второй раз оно отдает дань капитализму теперь, при нэпе.

Итак, социалистическая промышленность—вот тот резерв, который может авансировать развитие докапиталистических отношений в деревне в социалистические. Она может заменить собою капиталиста, предоставлявшего в Зап. Европейских странах свои материальные средства для увеличения производительной мощи товарного производства и для организации крупного, сперва мануфактурного, а затем и фабричного, производства. Социалистическая промышленность финансирует социалистический строй в деревне, социалистический способ производства в сельском хозяйстве. Но в отличие от капиталиста, закрепляющего за собою собственность на средства производства, социалистическая промышленность организует социалистические элементы в деревне не всегда в виде государственной собственности на средства производства.

В частности, внедряясь в деревню через рыночные отношения, социализм «деформируется» в промежуточные кооперативные формы, приспособляется к строю мелких индивидуальных товаропроизводителей с тем, чтобы впоследствии снова вырасти в индустриально-социалистические формы. В то время, как капиталист начинает как универсальный недифференцированный финансист и организатор производства (или скупщик) и лишь затем делится на две независимые ипостаси—банкира и предпринимателя,—социализм начинает с разделения функции финансирования от функции организации производства и торговли. Социалистическое государство выступает с материальной помощью, кооперативная организация докапиталистических товаропроизводителей организует товарообмен, а затем и производство. Впоследствии с ростом кооперативной организации она (кооперативная организация) подымается до уровня государственной промышленной организации. Грани между кооперацией и государством стираются в процессе обобществления (национализации) кооперативных капиталов и отмирания государственной власти, и социализм снова об'единяет функции управления общественными капиталами и организации производства. Мы видели, что на данной ступени своего развития с.-х. кооперативные организации еще достаточно далеки от осуществления этой перспективы, но что, с другой стороны, тенденции к ее осуществлению безусловно налицо.

Однако, вопрос о том, каковы именно те пути, по которым кооперативная торговая организация переходит к производству, каковы технические условия производства, при которых она производит дифференциацию собственности мелкого производства на общественную собственность средств производства и рабочую силу, выводит нас из рамок затронутого вопроса и подлежит обсуждению в следующей главе.

В. Богданов.

К характеристике современного меньшевизма.

IV. Какой класс управляет советским государством?

В нашей первой статье [1]) мы уже показали, что в оценке народно-хозяйственных процессов, протекающих в нашей стране, меньшевики чрезвычайно ярко демонстрируют свою буржуазно-лакейскую идеологию оправдания и восхваления западно-европейского капитализма, с одной стороны, и самой беззастенчивой и злостной клеветы на нашу хозяйственную систему,—с другой. Наряду с этим, они обнаруживают абсолютное непонимание (точнее, сознательное извращение) социальной природы нашего обобществленного хозяйства, классовой сущности нашей экономической политики. Мы видели, как меньшевики, безнадежно запутавшись в хаосе нагроможденных ими обвинений, не сумели свести концов с концами, не смогли примирить «нерациональность» и «безжизненность» советских методов управления народным хозяйством с фактом интенсивного экономического под'ема, «паразитический» характер госпромышленности—с фактом оздоровления и расцвета всего народного хозяйства.

После этого следует ожидать, что и все дальнейшие социологические обобщения меньшевиков, построенные на таком путаном анализе экономических факторов, разбавленные к тому же солидной дозой новых противоречий, представят собой настоящий букет уплотненного вздора. Действительно, с первого же шага, с первого же вопроса, который естественно возникает, как только мы от «базиса» переходим к «надстройке», к вопросу о социальной природе советского государства, о классовой основе пролетарской диктатуры, мы сталкиваемся с полнейшей беспомощностью меньшевистских «социологов». Данный вопрос вообще представляет собой оселок для испытания «марксистской учености» всех критиков коммунизма из стана западно-европейской социал-демократии. На нем с самого начала споткнулся, как известно, наиученейший меньшевик Каутский, наговоривший уйму чудовищных нелепостей, вроде того, что советская власть является орудием нарождающейся молодой буржуазии американского пошиба и в то же время представляет собой искусную внеклассовую организацию, стоящую и над буржуазией и над пролетариатом. Вариации в данном вопросе встречаются вообще самые разнообразные, начиная с утверждения о фашистски-бонапартистском характере советской диктатуры и кончая об'яснением «левого» с.-д. Бауэра, узревшего в нашей политике политику, несомненно, социалистическую, но «не рабоче-социалистическую, а социалистическую для рабочих» (??). Не везет и нашим меньшевикам. Беспомощно путаясь в поисках классовой характеристики нашего государства, они проявляют необычайное убожество мысли. В самом деле, что стоит, например, хотя бы следующее рассуждение:

> «Голая форма партийной диктатуры не может висеть в воздухе. Она должна опираться на определенные социальные силы, на вырастающий из этих сил административный, военный, полицейский и хозяйственный аппарат. До сих пор ее аппарат состоял, главным образом, из людей, сплотившихся под ее знаменем в дни «грабежа награбленного», «военного коммунизма», кровавого террора и гражданской войны» [1]).

Таким образом, в течение восьми лет советская власть укреплялась держась «на тех людях», «классовый интерес» которых заключается в грабеже награбленного.

Но позвольте, чей же это классовый интерес?

Какой характер носила новая организация производства и производственных отношений с момента национализации крупной промышленности, т.-е. примерно, с середины 1918 года?

Никакого прямого точного ответа у меньшевиков не сыскать и днем с огнем. Повторение старых чисто обывательских, контрреволюционно-обывательских измышлений, смягченных лишь во внешней формулировке,—вот все, на что хватает марксистской учености наших меньшевиков. Они, оказывается, не только не ушли далеко от Каутского, с которым они якобы не соглашаются, но их «марксизм» не отличается существенно и от социального мировоззрения отставных генеральш и бывших придворных дам, торгующих в советской России спичками и ругающих большевиков каторжниками, грабителями и т. д.

Рассмотрим далее другую, несколько отличную от первой характеристику советской системы:

> «Наша большевистская диктатура,—пишет меньшевик Далин,—перещеголяла все формы диктатуры, существовавшие где-либо и когда-либо. Никогда господство государства не было столь всеоб'емлющим, и потому диктатура никогда не была столь неограниченной, как у нас. В этом смысле диктатура Хорти и Муссолини далеко уступает большевистской диктатуре: ни в Венгрии, ни в Италии оппозиция не была так задавлена, независимый голос не был так придушен, как у нас... бесстыдный произвол венгерской и итальянской диктатуры во многом уступает диктатуре русской... Поэтому экономическое возрождение этих обоих стран пошло много легче, и они гораздо ближе к своему довоенному экономическому уровню, чем Россия» [2]).

Приведенная аналогия крайне поучительна. Если ее продумать поглубже, если провести ее до конца, даже стоя на точке зрения Далина, то мы придем непосредственно к вопросу: почему же все-таки в советской России государство пользуется таким неизмеримым могуществом, почему, выражаясь на меньшевистском жаргоне, его «произвол» столь неограничен, почему,

---

[1]) «Большевик» № 23—24. 1925 г.

[1]) «Социалистический Вестник» № 10. Передовая.
[2]) «Социалистический Вестник» № 14. 1925 г.

наконец, Хорти и Муссолини, опирающиеся на классовую мощь буржуазии, пользующиеся ее туго набитым денежным мешком и находящие широкую поддержку за границей, оказываются почти что «либералами» по сравнению с большевиками?

Естественный ответ, который напрашивается сам собой, следующий: пролетарская диктатура может подавлять буржуазию гораздо радикальней, может искоренять все попытки контрреволюционной реставрации на много решительней, чем это удается по отношению к пролетариату фашистской диктатуре, только потому, что первая сама опирается на значительно более широкую социальную базу, потому, что она находит активную поддержку в широких массах населения. Именно такой вывод непосредственно вытекает из элементарной логики марксизма, рассматривающей всякое государство, как орудие господства определенного класса. Однако, ожидать от меньшевиков подобной логики—величайшая наивность.

Два разобранных нами примера достаточно точно характеризуют общий теоретический уровень меньшевистской «социологии». Дальнейшее рассмотрение меньшевистской концепции в этой области представляется нам поэтому занятием совершенно непроизводительным, тем более, что блестящая отповедь тов. Бухарина Каутскому почти целиком уничтожает все остальные аргументы и либерданов.

* * *

Перейдем теперь к меньшевистским прогнозам насчет дальнейших путей развития пролетарской диктатуры, к их анализу социально-динамических процессов и классовых сдвигов, происходящих под оболочкой советской системы. Может быть, хотя бы здесь меньшевики дадут сколько-нибудь связную и последовательно развитую точку зрения.

Наши ожидания, конечно, совершенно напрасны.

«Как сложились бы обстоятельства, если бы нынешняя линия большевиков, мечтающих о «коммунистической» диктатуре, развязывающей коммунистические отношения, могла без помехи доведена до «логического конца».

В этом случае утверждение законности прекращения административного нажима, оживление советов (??), выдвижение беспартийных и т. д. и т. д.,—все это стало бы лишь более или менее приличным псевдонимом для того процесса замещения старого персонала новым (!!), к которому диктаторы отчасти уже и сейчас вынуждены приступить в интересах ставшего абсолютно необходимым «развития капиталистических отношений».

Но эти новые люди, которые начали бы вытеснять старых, ставших не ко времени, естественно, вербовались из слоев, положительными узами связанных с этим развитием... Входя в исполкомы и советы, во всевозможные совещания и комиссии, эти «честные беспартийные» уже не «коммунистическую линию» стали бы гнуть. Весь персональный состав диктаторской верхушки мог бы до поры до времени остаться неизменным; официальным гимном страны мог бы попрежнему быть «Интернационал»—это не помешало бы тому, что вся деятельность диктатуры стала бы принимать иную социальную окраску... И этот процесс обуржуазивания диктатуры пошел бы тем успешней и усиленней, чем более всякое противодействие ему, всякая критика его была задавлена рукой террора и режимом несвободы, а большевистская диктатура могла бы продолжать воображать себя «диктатурой рабочего класса» до тех пор, пока окрепшие под ее крылом буржуазные классы не найдут для себя и ненужной и стеснительной ее коммунистическую фразеологию и террористические формы ее властвования: и когда под их напором—бесшумно или с треском государственного переворота—лопнет диктаторская оболочка власти, из нее вылупится готовое новое общество.

И в этом случае молодой русский капитализм станет оплотом буржуазной реакции в Европе» [1]).

Итак, если что и помешает Макдональду, Вельсу, Реноделю и пр. в ближайшие же годы совершить социальную революцию, то это лишь выращенный и выпестованный большевиками русский капитализм. Непонятно только, почему европейская буржуазия не настолько дальновидна, как ее меньшевистские оруженосцы, и не помогает нам в нашем хозяйственном строительстве, ведь с точки зрения ее интересов—это лучшее средство гарантировать себя от революционной экспроприации своим собственным пролетариатом.

Но перейдем к сути дела: каковы об'ективные причины нарисованного выше финала русской революции?

Неизбежность и необходимость перерождения, классовой трансформации и прочих страшных вещей, которые сулят нам меньшевики, может вытекать из двоякого рода обстоятельств: или из неизбежности в ближайшем будущем такого усиления капиталистических отношений в нашем народном хозяйстве, которое повлечет за собой в дальнейшем соответствующую трансформацию социально-политической надстройки—это первая перспектива: или—перспектива вторая—из изменения одних лишь политических форм нашего строя в целях приспособления их к уже изменившейся экономической структуре. Иными словами, перерождение может пойти по двум путям: 1) одновременного «обуржуазивания» и экономики и социальной надстройки, и 2) перерождения одной лишь государственной системы, эволюционирования советской власти по направлению к обычному буржуазному государству, при чем последняя возможность предполагает наличие уже теперь в нашей экономической и социальной обстановке об'ективных факторов, обрекающих пролетарскую диктатуру на «линяние и перекрашивание в новые социальные цвета».

В приведенной выше цитате развивается первый вариант, построенный на том, что капиталистические отношения в ближайшие годы восторжествуют в нашей экономике. Согласно этому варианту, перерождение грозит нам только в будущем. Но такая будущность уже полностью опровергается настоящим, наше обобществленное хозяйство растет и крепнет; с каждым днем удельный вес его во всей национальной экономике не-

---

[1]) «Соц. Вестник» № 10. Несмотря на пространность настоящей цитаты, мы не могли отказать себе в удовольствии привести ее полностью, ибо в ней с особенной ясностью выступает вся бездна «меньшевистской мудрости».

наконец, Хорти и Муссолини, опирающиеся на классовую мощь буржуазии, пользующиеся ее туго набитым денежным мешком и находящие широкую поддержку за границей, оказываются почти что «либералами» по сравнению с большевиками?

Естественный ответ, который напрашивается сам собой, следующий: пролетарская диктатура может подавлять буржуазию гораздо радикальней, может искоренять все попытки контрреволюционной реставрации на много решительней, чем это удается по отношению к пролетариату фашистской диктатуре, только потому, что первая сама опирается на значительно более широкую социальную базу, потому, что она находит активную поддержку в широких массах населения. Именно такой вывод непосредственно вытекает из элементарной логики марксизма, рассматривающей всякое государство, как орудие господства определенного класса. Однако, ожидать от меньшевиков подобной логики—величайшая наивность.

Два разобранных нами примера достаточно точно характеризуют общий теоретический уровень меньшевистской «социологии». Дальнейшее рассмотрение меньшевистской концепции в этой области представляется нам поэтому занятием совершенно непроизводительным, тем более, что блестящая отповедь тов. Бухарина Каутскому почти целиком уничтожает все остальные аргументы и либерданов.

* * *

Перейдем теперь к меньшевистским прогнозам насчет дальнейших путей развития пролетарской диктатуры, к их анализу социально-динамических процессов и классовых сдвигов, происходящих под оболочкой советской системы. Может быть, хотя бы здесь меньшевики дадут сколько-нибудь связную и последовательно развитую точку зрения.

Наши ожидания, конечно, совершенно напрасны.

«Как сложились бы обстоятельства, если бы нынешняя линия большевиков, мечтающих о «коммунистической» диктатуре, развязывающей коммунистические отношения, могла без помехи доведена до «логического конца».

В этом случае утверждение законности прекращения административного нажима, оживление советов (??), выдвижение беспартийных и т. д. и т. д.,—все это стало бы лишь более или менее приличным псевдонимом для того процесса замещения старого персонала новым (!!), к которому диктаторы отчасти уже и сейчас вынуждены приступить в интересах ставшего абсолютно необходимым «развития капиталистических отношений».

Но эти новые люди, которые начали бы вытеснять старых, ставших не ко времени, естественно, вербовались из слоев, положительными узами связанных с этим развитием... Входя в исполкомы и советы, во всевозможные совещания и комиссии, эти «честные беспартийные» уже не «коммунистическую линию» стали бы гнуть. Весь персональный состав диктаторской верхушки мог бы до поры до времени остаться неизменным; официальным гимном страны мог бы попрежнему быть «Интернационал»—это не помешало бы тому, что вся деятельность диктатуры стала бы принимать иную социальную окраску... И этот процесс обуржуазивания диктатуры пошел бы тем успешней и усиленней, чем более всякое противодействие ему, всякая критика его была задавлена рукой террора и режимом несвободы, а большевистская диктатура могла бы продолжать воображать себя «диктатурой рабочего класса» до тех пор, пока окрепшие под ее крылом буржуазные классы не найдут для себя ненужной и стеснительной ее коммунистическую фразеологию и террористические формы ее властвования; и когда под их напором—бесшумно или с треском государственного переворота—лопнет диктаторская оболочка власти, из нее вылупится готовое новое общество.

И в этом случае молодой русский капитализм станет оплотом буржуазной реакции в Европе» [1]).

Итак, если что и помешает Макдональду, Вельсу, Реноделю и пр. в ближайшие же годы совершить социальную революцию, то это лишь выращенный и выпестованный большевиками русский капитализм. Непонятно только, почему европейская буржуазия не настолько дальновидна, как ее меньшевистские оруженосцы, и не помогает нам в нашем хозяйственном строительстве, ведь с точки зрения ее интересов—это лучшее средство гарантировать себя от революционной экспроприации своим собственным пролетариатом.

Но перейдем к сути дела: каковы об'ективные причины нарисованного выше финала русской революции?

Неизбежность и необходимость перерождения, классовой трансформации и прочих страшных вещей, которые сулят нам меньшевики, может вытекать из двоякого рода обстоятельств: или из неизбежности в ближайшем будущем такого усиления капиталистических отношений в нашем народном хозяйстве, которое повлечет за собой в дальнейшем соответствующую трансформацию социально-политической надстройки—это первая перспектива; или—перспектива вторая—из изменения одних лишь политических форм нашего строя в целях приспособления их к уже изменившейся экономической структуре. Иными словами, перерождение может пойти по двум путям: 1) одновременного «обуржуазивания» и экономики и социальной надстройки, и 2) перерождения одной лишь государственной системы, эволюционирования советской власти по направлению к обычному буржуазному государству, при чем последняя возможность предполагает наличие уже теперь в нашей экономической и социальной обстановке об'ективных факторов, обрекающих пролетарскую диктатуру на «линяние и перекрашивание в новые социальные цвета».

В приведенной выше цитате развивается первый вариант, построенный на том, что капиталистические отношения в ближайшие годы восторжествуют в нашей экономике. Согласно этому варианту, перерождение грозит нам только в будущем. Но такая будущность уже полностью опровергается настоящим, наше обобществленное хозяйство растет и крепнет; с каждым днем удельный вес его во всей национальной экономике не-

---

[1]) «Соц. Вестник» № 10. Несмотря на пространность настоящей цитаты, мы не могли отказать себе в удовольствии привести ее полностью, ибо в ней с особенной ясностью выступает вся бездна «меньшевистской мудрости».

прерывно увеличивается, в наше народное хозяйство все глубже и глубже внедряются новые некапиталистические отношения, сфера же капиталистического хозяйства, наоборот, все более и более суживается и т. д.

Вместе с этим целиком опровергаются меньшевистские прогнозы о грядущем торжестве реставрационных мечтаний нашей буржуазии.

Однако, у меньшевистских Яковов, как у всех бойких очковтирателей, товару, что называется, про всякого—и вот нам преподносится уже вариант № 2, подробно развиваемый в статье некоего Гарви, посвящаемой полемике Зиновьева против Устрялова. Гарви пишет:

> «Все рассуждения Зиновьева служат яркой иллюстрацией того, насколько бонапартизирована уже большевистская диктатура, насколько заострена уже широкая по советской конституции пирамида «рабоче-крестьянского государства» в математической точке бонапартизма... То, что большевистские авгуры преподносят теперь, как борьбу социалистических элементов нашего хозяйства с капиталистическим, является идеологически борьбой социалистического утопизма (стиль-то какой: кадет—и тот позавидует!) с реальными процессами капиталистического развития... Недаром... па вопрос о том, куда растет советская Россия, одинаковый ответ дают Устрялов и Милюков, Кин и Чернов. Это согласие политических антиподов в оценке экономической и социальной эволюции сов. России тем более показательно, что все они радикально расходятся между собой в тактических выводах из этой однородной оценки, хотя все сходятся на том, что переход России на капиталистические рельсы ставит на очередь дня ликвидацию большевистской диктатуры, как таковой» [1]).

Как видим, предположительный и условный тон первой статьи сменяется у Гарви резко-утвердительным. Переход на капиталистические рельсы признается им вместе со всей остальной эмиграцией уже совершившимся. Логику подобной трогательной солидарности (не очень, правда, лестной для «пролетарской» партии) меньшевиков с кадетами и сменовеховцами понять не трудно, она вытекает из того простого факта, что последняя надежда (многие изверились уже и в этой последней: к примеру, Пешехонов) всей эмиграции покоится на том, что большевики сами придут к Термидору, сами окажутся вынужденными выкинуть знамя реставрации.

Однако, все подобные упования бесконечно далеки от реальной действительности, и смеем заверить меньшевиков, что несмотря на всяческие подбадривания и самоутешения, им придется все же пролить не малую толику горьких слез в жилетку их ближайших единомышленников из сменовеховского лагеря по поводу крушения и этой последней, сладкой и безмятежной (ведь, ликвидация большевизма должна была бы обойтись даже без интервенции) мечты.

Конечно, мы ни в коей мере не склонны отрицать того, что нэп таит в себе ряд серьезнейших опасностей, что под давлением

[1]) «Соц. Вестник» № 19. 1925 год.

окружающей нас мелко-буржуазной стихии возможны отдельные случаи перерождения некоторых ячеек нашего государственного аппарата и отдельных персональных его носителей. Но можно ли говорить о перерождении всей пролетарской диктатуры, всего советского государства и коммунистической партии?

Такая возможность имелась бы безусловно, если бы в нашей стране рос капитализм за счет сужения нашей собственной базы, если бы из-под наших ног стихией товарного хозяйства вымывалась та твердая почва, на которой мы стоим (о социальной природе нашей госпромышленности и всего обобществленного хозяйства, являющегося нашей «базой», мы уже говорили в первой статье), только тогда опасность идеологического растворения господствующей партии, превращения ее в аппарат буржуазного государства имела бы шансы реально воплотиться в жизнь.

Все сказанное понятно даже таким «марксистам», как Устрялов, который пытается связать свои чаяния и ожидания с фактами, хотя и вымышленными, но относящимися все-таки к области экономики. Но как-раз эта-то экономика и гарантирует нас в действительности от перспективы социального перерождения, так как бурный рост крупной промышленности является причиной «собирания» на наших фабриках и заводах, широких рабочих масс, обусловливает растущую их активность, втягивание их в управление страной, благодаря чему все поры советской диктатуры все более и более заполняются пролетарски-классовым содержанием.

Само собой разумеется, трудности социалистического строительства в нашей стране все же еще крайне велики. Строить социализм нам приходится в мелко-буржуазном окружении, в непосредственном соприкосновении с капиталистическими элементами как в форме хозяйственных образований (частный торговый капитал, концессии аренда и т. д.), так и в форме использования технического и организаторского персонала, идеологически еще не изжившего полностью буржуазной идеологии (спецы и служилая интеллигенция). Нам приходится, кроме того, и в с в о е й практике пользоваться отчасти методами капиталистического хозяйства. Но социализм вообще не может в готовом виде родиться из недр капиталистического общества, и тот путь, по которому мы идем,—единственный путь к новому социалистическому строю. В таких условиях только самые злостные враги могут обвинять нас в какой-то капитуляции, в отказе от основных принципов «чистого коммунизма» и т. д.

Особенно омерзительно слышать подобные обвинения от соратников российских меньшевиков из западно-европейской соц.-демократии. Ведь эта самая европейская соц.-демократия не только в лице своих вождей продается оптом и в розницу (барматовщина, автомобили и бисквиты сэра Макдональда), не только воспитывается и подвизается в атмосфере министерских приемных, парламентских кулуаров и банкирских контор, но и в своей программе устанавливает в форме т. н. хозяйственной демократии необходимость длительного сотрудничества и сожительства с крупным капиталом уже после социалистического переворота. Сколько политической наглости нужно иметь, чтобы бросать нам упреки в допускаемых нами компромиссах с буржуазией — с буржуазией не только политически обезглав-

ленной, но и лишенной своих классовых организаций, вытесненной с основных командных высот,—а самим проповедывать рабочим, что капитализм разрушить сразу нельзя, что надо сперва научиться у буржуазии управлять хозяйством, оставив за ней права собственности на промышленные предприятия, т.-е. обеспечив максимум условий для своего собственного социального перерождения в массовом масштабе.

V. Демократия и еще раз демократия.

Рассмотрим далее те тактические лозунги, которые выдвигают меньшевики в связи с предстоящим буржуазным перерождением, «большевистской» диктатуры.

Уже цитированная нами передовица № 10 «Соц. Вестника» определяет задачи соц.-демократической тактики следующим образом:

> «Позиция социал-демократии в таких условиях очевидна: чем несомненней и неизбежней возрождение капиталистических отношений, тем настоятельней, с ее точки зрения, организация пролетариата в самостоятельную классовую силу, способную действенно вмешаться в процесс этого возрождения и направить его по наиболее благоприятному для трудящихся руслу—свободы и демократии».

Еще более четкую формулировку «классовой политики» пролетариата в настоящее время дает Дан в статье: «Пролетариат и демократия в России». Дан пишет:

> «Итак, несомненно, что борьба за политическую демократию является основной задачей русского пролетариата в переживаемую эпоху, как планомерная организация этой борьбы—основной задачей русской социал-демократии» [1]).

Таким образом, единственной избавительницей российского пролетариата от всех грядущих бед и напастей является демократия—демократия чистая и непорочная: только она может обеспечить рабочему классу, который большевики ведут на заклание и предают буржуазии связанным по рукам и ногам, наиболее благоприятные условия существования в рамках торжествующего под диктаторской оболочкой молодого русского капитализма.

Надо отдать честь седовласым меньшевистским мужам: они до сих пор остаются непоколебимо верны своей прекрасной даме сердца, несмотря на весьма относительную ее девственность и невинность. Посмотрим, однако, действительно ли наш рабочий класс должен, с точки зрения своих классовых интересов, разделять подобную преданность и пламенную приверженность к лозунгам демократических свобод. Мы не станем повторять в тысячу первый раз, что есть демократия и «демократия», т.-е. демократия пролетарская, вполне осуществимая и осуществляемая в границах политической диктатуры советов, и демократия «чистая», являющаяся прямой антитезой диктатуры, служащая в наших условиях мостиком, к непосредственному восстановлению буржуазных отношений. Все это бесконечно скучно и главное—

[1]) «Социалистический Вестник» № 14. 1925 г.

совершенно бесполезно! Меньшевики почти физически не способны к восприятию таких простых истин, у них, выражаясь на медицинском языке, выработался в этом отношении своеобразный иммунитет к логике бесспорных доказательств к непререкаемой убедительности исторических фактов и событий.

Некоторый интерес представляет, пожалуй, только новое подтверждение старой истины о том, что меньшевики давно превратились в теоретическом отношении в архаические окаменелости, место которых в музее археологических редкостей. Ярким образцом подобной умственной органиченности может послужить статья Далина «Пути диктатуры» [1]), которую следует, по сути дела, назвать: «Тупиками меньшевизма». Далин рассуждает, примерно, так: диктатура есть власть, не связанная никакими законами (по этому признаку Далин об'являет диктатурой и Временное Правительство Керенского); такая власть необходима во время революции, в процессе ломки старых общественных форм.

Но, как только непосредственно-разрушительная работа революции заканчивается, как только выкристаллизовываются новые социальные отношения, возникает неотложная необходимость в создании соответствующей этим отношениям, юридически-правовой надстройки. Сами большевики принуждены вступить теперь на путь революционной законности, но такая законность, по Далину, непримирима с диктатурой, как формой правления, не считающейся ни с какими правовыми нормами. Посему, долой диктатуру и да здравствует демократия!

Опровергать подобные построения нет надобности: это сделал Ильич еще в своей книге: «Пролетарская революция и ренегат Каутский», где он разобрал, примерно, такую же систему рассуждений. Необходимо лишь отметить возмутительную бесцеремонность, с какой развязные меньшевистские борзописцы извращают подлинную сущность ленинской точки зрения по данному вопросу, приписывая Ильичу не больше и не меньше, как каутскианское определение понятия диктатуры: «Ленин в сущности воспринимает у Каутского об'яснение диктатуры»,—пишет Далин.

На самом же деле, Ильич, как известно высмеивал Каутского, пытавшегося провести разграничение между диктатурой, как состоянием (в смысле фактического господства одного класса), и диктатурой, как формой (в смысле методов и приемов классовой политики государственной власти). Ильич доказывал на основании бесспорных, для всякого не впавшего в старческий маразм человека ясных цитат из работ Маркса и Энгельса, что под диктатурой следует понимать тип государства, конституция которого узаконяет господство того или иного класса.

Правда, диктатура тем и отличается от того переходного к социализму государства, каковое, по разумению меньшевиков, должно строиться на принципе коалиции между пролетариатом и буржуазией, что она резко порывает с нормами и законами буржуазного общества, что она сама в процессе своего формирования руководствуется только соображениями революционной целесообразности. Однако, приписывать Ильичу, что он понимал под диктатурой только эту голую форму «государственного произвола», не мирящуюся даже после своего укрепления с закон-

[1]) «Социалистический Вестник» № 14. 1925 г.

ностью,—можно только при наличии солидного опыта политического шуллерства. Конечно, мы и сейчас не особенно склонны к раболепству и обожествлению правовых норм: высшим законом для нас было и остается по старому благо революции, и когда реальные потребности жизни сталкиваются с существующими в настоящее время юридическими статутами, то согласование тех и других происходит не в форме подчинения жизненных требований развивающейся революции действующим законам, а как раз наоборот,—путем приспособления нашего законодательства к быстро идущей вперед жизни; но из этого ни в коей мере не следует, что диктатура в корне устраняет всякую законность. Так рассуждать может только филистер, для которого революция—сплошной произвол, хаос, анархия и т. д.

Итак, в плоскости общетеоретической постановки вопроса о диктатуре и демократии, меньшевики ничего, кроме запоздалых перепевов Каутского, выжать из себя не в состоянии.

* * *

Тем не менее, сами по себе эти хвалебные гимны в честь демократии приобретают в настоящее время практически иной характер, чем до сих пор, ибо вся совокупность условий, в которых осуществляется пролетарская диктатура теперь, на девятом году революции, радикально изменилась.

В чем наиболее характерные черты нашей современной социально-классовой обстановки?

Ответом на данный вопрос является факт растущей активности широких масс населения нашей страны и соответствующее ему оживление массовых политических и профессиональных организаций рабочего класса.

Пролетарская диктатура все более насыщается демократическим—без кавычек—пролетарски-демократическим содержанием, рабочие (а за ними крестьянские) массы все более и более втягиваются в управление государством. Этот факт принуждены признать и сами меньшевики, сетуя, конечно, по поводу того, что активность рабочего класса идет «по советскому руслу», по руслу «экономизма», как они выражаются, а не направляется против существующего государственного строя в его обще-политической форме.

> «Несомненно пробуждение активности «массового движения»,—пишет «Соц. Вестник» в № от 21/XII,—но вся беда, видите ли, в том, что... «рабочие собрания, проходящие очень бурно, переполненные критикой коммунистов (правда, критикой, имеющей опять-таки местный ультра-конкретный характер), заканчиваются дружным голосованием предложенных ячейкой кандидатов или даже предложением самого собрания голосовать не персонально, а по спискам».

Мы оставляем в стороне плоскую аналогию между «экономизмом» в смысле узко-цехового движения пролетариата при господстве капиталистического хозяйства и деловой практической критикой рабочими массами отдельных дефектов нашего хозяйственного и административного аппарата, критикой не выливающейся в политически-оформленное оппозиционное движение,—просто потому, что рабочий класс чувствует себя активным строителем социализма и критика наших недостатков им осознается большей частью, как самокритика. Нас интересует в данной связи другой вопрос, а именно: чьим классовым интересам об'ективно отвечает в данный момент, при развертывании пролетарской демократии—каковое признается, как мы видим, самими же меньшевиками—лозунг всеобщей, демократической свободы и равноправия?

Мы марксисты не привыкли верить на слово патетическим декларациям политических партий и принимать за чистую монету обуревающие их благие намерения. Еще Маркс писал на этот счет: «В исторической борьбе должны отличать мы фразы и продукты воображения партий от их действительного организма и их реального содержания» (18 Брюмера Луи Бонапарта). Так вот: каково же реальное содержание требования неурезанной демократии, [1] не отвечает ли оно в первую голову классовым интересам нэпманской буржуазии?

Меньшевики решительно отвергают последнюю постановку вопроса; почтенное звание жрецов и служителей священной демократии они желают закрепить только за собой в порядке монополии—целиком и полностью. Конечно, буржуазия действительно может обходиться у себя в Европе и без парламентаризма и без «народовластия» и без прочих аттрибутов демократии—лучший пример фашистская диктатура в ряде западно-европейских государств. Однако, можно ли сказать, что н а ш а р у с с к а я буржуазия в д а н н ы й п е р и о д, под режимом пролетарской диктатуры, чувствует себя настолько великолепно, что ни в малейшей степени не заинтересована в получении равных с прочими классами политических прав и правовых гарантий?

[1]) Весьма характерна, между прочим, имевшая место недавно перебранка «Соц. Вестника» с либерально-эсеровскими «Днями». «Дни» усмотрели в одной из статей «Вестника» отказ от лозунга чистой демократии. Меньшевики, конечно, возмутились до глубины души по поводу этой злостной клеветы и ответили негодующей статьей некоего Ф. Д. (прозрачный псевдоним Федора Дана—в виду недостатка сотрудников бедным меньшевистским лидерам приходится писать в каждом номере по 2—3 статьи сразу). Ф. Д. пишет: «Платформа нашей партии, ясно говорит о том, что с завершением гражданской войны с.-д. своей политической целью ставит д е м о к р а т и ч е с к и й р е ж и м, обеспечивающий равную свободу д л я в с е х» (курсив автора). Если же она и соглашается на компромисс, если «она готова принять, как м и н и м а л ь н у ю программу и демократическую систему советов, которая наделяет (в теории) полнотою политических прав только трудящиеся классы», то только потому, что к демократии полной «она хочет идти реальными путями», надеясь в дальнейшем «идейной борьбой внутри рабочего класса убедить его большинство в возможности и необходимости осуществления ее максимальной демократической программы» (возникает вопрос: зачем же бороться и убеждать, если рабочий класс и сейчас верит только вам?). В заключение Ф. Д. разражается следующей негодующей филиппикой: «Социал-демократия отличается от тех партий, которым «не безразлично будущее русского социализма», но которые весьма склонны к демократическому минимализму, когда приходится считаться со своекорыстием буржуазных классов (тонкий намек по адресу эс-еров), и немедленно настраивается на непримиримо-максималистский лад, лишь только речь заходит о настроениях, психологии и пусть даже заблуждениях (!) трудящихся». («Соц. Вестник» № 22). Свалка, как видим, получилась самая ожесточенная—с многозначительными намеками, взаимными обвинениями и ядовитыми выпадами. Ничего, не стесняйтесь, разоблачайте друг друга, милые люди! Мы ведь и без того знаем, что вы все один другого стоите!

Дадим слово для ответа на поставленный вопрос... меньшевику Далину:

«Полная необеспеченность владения и доходов представляет главное препятствие для активной хозяйственной работы буржуазии. Буржуазное хозяйство может развиваться либо под эгидой контр-революционной власти, либо при демократической законности». Отсюда следует: «Надо помнить, что русская экономика властно и настойчиво требует сейчас политической перестройки и что она умеет диктовать свои веления и через головы правящих партий» [1]).

В приведенной выдержке заключается исчерпывающий ответ на вопрос об отношении буржуазии к лозунгу демократии. Из него вытекает, что капиталистическим элементам в нашей стране политическая свобода и «демократическая законность» необходима дозарезу. Ибо о другой форме государства, соответствующей капиталистическому хозяйству, о контр-революционной фашистской диктатуре, можно мечтать в настоящее время только при избытке фантазии, чем трезвая буржуазия, конечно, не отличается. И вполне понятно, что именно эти капиталистические слои больше всех выиграли бы от установления режима чистой, неурезанной демократии, так как политическая активность остальных (трудящихся) классов населения уже находит свое выражение в рамках советской демократии, ничего общего с прославленной демократией стран Зап. Европы по своему классовому содержанию не имеющей.

«Демократия для всех»—этот лозунг сейчас больше, чем когда-либо, выражает насущные и жизненные интересы поднимающих голову нэпманов—и только их интересы; именно в этом пункте с наибольшей рельефностью и четкостью воплощается тонкая и дальновидная тактика тех слоев населения, которые хотят выхолостить пролетарски-классовое содержание советского государства, которые всеми силами пытаются столкнуть нас на дорогу термидора и реставрации.

После всего сказанного не трудно выявить и социальную природу современного меньшевизма: меньшевистская тактика, меньшевистская политическая установка целиком и полностью совпадает в настоящее время с ближайшими нуждами российской буржуазии. В своей борьбе против пролетарской диктатуры меньшевики—застрельщики и проводники капиталистической реставрации: они лазутчики и наиболее верные слуги буржуазии. И поэтому-то они не получат возможности проявлять свою «активность» в рамках пролетарской демократии, и им не удастся попользоваться и нажить капитал на оживлении советских и профессиональных об'единений трудящихся классов нашей страны.

VI. Меньшевики «лицом к деревне».

Крайне любопытна современная позиция меньшевиков в крестьянском вопросе: только здесь они обнаруживают, под влиянием опыта нашей революции, некоторую эволюцию мысли, некоторую способность выйти из окостенелого состояния. В цитированной выше статье Дана «Пролетариат и демократия в России» мы встречаемся со следующим откровением:

[1]) «Социалистический Вестник» № 14.

«Таким образом, на ближайший исторический период пролетариату в поисках союзников приходится обратить свои взоры, в бесконечно большей степени, чем прежде, в деревню, к крестьянству. «Нет никаких причин, по которым многочисленное «среднее» (сколько нам бедным досталось в свое время за этот термин «среднего крестьянства») крестьянство в процессе своего политического самоопределения должно было бы обязательно предпочесть союз с бонапартистской буржуазией союзу с демократическим пролетариатом. Наоборот! Вся история революционной борьбы за землю должна его теснее связывать с пролетариатом, чем с буржуазией». И дальше: «Политические судьбы русского крестьянства, а вместе с тем и всей страны, будут определяться миллионами тех «середняков» (ужасно иронические кавычки! *В. Б.*), которые после революции будут основным типом крестьян в России».

Итак, забыты старые истины о реакционном характере крестьянства после победы буржуазной революции, забыты разговоры о крестьянстве, как оплоте реставрации, питающем бонапартистскую контр-революцию, скромно спрятаны в карманы обвинения большевиков в эсеровском уклоне и т. д. Прогресс несомненный и для наших меньшевиков совершенно необычный! И в этом прежде всего заслуга нашей революции, блестяще оправдавшей гениальные прогнозы Ильича, полностью подтвердившей ту тактику, которую Ильич формулировал еще накануне 1905 года, тактику революционного союза пролетариата с крестьянством. Опыт русской революции оказался настолько убедительным, настолько отчетливо продемонстрировал все значение крестьянского участия в революции, что не только наши меньшевики, но и их западно-европейские коллеги обрели, наконец, понимание роли крестьянства, как соратника социалистического пролетариата, и заговорили о «середняке», как о решающей фигуре, от которой зависит будущность рабочего движения.

Поворот меньшевистской тактики в аграрном вопросе представляет собой лишь часть общей перемены фронта европейской социал-демократии (по крайней мере многих важнейших с.-д. партий Зап. Евр.); поэтому интересно познакомиться с «последним словом» европейского меньшевизма непосредственно по первоисточникам. Вот аграрная программа, принятая на последнем с'езде австрийской социал-демократии. [1]).

В первой части, формулирующей задачи соц.-дем. политики еще в границах капиталистического хозяйства, программа выдвигает ряд конкретных мероприятий по защите интересов крестьянства. К этим мероприятиям относятся: «дешевый кредит сельскому хозяйству», реформа налогового обложения, ставящая целью «превращение земельного налога в налог на земельную ренту», «энергичное поощрение всех видов производительных товариществ, регламентирование арендных договоров в целях защиты мелких арендаторов от эксплоатации землевладельцев и, наконец, самое интересное, учреждение «государственной монополии по ввозу и вывозу за границу хлеба, муки и отрубей».

Наиболее характерен, однако, последний раздел: «Переход к

[1]) Настоящая программа на русском языке опубликована в № 23—24 «С. В.», по которому мы ее и цитируем.

социалистическому строю». Он начинается следующей принципиальной формулировкой:

«В борьбе за под'ем сельского хозяйства и сельского пролетариата социализм наталкивается на оковы крупного землевладения. Он должен порвать их. Задачей социализма становится вернуть всему народу землю, которую на протяжении веков отняли у народа господствующие классы».

Как же мыслят себе австрийские меньшевики эту передачу земли народу. Австрийская программа «принципиально высказывается за сохранение их, т.-е. крупных поместий в нераздельном виде, как очагов с.-х. культуры. С.-х. крупное производство необходимо, как носитель и исходный пункт технического прогресса. Крупное хозяйство имеет возможность наиболее полно использовать все завоевания современной науки и техники в сельском хозяйстве. Его пример побуждает и крестьян к улучшению методов хозяйствования. Поэтому социал-демократия требует экспроприации крупных с.-х. имений и передачи в собственность государства, которое распоряжается ими следующим образом (дальнейшие требования программы настолько интересны, что мы приведем их полностью):

«1. Отрезные земли крупных имений должны быть переданы общинам. В местностях, где крупное землевладение охватывает особенно обширную площадь, а недостаточное наделение землею крестьянства особенно препятствует рациональному хозяйствованию в мелких предприятиях, общинам могут передаваться, кроме отрезных земель, и другие участки крупных имений.

2. Те участки крупных имений, на которых не ведется крупного хозяйства и которые не менее, как в течение одного поколения, сдавались в обработку мелким арендаторам, должны быть переданы общинам.

3. В остальных частях имений должно вестись крупное хозяйство на общественных началах.

Когда и поскольку отсутствуют еще необходимые условия для рациональной организации общественного хозяйства, крупные предприятия должны сдаваться в аренду наиболее дельным сельским хозяевам.

Арендаторы обязаны превращать эти имения в образцовые предприятия способные обслужить и с.-х. обучение и соседние крестьянские хозяйства; использовать их, под контролем государства, в опытных целях: поставлять крестьянам семена на льготных условиях и предоставлять им в пользование рабочий скот и машины».

Стоит только сравнить приведенные отрывки из австрийской аграрной программы с резолюцией II Конгресса Коминтерна по аграрному вопросу, автором которой является т. Ленин, чтобы установить, откуда мудрые мужи австрийской социал-демократии списали, с самыми лишь незначительными изменениями, свои последние откровения.

Посмотрим, однако, как определяется дальше роль крестьянства в социалистическом обществе:

«Переход крупных банков, крупной промышленности и торговли («командные высоты»? *В. Б.*) во всенародную собственность освободит крестьян от закабаления финансовому капиталу, от командования трестов в области цен, от эксплоатации капиталистическою торговлею.

В социалистическом строе общество заведует, с одной стороны, промышленностью, поставляющей крестьянам орудия и предметы потребления, а с другой стороны,—сбытом произведений крестьянского хозяйства. Тем самым общество впервые получает возможность обеспечить равномерное развитие промышленности и сельского хозяйства и сознательно регулировать долю крестьянина в общей сумме продуктов общественного труда.

Лишь социалистическое общество в ходе своего развития пропитает постепенно массы духом товарищеской солидарности и тем самым создает психологические предпосылки для наивысшего развития крестьянских кооперативов. В своем дальнейшем развитии кооперация сможет все в большей степени делать крестьян участниками выгод, представляемых крупным хозяйством, и ставить завоевания совершенной техники и науки на службу крестьянскому хозяйству».

Итак, то самое, что об'является капитуляцией большевиков, признаком их перерождения, отказом от основных принципов коммунизма, словом, нэп,—одновременно же возводится в перл творения мощного гения европейской социал-демократии. Формальное сходство между австрийскою аграрной программой и основами современной политики советской власти настолько бросается в глаза, что даже Дан принужден в своих комментариях к австрийской программе признать этот факт. Он пишет:

«Еще важнее отметить другое обстоятельство. Если взять программу с чисто внешней стороны, то нельзя не заметить в ней во многих отношениях разительного сходства с нынешними «лозунгами» большевиков. И основные идеи программы—социализм, осуществляемый путем овладениями «командными высотами», союз пролетариата и крестьянства с «гегемонией» рабочего класса и т. д., и отдельные частности ее,—кооперация, как средство вовлечения крестьянства в социалистическое строительство, и даже хлебная монополия,—все это как будто то же, что говорят большевики теперь, отказавшись от теорий «чистого коммунизма» [1]).

Было бы, однако, наивностью ожидать от русских и европейских меньшевиков, что заимствуя свои новейшие лозунги из арсенала нашей революции, они воспримут их полностью без принижения и опошления. Действительно, что стоит хотя бы следующее рассуждение идейного вдохновителя австрийской аграрной политики, Отто Бауэра, одного из наиболее ловких и приспособляющихся, так называемых вождей социал-демократии, умеющих перенимать опыт революционного коммунизма, выдавая его за свое собственное изобретение!

«Дальнейшей индустриализации Австрии, способной сделать большинством одних только промышленных рабочих и служащих, ожидать не приходится. Поэтому важнейшей

[1]) «Соц. Вестник» № 23—24, 1925 г.

задачею партии становится приобретение промышленными рабочими и служащими союзников, с которыми они только и смогут положить конец господству буржуазии над республикой (одна эта формулировка чего стоит! *Б. В.*). Мы должны стать большинством, чтобы провести (конечно, через парламент) свои требования и осуществить свои цели».

Приводя эту цитату из статьи Бауэра, помещенной в центральном органе австрийской соц.-дем. «Kampf», Дан сопровождает ее следующей арифметической выкладкой:

«На последних выборах в австрийский парламент (1923 г.) соц.-демокр. собрала 1.311.870 голосов и завоевала 68 мандатов из 165. Ей не хватает всего 300.000 голосов и 15 мандатов, чтобы иметь «большинство среди избирателей парламента».

Таким образом, завоевание крестьянства является для соц.-демократии не чем иным, как средством к получению новых мандатов в парламенте. Если к этому добавить, что во всей австрийской программе ничего не говорится о революции, что в ней ни одним словом не упоминается о роли крестьянства, как боевого союзника пролетариата в процессе разрушения капиталистического общества, то станет совершенно ясным, что поворот меньшевиков «лицом к деревне» есть не больше не меньше, как агитационный маневр, «избирательная утка».

Принимая во внимание это обстоятельство, необходимо признать, что между австрийским «ленинизмом» и подлинной ленинской постановкой вопроса о рабоче-крестьянском блоке, по сути дела, несмотря на их внешнее сходство, разница столь же неизмерима, как между российским «Октябрем» и австрийским «Ноябрем», между Лениным и Бауэром. Ленинизм в австрийской, бауэровской оболочке лишен своего революционного содержания, выхолощен до основания, превращен из боевого орудия пролетарской революции в наиболее тонкое средство обмана рабочего класса и широких масс трудового крестьянства. Большее проституирование, большее опошление ленинского учения и всемирной значимости нашей революции трудно придумать.

Еще более откровенно оппортунистична тактика наших меньшевиков. Опасаясь, как бы их не зачислили в «стан нечистых», в стан сторонников пролетарски-классовой диктатуры, они спешат раз'яснить всему честному народу, что «социал-демократия понимает «союз» (союз рабочего класса и крестьянства) иначе. Она понимает, что союз этот возможен лишь, как сознательный компромисс, как сознательное соглашение двух равноправных классов, на почве демократии. Политические и экономические основы такого соглашения дает наша платформа» [1]).

Каждому марксисту, конечно, не меньшевистского типа, не трудно понять, что под великодушным отказом от «руководства» крестьянством в действительности скрывается не что иное, как передача этого руководства в руки буржуазии, особенно в наших условиях, когда «сознательное соглашение двух равноправных классов на почве демократии», или даже превращение пролетарской диктатуры в диктатуру рабоче-крестьянскую на основе всеобщей демократии, является прямой лазейкой контр-революционной буржуазии (Милюков и его позиция).

---

[1]) «Социалистический Вестник» № 14.

Г. Зайдель.

Идеология рабства и борьба с ней.

(«Дела и дни» современной германской с.-д.).

(Окончание).

VII.

Перед лицом надвигающихся тяжелых месяцев,—перед лицом депрессии, дороговизны, падения реальной заработной платы, массовой безработицы и продолжающегося наступления буржуазно-монархического блока,—что может дать немецкая с.-д. рабочим массам? Какое оружие она может вложить в руки пролетариата для отражения капиталистического натиска? Острое ли это оружие? Способно ли оно защитить и даже, если это понадобится, поразить врага, или это оружие обратится против самого рабочего? Ведь с точки зрения рабочего, пусть недальновидного, но все же члена пролетарской семьи, пусть думающего только о сегодняшней, надвинувшейся опасности и не смотрящего далеко—безразлично, в конце концов, кто даст ему это оружие: если социал-демократы, он пойдет за ними, если они не дадут средства защиты, он отвернется от них.

Если проанализировать идеологический багаж социал-демократических профессиональных вождей и связать этот анализ с практическим поведением партии, то мы увидим, во-первых, какая тесная связь существует между идеологией и повседневной практикой, стратегией и тактикой классовой борьбы, во-вторых, что идеологическая сущность современной социал-демократии ничего общего не имеет с интересами пролетариата, и, в-третьих, что вытекающая отсюда практика социал-демократического водительства на каждом шагу предает рабочий класс, обезоруживает его и делает беззащитным перед лицом капиталистического врага.

В одном из номеров уже упоминавшегося нами журнала «Die Arbeit», теоретического органа «германского ВЦСПС», редактор журнала, Лотар Эрдманн, выступил с чрезвычайно характерной статьей, подводящей итог всему пройденному после войны идеологическому пути германской с.-д. и профсоюзами. Статья называется «Профсоюзы и социализм» [1]).

«Ревизионизм,—пишет Эрдманн,—был первой и значительной попыткой вышедшую из практики рабочего движения идеологию согласовать с учением Маркса и Энгельса, но это была критическая ревизия, а не конструктивная работа» [2]).

---

[1]) Lothar Erdmann: „Gewerkschaften und Sozialismus“. «Die Arbeit» № 11, 1925 г.

[2]) Курсив везде мой, за исключением специально оговоренных случаев.

Практика рабочего движения сразу же противопоставляется *теории* Маркса и Энгельса—прием, который принят давно всеми теми, которые на словах об'являют себя марксистами, на деле же от него отказываются. Далее Эрдманн ясно, отчетливо, черным по белому пишет: «В научном социализме заключается столько же *утопических* (?!) элементов, сколько сам научный социализм открыл в науке вчерашнего и позавчерашнего дня. Прежде всего, немецкий социализм не нашел в революционной теории Маркса и Энгельса ни одного намска на практические задачи, которые сейчас стоят перед ним. Теория прибавочной стоимости, диалектика, исторический материализм, позитивистское (positiwistische) мировоззрение достаточны еще, чтобы об'яснить только возникновение, движение капиталистического общества, тенденции его развития и историческую функцию, задачи рабочего класса в далекой исторической перспективе... Они (эти теории) были неоценимой помощью при создании политической партии и профсоюзов... Однако, время ее величайшего, в лучшем случае, ее единственного значения прошло... Марксизм и социализм был неотделимым понятием по ту сторону немецких границ. Но через практику партии и профсоюзов наступил *разрыв связи между социализмом и марксизмом*... потому, что практические задачи, которые социализм сегодня должен разрешить, в значительной степени лежат *по ту сторону проблемы*, которая составляла жизненный труд Маркса».

Итак, то, что боятся, совестятся (если можно говорить о совести у подобных «бывших» людей) еще сказать Каутский, Гильфердинг и tutti quanti, — то открыто, прямо говорит профсоюзный «теоретик» Эрдманн: *германский социализм отказывается от наследства Маркса и Энгельса*, германская с.-д. и профсоюзные вожди *не находят совершенно ничего в учении Маркса*, что способно было бы *помочь сегодня*, теперь, после войны рабочему классу в борьбе с капитализмом. Ревизионисты типа Бернштейна—поистине щенки по сравнению с новыми бюрократами из «германского ВЦСПС»!

Но пойдем дальше. Какую же программу выдвигают сейчас германские с.-д. деятели профсоюзов для рабочего класса? «Тарков (один из профсоюзных правых вождей. *Г. З.*) в своей речи на Бреславльском профессиональном конгрессе,—пишет Эрдманн,—указал совершенно серьезно на то, что рабочему движению, в частности профессиональному движению, не хватает идеологии, идеала, в который массы могли бы верить». Эрдманн согласен с этим, но он полагает, что надо учиться на историческом опыте—и идеал будет легко найден. В самом деле, «ближайшими интересами» профессионального движения было «улучшение условий труда и жизненных отношений членов профсоюзов». Взаимоотношение между интересом и идеей было, поэтому, у профсоюзов простым, ясным и совершенно отчетливым». Бебель перевернулся бы в гробу, если бы он был способен воспринять такие речи своих наследников. Но господа Эрдманны и в ус себе не дуют: на основании открытого ими «исторического опыта», они заявляют: «Задачи современности, ближайшие цели, достижение которых жизненно возможно, важнее в двадцать раз для рабочего, чем *конечная цель*».

Никакого желания понять *связь* между ближайшей и конечной целью, поставить каждое из этих звеньев одной цепи взаимодействий на свое место! Наоборот, вывод делается из этих предпосылок настолько решительный, что последний Гейдельбергский с'езд социал-демократии, в глубине души тоже мечтавший об этом, замахал бы руками и ногами. Вот он, сам собой напрашивающийся вывод, который делает Эрдманн: *нужно выбросить из недавно принятой в Гейдельберге программы с.-д. партии пункт о конечной цели социализма*. Посудите сами: «Резкое подчеркивание конечной цели в восьмом абзаце [1]) кажется, по своей несвязанности с программой действия, *чужеродным телом*, а своей общностью — *анахронизмом*... На кого внутри партии,—вопрошает Эрдманн,—на кого в рядах профсоюзов могут глубоко влиять эти общие места?» Они принадлежат, как выражается автор, «к железному достоянию» старого поколения. Ныне, когда партия пережила период младенчества и стала партией, которая уже стояла и может во всякую минуту, в зависимости от парламентских комбинаций, стать у власти,—ныне «современные, сегодняшние задачи гораздо важнее, чем спорные разговоры о конечной цели». Поэтому, все значение Гейдельбергского с'езда состоит в том, что он, — по мнению автора,—выработал «программу действия» (actionsprogramm), т.-е. методы конкретной, медленной борьбы «за пятачок», которые в сотни раз важнее и понятнее пролетарию, чем десятки красиво написанных фраз о «конечной цели». Но и этого мало для Эрдманна. Не следовало также слишком подчеркивать место о международной солидарности пролетариата. Если же это место уже для вида подчеркнуть пришлось, то надо было сказать также, «что эта международная солидарность находит свое законное и фактическое ограничение, естественную границу в *понимании общих, национальных интересов*, которые социал-демократия должна представлять по меньшей мере в такой степени, как и другие партии, если она хочет быть не только элементом внутренней политики, но и *фактором общенациональной политики Германии*».

Яснее, тверже, более четко и (не можем удержаться!) более подло не говорил еще никогда ни один социал-демократический писатель. Повторяем, Бернштейн—щенок, представитель «старого поколения», несчастный сморчок, по сравнению с господами Эрдманнами! Борьба за «пятачок», не пренебрежение, а просто ненужность «конечной цели», отрицание международной солидарности рабочего класса.—вот самоновейшая, подлинная идеология германской с.-д. Поистине, Эрдманн прав: между

[1]) Этот «восьмой абзац» Гейдельберской программы гласит: «Цель рабочего класса может быть осуществлена только путем превращения капиталистической частной собственности на орудия производства в общественную собственность. Превращение капиталистического в социалистическое для общества и самим обществом выполняемое производство приведет к тому, что развитие и нарастание производительных сил станет источником высшего благосостояния и всестороннего совершенствования. Только тогда общество освободится от подчинения слепой стихии хозяйства и внутренней раз'единенности и поднимется на высшую ступень—к свободному соединению в гармонической солидарности».

По существу, означенный пункт—единственный, который напоминает учение Маркса.

немецким «социализмом» (в изложенном у Эрдманна виде) и марксизмом связь порвана, нити разрублены,—к великому счастью для Маркса и марксизма!

VIII.

Но из этой теории, которую изобрели сегодняшние социал-демократические и профсоюзные вожди, с железной логикой следует положительная программа действий, или, как теперь модно выражаются все ренегаты рабочего класса—от Макдональда и до Чернова—«конструктивное творчество». В чем оно состоит и где оно начертано? По мнению Эрдманна, это «творчество»—плод работ Бреславльского с'езда профсоюзов, и имя этому новому детищу новоявленных «конструктивистов»: «хозяйственная демократия».

На Бреславльском с'езде профсоюзов выступал с докладом о «хозяйственной демократии» с.-д. профессор д-р Гермберг (Germberg). Что же он преподнес в своем докладе? По мнению Эрдманна, доклад подчеркнул и выдвинул следующие два положения: 1) как могут влиять профсоюзы на хозяйственную политику и 2) в чем может выражаться их участие в управлении хозяйством? «Возможно ли,—спрашивает автор статьи,—уже при капиталистическом хозяйстве положительное разрешение обоих выдвинутых на с'езде проблем?» По мнению автора, не только возможны, но безусловно разрешимы. «По мере роста влияния профсоюзов демократизация хозяйства в определенном, ограниченном смысле может быть проведена, в этом нет никакого сомнения. В целях пробуждения в массах «воли» к этому влиянию, требования конгресса направлены к основательной отстройке беспомощной до сих пор системы фабрично-заводских советов и к установлению паритетно составленных хозяйственных камер так же, как и к увеличению возможностей хозяйственного образования для рабочего».

Но даже потерявшие всякий стыд бюрократы из «германского ВЦСПС» понимают, что одним сидением совместно с предпринимателями в «паритетных хозяйственных камерах», либо одной «волей» к сидению вместе с господами за одним столом—«демократизации» промышленности не добьешься. Поэтому, в числе дополнительных и необходимых мер Эрдманн выдвигает: 1) «достижение равновесия сил между профсоюзами и предпринимателями», 2) «завоевание большинства народа» на сторону этой идеи «хозяйственной демократии», 3) проникновение «общественных элементов хозяйства» в «частно-капиталистическую систему» и постепенное завоевание последней.

Согласимся на минутку, что рабочим надо всего только добиться «равновесия сил» с капиталистами: подумать о «воле» к ниспровержению буржуазии профсоюзные и с.-д. вожаки неспособны,—согласимся с мыслью автора. Возникает, однако, вопрос: как добиться этого равновесия и, кстати, как выявить приверженность большинства народа к этой идее «хозяйственной демократии»? Как? Да, конечно же, парламентским путем. Другого пути не дано, и тщетно вы будете искать у господ Эрдманнов попытки подумать над этим вопросом. Рабочие будут страдать под тяжестью «плана Дауэса», а через некоторое время и Локарно, парламент будет заседать и социал-демократические вожаки будут «treiben politik» — заниматься политическим и парламентским онанизмом, профсоюзные вожди будут пропагандировать идею «равновесия между профсоюзами и предпринимателями», умильно вертеть хвостом и пособачьи заглядывать в глаза господам, а... капиталистическая мельница будет вертеться дальше.

«Вот приедет барин,—барин нас рассудит!»

Да, но... проникновение «общественных элементов хозяйства» в «частно-капиталистическую систему»—ведь, вот выход. Послушаем автора этих планов. Должны развиваться новые формы рабочих кооперативов, рабочих банков, новых «индустриальных обществ» (Industrei gemeinschaft) вроде, хотя бы, рабочих строительных кооперативов в Англии, должен быть создан экономический фонд для общественно-хозяйственных задач профсоюзов, фонд из средств рабочего класса, и при помощи этих рабочих капиталов (Arbeiterkapital) должна быть уменьшена область господства частного капитала». По мнению профессора Гермберга, высказанному им в его докладе на профсоюзном с'езде, «индустриальные рабочие общества» не являются еще сейчас в Германии «хозяйственно, политически и духовно решающей силой», но—вполне согласен и Эрдманн—они являются «единственной организацией, которая, в противоположность одностороннему представительству приобретательского хозяйства, как она выражена предпринимателями, защищает человека против тирании хозяйства, против тирании, которая никогда не была сильнее, чем в век капитализма».

Даже со слезой сказано, даже с указанием на «тиранию капитализма»! Характерно, что дело идет об «уменьшении области господства капитала», а отнюдь, не дай Аллах, об уничтожении капитализма: при господах лучше! А главное, сам автор статьи признает, что проблема эта с'ездом еще не разрешена: «Проблема, возможно ли и как начинать с помощью профсоюзов уже теперь строить общественное хозяйство, поставлена только конгрессом, но основательно не была обсуждена». Между тем, если практически подойти к указанным проф. Гермбергом мероприятиям, то спрашивается: известно ли ему, что опыт американских рабочих банков показал, что они ничем не отличаются от капиталистических банков, с тою только разницей, что членами правлений являются рабочие и профсоюзные бюрократы, владеющие солидной толикой акций и вкладов? Известно ли почтенному реформатору, что голодающий рабочий из своих средств, не только не может создать «рабочих капиталов», способных конкурировать с частным, но что даже наилучше оплачиваемый рабочий в послевоенной Германии не может прилично одеться и накормить свою семью? Известно ли ему также, что кооперативные организации (рабочие также) при капиталистическом строе могут только некоторым образом, давать дешевле продукты питания рабочему, в лучшем случае; и до сих пор не было еще такого чуда, чтобы кооперативы могли конкурировать с капиталистическими трестами и картелями? Эти вопросы можно умножить. Но здравая логика не может прошибить медных лбов господ бюрократов, которые кричат об «утопиях» в «научном социализме Маркса и Энгельса», а сами ничего, кроме глупых сказок, усыпляющих «волю к борьбе» рабочего класса, в лучшем случае, создать не в состоянии.

IX.

Теперь совершенно ясно, что идеологическое оружие, которое может дать германская социал-демократия рабочему классу для борьбы за пролетарские интересы—ржаво, покрыто плесенью, тупо, как мозги с.-д. вождей и может только послужить на пользу буржуазии. Ибо только ей выгодно, чтобы рабочий, усыпленный сказками о «хозяйственной демократии», мирно почивал и ждал, пока установится «равновесие сил рабочих и предпринимателей».

Но из предыдущего также ясно, что рабочий, особенно тот, который думает о сегодняшнем дне, полагает, что с.-д. ему поможет бороться за «пятачок», что она, отвергающая конечную цель и подчеркивающая интересы сегодняшнего дня, будет его лучшим защитником против поползновений капиталистов на восьмичасовой рабочий день, на заработную плату, на социальное обеспечение и на политические завоевания, которые рабочий класс несомненно ценит (этого нельзя забывать!), т.-е. на республику, которая все же лучше, чем вильгельмовско-юнкерский строй. Этой психологией, этим капиталом живет германская социал-демократия. Но этим капиталом она может жить и даже усиливаться (мы это видели в годы 1924—25) только в том случае, если германский капитализм будет постепенно, систематически укрепляться, стабилизироваться, получать прежнюю, жизненную силу.

Вот почему германская с.-д. всеми способами поддерживает шатающийся буржуазный блок, вот почему она скорее готова пойти на коалицию с чортом, чем с компартией, которая разжигает классовые аппетиты, а не стремится их сгладить. Вот почему с.-д. так горячо ухватилась за Локарно, полагая, что единый фронт капиталистических держав, установление порванных мировых связей, ввод Германии в мировой дипломатический концерн,—все это сумеет укрепить немецкий капитализм. Бебель, Вильгельм Либкнехт в героическую эпоху германской с.-д. держали курс на усиление противоречий между капиталистическими державами, но-марксистски стремились всякую щель в капиталистической постройке превратить в широкое отверстие, через которое пролетариат мог бы хотя бы протянуть руку к социализму, а потом и совсем разрушить капитализм. Нынешние наследники Бебеля и Либкнехта тщательно замазывают каждую трещинку в капиталистической системе: малейшее колебание этой системы—и с.-д. начинает качаться. Малейший взрыв недовольства среди рабочих масс, необходимость действительной борьбы даже за «пятачок»—и германская с.-д. окажется не на месте: ибо она не хочет боев с капиталистами, она хочет «мирного жития». Вот почему, в эпоху осенних событий 1923 года с.-д. катастрофически теряла своих приверженцев. Наоборот, началась пресловутая «стабилизация», и с.-д. ожила. Неразрывная связь между социал-демократией и незыблемостью капиталистического строя не нуждается в доказательствах: она установлена исторически на протяжении последних нескольких лет, она подтверждается практическими и теоретическими заявлениями ее вождей и руководителей.

Сами с.-д. вожди это великолепно знают и учитывают. В последнем номере журнала Гильфердинга «Die Gesellschaft» Георг Деккер посвящает статью кризису партии центра [1]). Он стремится доказать, что «партия центра» вовсе не является «партией середины», а ее раз'едают классовые противоречия, и поэтому она постепенно, но неуклонно идет на-нет. Анализируя цифры, собираемых партией центра голосов во время различных выборов, начиная с 1871 года,—Деккер приходит к выводу, что и до войны количество собираемых голосов католической партией уменьшалось, при чем, если в 1920 году оно и увеличилось, то за счет выступивших на избирательную арену женщин. Вообще же говоря, партия центра обречена на распад. Мы не будем здесь вдаваться в анализ выводов автора: в конечном итоге, он прав—межеумочные партии, вроде «партии центра», обречены на смерть при нынешнем столкновении классов—и это относится не только к партии центра, но и к самой с.-д., которая пытается стать «партией середины», хотя и называет себя рабочей партией. Нас интересует один момент в рассуждениях социал-демократического автора, имеющий непосредственное отношение к разбираемому нами вопросу о постоянстве и крепости социал-демократии.

Автор приводит следующую таблицу избирательных голосов, собранных разными немецкими партиями в период 1922—24 гг. в Верхней Силезии (округ Оппельн):

Количество голосов:

	С.-д.	Коммун. парт.	«Дейтш-Нац.	Фашисты	Центр.
1922 г. ноябрь	75.416	37.118	69.981	—	204.096
1924 г. май	26.306	130.306	103.744	18.803	198.689
1924 г. сентябрь [2])	19.385	76.284	81.342	11.865	192.821
1924 г. декабрь	36.530	66.096	117.920	8.200	221.550
1925 г. март	46.391	45.552	—	4.640	220.914

Анализируя цифры, полученные «Центром», Деккер приходит к следующему выводу: «Все это подтверждает мнение, что кризис партии центра не может быть сведен к действию временных, преходящих явлений (курсив мой. *Г. З.*), а может быть только понят, как выражение длительно действующей тенденции». Нас интересует то, что автор называет «временными, преходящими явлениями». Таблица, приведенная Деккером, к сожалению, не может почитаться идеально показательной для иллюстрации нашей мысли, но ее можно взять за исходный пункт: Деккер считает «временными и преходящими явлениями» кризис капитализма. 1922 год ноябрь—это момент, когда в Германии бушевала инфляция и рабочий класс был еще охвачен революционным порывом, в стране продолжалась революционная ситуация; сентябрь 1924 года может быть принят, как момент переломный—наступление «стабилизации». Цифры голосов, собираемых различными партиями в эти периоды, чрезвычайно показательны: вплоть до сентября 1924 года со-

---

[1]) «Die Gesellschaft» Intern. Revue für Sozialz. und Politik. Herausgegeben von D-r Rudolf Hilferding. Berlin. November 1925. № 11. Статья Georg'а Decker'а «Die Zentrumkrise».

[2]) При этих выборах (сент. 1924 г.) был огромный абсентеизм вообще.

циал-демократия идет вниз все с большим и большим уроном, наоборот, коммунисты и «дейтш-националс»—общественные полюсы—в мае 1924 г. собирают за счет с.-д. и промежуточных партий катастрофически большое количество голосов. То, что автор считает «преходящим»: кризис и связанную с ним революционную ситуацию, т.-е. то, что неминуемо должно наступить на месяцы, год раньше или позже—смертельно ударяет социал-демократию. В момент революционного под'ема с.-д. оказывается неспособной ни в какой мере защищать интересы рабочего класса. Не помогает проповедь «малых дел», наоборот отталкивает рабочего от с.-д., и с.-д. вожди пытаются всеми средствами, вплоть до расстрелов своих братьев по классу, тушить революционный пожар. Такова истина, такова роль партии, которая называет себя рабочей, будучи по идеологии и тактике мелкобуржуазной партией par excellence.

X.

Стоим ли мы сейчас непосредственно перед решающими боями в Германии, или надвигающийся кризис будет медленно развиваться,—в конечном итоге не имеет особого значения для правильной выработки общей тактики компартии по отношению к социал-демократии и рабочему классу. Предыдущие данные имели целью показать, что с весьма большой дозой неточности можно говорить о «стабилизации» в Германии и что прав тов. Зиновьев, утверждающий в одной из последних своих речей, что «стабилизация» не оказалась стабилизацией на 100%.

Резюмируя все раньше сказанное, мы можем констатировать: 1) наличие тяжелого экономического положения в Германии, безработицы, недовольства среди рабочих—с одной стороны, 2) развивающиеся аппетиты среди основных партий буржуазно-монархического блока и некоторые признаки намечающихся трещин внутри групп населения, идущих за буржуазным блоком: торговая буржуазия против аграриев—индустриальных магнатов, среднее и мелкое крестьянство, разочарованное политикой таможенных пошлин и не могущее воспользоваться кредитами,—на распутье (воздерживается от голосования)—с другой, 3) перед лицом надвигающегося кризиса с.-д. идеология оказывается банкротом: политика утихомирения и «мирного жития» не удовлетворяет рвущегося в бой от нужды, для защиты своих кровных интересов рабочего, 4) симпатии рабочего класса пока еще медленно, но несомненно, переходят на сторону компартии (последние успехи на выборах).

Но социал-демократия еще очень сильна. Она все еще является одной из первых партий по количеству собираемых во время избирательных кампаний голосов, она все еще ведет за собой большие массы рабочих. Очередной задачей, поэтому, для компартии все еще остается добиться того, чтобы перетянуть на свою сторону большинство рабочего класса, разоряющуюся интеллигенцию и недовольное мелкое, а отчасти и среднее крестьянство, которое сейчас находится на распутье и которое перетянуть можно, при правильной тактике. Бороться же с социал-демократией можно не только теоретическим разоблачением ее идеологического убожества, но сейчас—в данный момент—упорной, повседневной, практической борьбой за буд-

ничные интересы рабочего класса. В этом смысле, уточнение лозунгов и требований компартии применительно к пониманию их каждым рабочим—играет существенную роль. К сожалению, нельзя сказать, чтобы это до сих пор делалось вполне удачно немецкой компартией. Я беру в пример кампанию против Локарно. Она имела несомненный успех в рабочих массах, но она имела бы еще больший успех, если бы на ряду с подчеркиванием опасности войны, направляемой против Советского Союза (это обстоятельство, конечно, весьма сильно действовало на сознательного рабочего, независимо от его партийной принадлежности), компартия смогла конкретно показать, что Локарнский «пакт» несет уменьшение заработной платы, удлинение рабочего дня и пр. и пр. К сожалению, выставлялся только политический момент: середняк или малосознательный рабочий раскачивается только тогда, когда он видит или, по крайней мере, понимает, что тот или другой акт парламентского кретинизма непосредственно угрожает его сегодняшнему благополучию. Приблизить агитацию к массам, к гуще голосующих по инерции, за соц.-дем. рабочих масс—вот важная задача партии в ее борьбе против контр-революционных поползновений соц.-дем. и профсоюзных вождей. О «конечной цели» компартия забыть не может: одно прошлое и настоящее Коминтерна, германской компартии есть боевое знамя. Опасность забыть о «конечной цели» могла бы быть только тогда, если бы... с.-д. оказались правы и капитализм в Германии процветал.

«Новый курс», принятый сейчас компартией, с такой злостью осмеивается сейчас с.-д. потому, что он угрожает благополучию с.-д. бюрократов. Выдвигание тактики «единого фронта» также неприятно с.-д., поэтому ее выдвигать необходимо со всей энергией и силой. Помнить только, что т. н. «левые» не лучше, в конечном счете, правых с.-д. Коммунистическая партия Германии, при правильном руководстве и тактике, имеет сейчас все возможности продолжить свой успех и отвоевать рабочий класс от с.-д. Это—процесс не одного дня и месяца, это—длительный процесс. Те 500.000 пролетариев, которые, по вычислениям т. Пауля Фрелиха [1]), входят членами в с.-д. партию Германии, не так быстро от нее отойдут; тут играет роль и некоторый консерватизм, и партийная инерция, и чувство преклонения перед партийным знаменем, и индивидуальное влияние вождей, и крепкий аппарат самой партии и много других бытовых, психологических и политико-экономических моментов. Основной задачей в настоящий момент является разоблачить с.-д. вождей, предающих интересы рабочего класса, в глазах широких ра-

---

[1]) См. его статью «Uber die gegenwartige Rolle der SPD» в № 10 от 15 октября органа немецкой компартии «Die Internati nale». Тов. Фрелих дает, в результате ряда вычислений, следующую картину состава германской с.-д. по отношению к рабочему классу Германии:

Штаб партии и вожди профсоюзов (контр-револ.)	3.000 ч.
Наход. вне капит. произ. члены с.-д. партии (реформ. парт. и проф. функционеры)	50.000 »
Другие мелко-буржуазные элементы в партии	300.000 »
Пролетарские элементы в партии.	500.000 »
Рабочие, организованные в свободные профсоюзы	4.890.000 »
Всех членов профсоюзов (включая христ., Гирш-Дункер и пр.)	6.300.000 »
Индустриальных рабочих	17.000.000 »
Индустриальных и сельских рабочих	20.000.000 »

бочих масс, поколебать преклонение рабочих с.-д. перед былыми «заслугами» их вождей. Это можно сделать только правильной, гибкой тактикой, умением делать самые отвлеченные, политические лозунги понятными для масс, действительной защитой интересов рабочего от покушений капитала. Подлинно большевизированная немецкая партия имеет все основания так же выйти с честью из всех испытаний, как русские большевики вышли, под руководством Ленина, из всех тяжких пертурбаций царской реакции в межреволюционные годы; может так же победить немецкий капитализм, как победили русские большевики. Идеология рабства, носителем которой является с.-д., может быть, должна быть сокрушена.

История за немецкую компартию, за Коминтерн. И в этом залог его победы!

Эркнер.

Вопросы таможенной и валютной политики в Индии.

(Страничка из новейшей истории колониальной борьбы).

Целый ряд симптомов свидетельствует о том, что отношения между империалистической Великобританией и ее индийской колонией находятся накануне новых осложнений. Поводов для конфликтов уже накопилось достаточно в экономической области. откуда, при неустойчивости общего положения в Индии, они неизбежно перекинутся и в область политики. В настоящее время стоит вопрос о повышении индийских текстильных пошлин. Индийские текстильные фабриканты хотят провести новые высокие ставки, против чего энергично протестуют английские экспортеры мануфактуры. Индийские предприниматели мотивируют необходимость повышенных ставок затруднениями, которые испытывает их производство. Такие затруднения до известной степени действительно существуют. Давно уже золотая стоимость рупии (индийская валюта) неизменно двигается вверх. Это автоматически повлекло за собой рост издержек производства в Индии и помогло промышленности конкурирующих стран вытеснить с рынка индийскую мануфактуру. Запасы индийских текстильных изделий, не находящих себе сбыта, стали возрастать. В августе 1925 г. их стоимость оценивалась в 70 миллионов рупий с лишним (около 60 миллионов рублей). Индийские хлопчато-бумажники заявили, что при таких условиях дальнейшее ведение производства будет приносить одни убытки. От рабочих они потребовали согласия на снижение зарплаты, на что те ответили стачкой. А перед правительством Индии они настаивали на более выгодном обложении конкурирующих с индийскими изделиями пряж и тканей и на обложении экспортной пошлиной индийского хлопка. При этом они заявляли, что острие предлагаемых ими мероприятий направлено исключительно против Японии, сильно увеличившей за последнее время свой текстильный вывоз в Индию. По данным английского журнала «Экономист» японский ввоз текстильных изделий в Индию развивался следующим образом:

В миллионах ярдов.

	Средняя годовая
1911—14 г.г.	5,2
1921—24 г.г.	107,0
1924—25 г.г.	145,0

Повышение пошлин на привозные текстильные изделия должно было поставить предел этому наводнению японскими товарами.

Той же цели должно было служить обложение вывозного индийского хлопка, ибо в 1924—25 г. Япония закупила свыше 50% всего хлопкового экспорта Индии, и вздорожание этого сырья, без сомнения, нанесло бы удар японским конкурентам. (Последнее требование окончательно отклонено индийским правительством).

Интересно при этом, что «Экономист», а также другие английские журналы и газеты энергично взяли под свою защиту японских экспортеров мануфактуры, конкурирующих на индийском рынке с английскими экспортерами. «Экономист» вообще отрицал право индийских текстильных фабрикантов говорить о слишком для них опасной конкуренции со стороны японских экспортеров. В доказательство он приводил следующие данные:

	Инд. текст. изделия	Инд. текст. экспорт.	Весь инд. импорт	Инд. текст. импорт из Японии
	(В миллионах ярдов).			
1911—14 г.г. (средн. годовая) .	2.348	85	2.819	5,2
1921—24 г.г. „ .	2.658	164	1.319	107,0
1924—25 г.г. „ .	3.372	181	1.771	145,0

Из этих цифр,—пишет «Экономист»,—видно, что общая величина индийского ввоза сильно сократилась в послевоенное время. От этого сокращения больше всего выиграла как раз текстильная промышленность Индии, значительно повысившая за это же время и производство и вывоз текстильных изделий. При таком положении вещей абсолютное возрастание японского текстильного ввоза не имеет никакого значения. Таковы выводы «Экономиста».

Однако, с другой стороны, индийским текстильным фабрикантам не всегда удавалось сбывать свои товары без заминки. Это доказывает, что при фактическом росте производства потенциальная производительность индийских текстильных предприятий возросла еще сильнее. Естественно, что индийские предприниматели хотят использовать работоспособность своих фабрик полностью, не считаясь с тем, как это отразится на интересах заграничных экспортеров; они всячески стараются покрыть спрос индийского рынка на текстильные изделия средствами туземного производства.

В том обстоятельстве, что в 1924—25 г.г. общее количество ввоза в Индию заметно повысилось против средней годовой за 1921—24 г.г., индийские текстильные фабриканты усмотрели знак предостережения. И вполне справедливо. Это повышение пошло на пользу прежде всего Ланкаширу, центру английской текстильной индустрии, в котором оно пробудило новые надежды на увеличение его экспорта в будущем. Несомненно, правда, что упадок текстильной промышленности Англии в значительной мере об'ясняется возникновением новых текстильных производств в колониях. Но, с другой стороны, не следует забывать и о том, что Англия прилагает все усилия к отвоеванию своего прежнего положения на мировом рынке и что ряд важных симптомов свидетельствует об успешности этих усилий. Английская текстильная промышленность находится сейчас в периоде самой широкой реорганизации, которая имеет своей конечной целью снижение издержек производства и повышение конкурентной способности Англии. В том же направлении действует блестящий урожай американского хлопка в истекшем году, что сильно удешевляет сырьевую базу английской текстильной промышленности, эту важную статью издержек производства. И, наконец, при оценке возможных перспектив английской и вообще европейской индустрии в ее борьбе с нововозникшей промышленностью колоний, не следует забывать, что Европа, наряду с Соединенными Штатами, все еще имеет на своей стороне громадное преимущество в виде монополии техники, обеспечивающее за ней огромный перевес над ее колониальными конкурентами. Так, именно в последнее время нередко можно было наблюдать, как не слишком большое снижение производственных издержек в Ланкашире уже ставило в тяжелое положение молодую промышленность заокеанских стран и в том числе бумагопрядильные и ткацкие фабрики Индии. Европа, не исключая и Англии, имеет здесь перед собой еще очень широкие возможности, чего в такой же мере никак нельзя утверждать о колониях.

В силу всего сказанного Англия является, особенно в перспективе ближайшего будущего, весьма опасным соперником для молодой текстильной промышленности Индии, и более опасным, чем Япония с ее все еще очень отсталой техникой. И Ланкашир решил теперь полностью использовать это свое превосходство. Однако, индийские текстильные промышленники могли бы расстроить все расчеты Ланкашира, если бы им удалось оградить индийский текстильный рынок достаточно высоким таможенным барьером. К этому сейчас и направлены все их усилия. Не удивительно, что английские экспортеры, у которых этот «ход» снова отнимает надежду на казавшееся уже столь близким отвоевание индийского рынка, пришли в особенно сильное негодование, и они испробуют все средства воздействия, прежде всего на «индийское» правительство, чтобы так или иначе воспрепятствовать планам индийских текстильных фабрикантов. В результате вопрос об индийских протекционных пошлинах быстро переживется в политическую область, где он неминуемо разовьется в гораздо более серьезную и более радикальную проблему национального самоопределения Индии.

Есть еще одно очень важное обстоятельство, свидетельствующее о том, что в Индии назревают крупные события. В конце августа с. г. была назначена под председательством члена нижней палаты, Хильтона Юнга, комиссия по валютному вопросу. Вероятно, ей поручено наметить новые эксперименты в области «стабилизации» индийской рупии. В этом отношении индусы уже кое-чему научены горьким опытом, и британские проекты валютной «реформы» внушают им почти панический страх. Когда, например, 24 января 1922 г. в законодательном собрании Индии было внесено предложение о созыве новой валютной комиссии (после последнего валютного эксперимента 1920 г.) и о проведении новой валютной реформы, индийское большинство собрания отклонило это предложение, сославшись на то, что «купечество не желает ни новых правительственных мероприятий в области валюты, ни новых валютных комиссий».

Валютные эксперименты англичан в Индии сводятся обыкновенно к следующему. Индийские капиталисты не отвергают

стабилизацию рупии; наоборот, они сами заинтересованы в действительной стабилизации индийской валюты, и предметом спора является только высота курса. Сейчас, напр., курс рупии равняется 1 ш. 6 п. Индусы требуют окончательной стабилизации рупии на курс в 1 ш. 4 п., что совпадало бы с довоенной нормой, англичане же хотят положить в основу соотношение 1920 г., когда 1 рупия равнялась 2 шиллингам. Во всяком случае на английских биржах этот последний курс до сих пор принимается за паритет рупии.

В стабилизации рупии индийские капиталисты заинтересовались, помимо общих соображений, еще потому, что в своих заграничных сделках они по большей части все еще связаны с Англией и другими отдаленными странами: при вытекающей отсюда медленности грузового транспорта колебания курса грозят придать всему товарообороту характер слишком рискованной спекулятивной торговли, при чем риск фактически всегда падает на индусов.

Как показывают все прежние опыты «стабилизации» рупии, от высокого стабилизационного курса англичане выигрывают, а индусы теряют. И вот почему: накануне и во время эксперимента стабилизации индусы платят в дорогих рупиях, а прежняя их выручка от проданных в Англии, и вообще за границей, товаров реализуется в это время в дешевых фунтах, т.-е., иначе говоря, приносит индийским продавцам убытки. При ярко выраженном сезонном характере индийской торговли англичанам стоит только назначить «реформу» индийской валюты на особенно неблагоприятный для Индии период, и убытки индусов сразу возрастают. Так оно всегда и бывало: «стабилизация» рупии всегда предпринималась в такой момент, которому предшествовало особенно большое количество индийских запродаж в Англию. При обращении вырученных фунтов в рупии индийские коммерсанты несут в этом случае громадные убытки: за свои фунты они получают гораздо меньше рупий, чем это выходило по первоначальной смете. Высокий курс рупии сделался, далее, экспортной премией для английской текстильной индустрии. Дело в том, что он автоматически повышает издержки производства в индийской промышленности и так же автоматически снижает—сравнительно с индийскими—производственные издержки англичан. Результатом такого эксперимента является усиление текстильного вывоза Англии в Индию, сопровождаемое банкротствами и безработицей в индийской промышленности. Так, в 1920 г., когда англичане «стабилизовали» рупию, т.-е. искусственно взвинтили ее курс и удержали его на этой высоте даже после происшедшего тем временем сильного падения рупии на вольном денежном рынке,—в 1920 г. радикально изменилось соотношение между индийским ввозом и вывозом. В декабре 1919 г. ввоз в Индию составлял 17,5 миллионов фунтов, а вывоз—25,6 милл.; в декабре 1920 г. соотношение изменилось в диаметрально противоположное: индийский вывоз упал до 18,5 милл. фунтов, а ввоз поднялся до 31,6 милл. В течение целого года торговый баланс Индии был пассивным. Для Индии—это прямо катастрофическое положение, учитывая еще то обстоятельство, что Индии приходится регулярно выплачивать Англии огромную дань, для покрытия которой она пользуется главным образом, выручкой от своей внешней торговли. При

таких условиях пассивный торговый баланс означает для Индии внеочередную задолженность, обременяющую ее на много лет вперед.

Для характеристики британских «методов накопления» стоит упомянуть о следующих разбойничьих подвигах «честных» английских купцов. Сильно нажившись на войне, индийские предприниматели делали в первые послевоенные годы большие заказы. С выполнением этих заказов англичане сначала долго тянули. И только когда, несмотря на свой оффициальный «паритет», рупия стала стремительно падать, англичане начали отправлять в Индию заказанные товары. Индусы, вычислившие в свое время стоимость этих товаров по гораздо более высокому рыночному курсу рупии, оказались вынужденными уплатить английским продавцам гораздо больше фунтов, чем они предполагали раньше. Сбыть полученные из Англии товары по этим ценам при том кризисе, в котором оказалась страна, вследствие искусственной «стабилизации» рупии они, конечно, не могли. Они все же пошли на некоторые компромиссы, предлагая взять за основу перечисления оффициальный, но не рыночный курс рупии. Англичане на это не согласились, и индийские купцы на одной этой операции потеряли не меньше 10 милл. фунтов (см. «Manchester Guadian» от 15 марта 1921 г.).

Англичане изобрели еще и другой «оригинальный» способ «накопления». «Индийское» правительство продолжало придерживаться фиктивного паритета, когда рыночный курс рупии был уже гораздо ниже. По этому курсу, чрезвычайно выгодному для покупателей фунтов, оно и оплачивало некоторые ценные бумаги, которые оно продавало в Индии на Лондон. Таким образом, через посредство правительства можно было приобрести за рупии гораздо больше фунтов, чем на вольном рынке. Благодаря связям с «индийским» правительством английским капиталистам было легче всего доставать эти бумаги. Они быстро обратили свой помещенный в Индии капитал в «Reserve councils», т.-е. они попросту заставили «индийское» правительство подарить им громадное количество фунтов, которые они затем перевели в лондонские банки под видом «прибылей». В 1920 г. правительство Индии продало этих бумаг в короткий срок на 55 миллионов фунтов, т.-е. оно просто подарило английским капиталистам в Индии несколько миллионов фунтов. Средства для этого подарка были добыты необыкновенно тяжелым налоговым обложением индийских крестьян. Когда же этот источник стал иссякать, правительство Индии вывезло, несмотря на тогдашний недород, 40 тысяч тонн хлеба, чтобы таким образом собрать новые средства для своих разорительных подарков. Впрочем, подобные явления регулярно повторялись при каждой «стабилизации» рупии. Всякий раз при этом из страны вывозилось большое количество пшеницы и ржи. Индийскому крестьянину приходилось платить за «стабилизацию» голодом. Во всей стране начинал свирепствовать экономический кризис. Дивиденды же английских обществ именно в эти периоды достигали 100 и больше процентов.

Во время последней «стабилизации» рупии (в 1920 г.) англичане задались специальной целью урезать крупные военные барыши индийских капиталистов. Последние—поскольку они не сделались жертвой наступившего кризиса—попытались, в свою

очередь, переложить бремя кризиса на плечи рабочих и крестьян. На индийских рабочих обрушилась безработица и нищета, крестьяне попали в новую долговую кабалу, миллионы были обречены на голод. Последствием кризиса было то, что лозунг национального самоопределения проник в самые широкие массы. Национальное освободительное движение стало распространяться по всей Индии со стихийной силой.

В настоящий момент английские империалисты готовы, повидимому, затеять снова ту же игру. Уже назначена валютная комиссия, пока только «изучающая» вопрос. Самый состав подобных комиссий уже является достаточной гарантией, что их проекты будут считаться только с английскими интересами. Во всех таких валютных комиссиях сидят почти исключительно англичане. Так. в состав комиссии, которая была назначена в 1919 г. и работы которой явились основой для «стабилизации» рупии в феврале 1920 г., входил только один индус, Дабида Мерванджи Далал. Он отказался дать свою подпись под меморандумом комиссии и выпустил собственный доклад, в котором требовал установления довоенного паритета рупии (1 рупия=1 ш. 4 п.). Но «индийское» правительство отклонило доклад индуса и провело «стабилизацию» рупии по проекту английских членов комиссии. Интересно, что Кейнс, опрошенный тогда валютной комиссией в качестве эксперта, высказался, конечно, в полном согласии с английскими империалистами за стабилизацию рупии на высоком курсе, доставив, таким образом, британским империалистам «научное» оправдание их разбойничьего похода на Индию. После всех этих уроков прошлого можно не сомневаться, что новая валютная комиссия и теперь выскажется за стабилизацию рупии на высоком курсе.

Описанные валютные эксперименты британских империалистов в Индии представляют собой самоновейшие формы разбойничьего накопления. Примитивные способы разбоя уже не годятся, главным образом, потому, что отпор против таких способов грабежа был бы теперь гораздо энергичнее, чем прежде. Но и при помощи обычных капиталистических методов британским империалистам становится все труднее побивать своих индийских конкурентов на рынке. Индийские промышленники сами переняли капиталистические методы и умело пользуются ими, как это между прочим, видно и по сильному протекционистскому движению в Индии. Поэтому англичане прибегают к несколько более сложному средству валютной реформы, которая все еще целиком зависит от них, поскольку они господствуют над государственным и в частности над финансовым аппаратом Индии.

Валютная реформа, как средство «накопления», облюбована именно потому, что они все больше чувствуют свое бессилие в капиталистической конкурентной борьбе с индусами на рынке. В прежнее время «деятельность» среднего англичанина протекала в Индии следующим образом. Как правило, он являлся в Индию без капитала. Нормой считалась 20-летняя купеческая деятельность, к концу которой он рассчитывал скопить себе состояние по крайней мере в 25.000 фунтов (около 250.000 р.). Покидая индийское «дело», такой англичанин обыкновенно увозил нажитой в Индии капитал за границу. Таким образом, в Индии накопляли и англичане и индусы, но только накопленный

последними капитал оставался в главной своей массе в индийском народном хозяйстве. Метод среднего английского капиталиста об'ективно выродился при таких условиях к простому грабежу. Но именно эти методы англичан и привели, в конце концов, к тому, что английские капиталисты стали все больше оттесняться своими новоявленными индийскими конкурентами. Индийский предприниматель, проникший сперва в сферу торгового капитала, довольствовался не очень большими прибылями, сохранял их навсегда в своем предприятии, вел сравнительно скромный образ жизни,—словом, накоплял, как «нормальный» капиталист. Когда же в капиталистический товарооборот стала все больше втягиваться сама Индия, он сумел извлечь пользу из своего знания местных условий, позволявшего ему ориентироваться в состоянии спроса. Аналогичные причины еще усилили его положение, когда во внешней торговле Индии начали приобретать все большее значение азиатские рынки сбыта. В конце концов, должен был наступить такой момент, когда индийский купец, успевший вырасти в крупного капиталиста, начал проникать и в область заокеанского экспорта, где прежде безраздельно господствовали англичане. В самом деле, некоторые неанглийские крупные фирмы Европы, поддерживавшие с Индией оживленные торговые сношения и желавшие избавиться от дорого стоящего посредничества Лондона, стали завязывать непосредственные связи с индийскими фабрикантами и купцами (и наоборот).

Таковы приблизительно были этапы восхождения индийского капиталиста. Это были подготовительные стадии, которые индийский капитал должен был пройти для того, чтобы, наконец, испытать свои силы и в роли промышленного капитала. Так образовались в Индии широкие кадры туземных капиталистов, вооруженных новейшими методами капиталистической коммерции. Англичане же вели свои дела такими способами, которые соответствовали условиям докапиталистической Индии. И они продолжали придерживаться этих способов даже тогда, когда индусы уже начали побивать их именно потому, что обратились к специально-капиталистическим методам.

Теперь англичане пытаются отвоевать себе в Индии свое старое положение. Они прибегают к усиленной концентрации, чтобы таким путем лучше использовать свою капиталистическую мощь и устранить внутрианглийскую конкуренцию, они стараются использовать превосходство своей техники. Однако, их шансы на успех в чисто рыночной борьбе не высоки, в виду силы индийского капитала, успевшего уже пустить глубокие корни. Против превосходства английской техники индийские предприниматели борются путем все большего повышения таможенных ставок. А невероятно низкий уровень жизни индийских крестьян дает им возможность наживать большие барыши и одновременно вносить огромные суммы на уплату дани англичанам. С этой точки зрения их расчеты пока что правильны. Неслыханная эксплоатация индийского крестьянина пока все еще обеспечивает получение прибылей индийскими предпринимателями и уплату дани британским империалистам. Так, напр., в Бомбейском округе крестьянину приходится «довольствоваться» средним месячным доходом в 100 анов (около 5—6 рублей). Не меньшей эксплоатации подвергается индийский рабочий. Только чу-

довищной эксплоатацией об'ясняется тот факт, что расчетный баланс Индии, несмотря на ее огромные платежи Англии, остается активным, как это видно между прочим и по ввозу большого количества золота в Индию.

В последнее время цивилизованные английские пираты перешли к методу «реформ» индийской валюты, чтобы таким путем сохранить свою «традиционную» долю в эксплоатации индийских крестьян и рабочих, далеко превосходящую меру рыночных прибылей и регулярной дани; индийские капиталисты, в свою очередь, прибегают к орудию высоких протекционных пошлин, пытаясь вытеснить британских капиталистов с индийского рынка тоже самоновейшими средствами борьбы.

Высокий протекционный тариф против стабилизации валюты— именно так стоит теперь вопрос. Соответственно радикальным переменам в хозяйственной жизни Индии, изменились, «модернизировались» и методы борьбы. Это—подготовительная стадия к последующим событиям, к борьбе за государственную власть в Индии.

Чудовищная эксплоатация крестьян и рабочих—вот та почва, на которой развертывается эта борьба. Только восстание рабочих и крестьянских масс Индии положит конец этой кровавой главе новейшей истории.

ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ.

Л. Шанин.

Вопросы экономического курса.

1. Характеристика положения.

Хозяйственное положение Союза к началу года в основном характеризуется следующими чертами: острый недостаток промышленных товаров, несмотря на интенсивное развертывание промышленности. Одновременно слабое предложение сельско-хозяйственных товаров. На полюсе промышленности слабое предложение из-за недостатка промышленных товаров; на полюсе сельского хозяйства слабое предложение, несмотря на достаточное наличие сельско-хозяйственной продукции. В обоих сферах недостаточное предложение при напряженном спросе. В результате — дальнейшее раздвижение оптовых и розничных цен и значительное удорожание товаров.

Недостаточное сельско-хозяйственное предложение привело к ослаблению экспорта. Снижение экспорта неизбежно повлекло за собой сокращение импорта. Недостаточность последнего ударила по развертыванию промышленности.

Одновременно промышленность идет навстречу затруднениям с финансовой стороны. Эмиссию предполагалось вести соответственно размерам товарооборота. Этот последний определялся, исходя из возросшей с.-х. товарной массы. Такой размер эмиссии, однако, оказался невозможным, поскольку денежными ресурсами (не подкрепленными предложением промышленных товаров) не удалось на деле вовлечь в рыночный оборот потенциальные товарные массы сельско-хозяйственной продукции. Масса реально обращающихся товаров оказалась значительно ниже потенциально возможной к обращению. В результате намеченная первоначально эмиссионная программа привела к явно выраженным инфляционным явлением. В связи с этим не удалось в предположенной мере использовать эмиссию для финансирования промышленности. После того, как предложение сельско-хозяйственных товаров равняется по предложению промышленных товаров, финансирование товарооборота должно равняться по наличным промышленным товарам, а не по программе намеченного развертывания промышленности.

Инфляционные явления приводят к установлению строгого финансового режима. На ряду с сокращением импортной программы сокращение программы финансирования заставляет пересмотреть планы развертывания промышленности и промышленного строительства.

Сокращение программы промышленности одновременно со сжатием внешне-торговой программы снижают размах всего хозяйственного строительства нынешнего года. Таково положение, как оно определилось к моменту с'езда партии.

Надо отдать себе отчет в том, что указанными сокращениями мы производим количественное только приспособление к затруднениям последних месяцев, притом приспособление пассивного характера. Такая работа, правда, совершенно необходима, но она недостаточна. Ибо необходимо одновременно наметить и пружины, с помощью которых мы предполагаем обеспечить развитие, более интенсивное, нежели то, которое намечается в результате сокращения. Сжатие это необходимо лишь, как предпосылка к качественной перегруппировке, которая должна послужить исходной точкой для нового наступательного маневра,—для маневра, правда, несколько иного типа, чем испробованный в последнее время, но отнюдь не менее широкого.

Речь идет не о том, чтобы, сорвавшись на первоначальном плане этого года, перейти к хозяйственному минимализму, а о том, чтобы на опыте сегодняшних затруднений найти более реальные и менее кризисные пути для быстрого роста. Ибо вопрос о темпе нашего хозяйственного развития не утратил ни одного грана своей международно-политической остроты. Производимая за последний месяц сократительная работа имеет целью облегчить эту перегруппировку, но отнюдь не означает значительного снижения размаха нашей хозяйственной работы на сколько-нибудь значительное время. Она нужна, как предпосылка для нового наступления, возможность которого должна и может быть сейчас подготовлена.

2. Экономическая природа бестоварья.

Основным фактом сегодняшнего дня является промышленное бестоварье. Факту этому обыкновенно дается следующее об'яснение. Коренная причина бестоварья—в заметной диспропорции между сравнительно быстрым под'емом сельского хозяйства и замедленным развертыванием промышленности. В этом видят коренной порок нашего развития.

Присматриваясь к действительности, нельзя, однако, не заметить некоторых фактов, которые кажутся малопонятными с точки зрения такого об'яснения. Эти факты заключаются в том, что наши заготовители хлеба, мяса и сельско-хозяйственного сырья сталкиваются по ряду товаров с явным недостатком крестьянского предложения.

А между тем по указанному об'яснению корень бестоварья лежит в слишком быстром, по сравнению с промышленностью, развитии сельского хозяйства. Откуда же тогда эта недостаточность крестьянского предложения?

Казалось бы, что при форсированном развитии сельского хозяйства предложение сельско-хозяйственных продуктов должно заметно превышать спрос на них. Диспропорциональность должна была бы получить свое выражение прежде всего в недостатке рынка сбыта для сельско-хозяйственной продукции, в превышении предложения над спросом и в падении с.-х. цен, но никак не в недостатке сельско-хозяйственного предложения. Между тем на деле мы имеем обратное явление: значительному росту крестьянской продукции соответствует явный недостаток крестьянского предложения и явная невозможность удовлетворить многоемкий рыночный спрос, который, несмотря на возросшую сельско-хозяйственную продукцию, остается не насыщенным.

В нашем нынешнем положении можно констатировать несколько отдельных диспропорций. Для нас важно, однако, установить, какая из них доминирует. Большинство считает основным несоответствие между продукцией промышленности и товарными излишками сельского хозяйства. Такое несоответствие бесспорно имеет место. Тем не менее не оно накладывает отпечаток на экономическое положение сегодняшнего дня. Важнее, нежели оно, другое несоответствие, заключающееся в том, что наше промышленное предложение недостаточно не только для того, чтобы скомпенсировать всю массу товарной продукции сельского хозяйства, но оно недостаточно даже для того только, чтобы покрыть собой часть товарных излишков крестьянского хозяйства, именно ту часть ее, которая должна быть извлечена для удовлетворения промышленного и экспортного спроса. Нам не удается разрешить даже эту сравнительно более скромную задачу.

В центре стоит не невозможность разместить крестьянское предложение, а невозможность удовлетворить спрос промышленности и экспорта на крестьянскую продукцию. Если в 1923 году над всем доминировал кризис неосуществимого сбыта крестьянской продукции, то в 1925 году мы имеем кризис неудовлетворенного спроса на ту же продукцию, хотя последний и не выходит за пределы наличных у крестьянства товарных излишков. В этом своеобразие положения 1925 года в отличие от 1923 года. Наша промышленность и наш импорт оказываются недостаточными для того, чтобы скомпенсировать хотя бы только ту часть крестьянской продукции, на которую они же пред'являют спрос. Они своим товарным предложением не могут оплатить своего собственного товарного спроса. В этом основная характеристика положения.

Если бы положение в чистой форме характеризовалось тем, что сельское хозяйство растет скорее, нежели промышленность (и промышленный импорт), то мы имели бы не то положение, с которым сталкиваемся сейчас. В этих условиях промышленное предложение (плюс предложение импортных товаров) было бы, правда, недостаточно по сравнению с крестьянской продукцией, но одновременно и промышленный и экспортный спрос на сельско-хозяйственную продукцию были бы по сравнению с нею весьма слабы. При слабом развитии внутренней промышленности и внешней торговли слабыми должны были бы быть и промышленное предложение и промышленный спрос.

В этих условиях трагизм положения был бы на стороне крестьянства, не находящего рынка для своих товарных излишков. Именно крестьянство должно было бы в таком случае чувствовать себя экономически зависимым, но не промышленность и экспорт. Недостаточность промышленного и импортного предложения сама по себе при отсутствии значительного спроса со стороны промышленности и внешней торговли не могла бы создать для них зависимого положения.

Между тем, на деле роли распределяются совершенно иначе. Именно экспорт и промышленность попали в зависимость от сельского хозяйства. И если это так, то произошло это только потому, что их спрос на крестьянскую продукцию быстро поднимается, что он растет скорее, нежели крестьянское предложение, которое они в состоянии простимулировать.

Проблема заключается не в несоответствии роста сельского хозяйства и промышленности, взятом в такой общей формулировке, а в несоответствии промышленного и экспортного спроса промышленному и импортному предложению.

Основная причина наших сегодняшних затруднений и, в частности, корень бестоварья, которое мы переживаем, заключается не в том, что промышленность недостаточно быстро развертывается (за счет внутренних рессурсов) и поэтому отстала от сельского хозяйства, а в том, что она развертывается (и прежде всего со стороны своего спроса) слишком быстро, а внешняя торговля развивается слишком медленно.

Именно форсированное развертывание промышленности сказывается в том несоответствии промышленного спроса промышленному предложению, о котором идет речь.

В самом деле, чем об'ясняется недостаточность промышленного предложения (в частности крестьянскому хозяйству) по сравнению с промышленным спросом (в частности на продукцию крестьянского хозяйства)?

Очевидно, тем, что промышленность выбрасывает меньше товаров, чем сама потребляет. Это не значит, что промышленность проедает (как это было, примерно, до 1922 года) вводимые в производственный процесс ценности, что производительность труда недопустимо низка, в результате чего продукция не покрывает издержек производства. Причину надо искать в непомерно форсированном накоплении основных капиталов. Мы вкладываем сейчас в основные и оборотные капиталы промышленности колоссальные массы товарных ценностей, измеряемые миллиардом рублей. Мы ведем это вложение не только за счет собственных рессурсов промышленности, но и за счет перекачки рессурсов из других сфер народного хозяйства. Но каковы бы ни были сейчас источники усиленного развертывания капитала промышленности, при форсированном образовании основного капитала, промышленность неизбежно берет из оборота больше, чем непосредственно (на первых шагах) сама дает. Это не означает, что она ведет сейчас хищническое хозяйство, а только то, что мы форсируем процесс развертывания основных капиталов.

Здесь корень несоответствия между ростом промышленного спроса и замедленным развитием промышленного предложения, которое создает всю ту сумму растущих затруднений, о которых шла речь вначале.

3. О «равномерности» развития сельского хозяйства и промышленности.

Ключ к пониманию экономических затруднений, которые мы переживаем, пытаются найти в неравномерности развития сельского хозяйства и промышленности. При этом исходят из того, что равномерность развития сельского хозяйства и промышленности сейчас возможна и желательна, что к ней надо стремиться как к непосредственной задаче, ибо равномерное развитие сельского хозяйства и промышленности представляет наиболее целесообразный тип нашего ближайшего экономического развития.

Такое утверждение ошибочно.

Для развития каждой сферы народного хозяйства существует ряд пределов. Одним из них является наличие рабочей силы, в частности квалифицированной. Другим — наличие необходимых для данного производства натуральных производственных элементов. Третьим—возможность того темпа капиталонакопления, которого требует органический состав капитала в данной отрасли. Четвертым—наличие рынка сбыта.

Эти условия складываются неодинаково для различных разветвлений народного хозяйства. Из того факта, что для одной из отраслей имеются налицо в необходимом сочетании все условия для широкого развития, нельзя делать того вывода, что эти условия в столь же удачном сочетании имеются и для всех остальных отраслей.

Процесс воспроизводства рабочей силы в сельском хозяйстве и в тех отраслях промышленности, которые требуют высоко квалифицированных рабочих, идет далеко не одинаковым темпом. Для ряда отраслей промышленности сырьевая проблема (хлопок, шерсть, каучук) складывается неблагоприятно. Точно так же резко различны (и это главное) требования отдельных отраслей народного хозяйства в смысле необходимых размеров авансированного основного капитала. Если одна сфера народного хозяйства может широко развиваться, ибо она базируется на сравнительно небольших основных капиталах, то другая, где органическая структура капитала значительно менее благоприятна, без серьезного добавления рессурсов из других сфер не сможет достигнуть того темпа развития, который получило первое разветвление. Точно так же и рынок сбыта складывается неодинаково для разных отраслей.

Отсюда неизбежность того различия в росте отдельных отраслей народного хозяйства, которое констатируется всюду и везде.

Переходя к конкретным условиям нашей действительности, надо сказать, что наше сельское хозяйство имеет почти все условия для быстрого роста. Емкость мирового рынка для нашей сельско-хозяйственной продукции по всей видимости еще велика. Наличие подготовленной рабочей силы здесь больше, чем в какой-либо другой отрасли. Соотношение постоянного и переменного капиталов в сельском хозяйстве в восемь раз более благоприятно, чем в крупной промышленности. Сельское хозяйство требует несравненно меньшего вложения основного капитала на единицу продукции. В условиях слабого капиталонакопления наш ближайший хозяйственный под'ем пойдет поэтому главным образом за счет под'ема сельского хозяйства.

В иные условия поставлена промышленность. Рынок сбыта промышленной продукции (в условиях под'ема нашего сельского хозяйства), правда, достаточно обеспечен. Тем не менее, развитие нашей промышленности не сможет пойти в том темпе, в каком пойдет развитие сельского хозяйства. Главнейшая причина этого в том, что требования промышленности в смысле предварительного капиталопакопления (в частности образования

фонда основного капитала) совершенно иные, нежели в сельском хозяйстве. Развитие промышленности будет в наших условиях уже по одному этому более замедленным, нежели развитие сельского хозяйства. Кроме того, промышленность поставлена в менее благоприятные условия и в отношении притока квалифицированной рабочей силы, а для отдельных отраслей—в менее благоприятные условия и в отношении сырьевого снабжения. Совершенно ошибочно поэтому предположение, что наша промышленность может в ближайшее время развиваться в ногу с сельским хозяйством. На самом деле задача эта неразрешима, по крайней мере неразрешима без широкого импорта капиталов или насильственно-резкой задержки в развитии сельского хозяйства.

В наших рядах нет разногласия насчет того, что диспропорция между сельским хозяйством и промышленностью будет в ближайший период *усиливаться*. Тов. Рыков в своем отчете ЦК на XIV московской губпартконференции говорил: «В дальнейшем, при вложении даже не очень больших средств в сельское хозяйство, последнее будет все в больших размерах и скорее выбрасывать продукты на рынок, нежели это сможет сделать промышленность». В этом смысле на XIV с'езде партии высказывался и т. Сталин: «Так как недостаток капиталов,—говорил он,—у нас значительный, то в дальнейшем развитие нашей промышленности будет итти, по всей вероятности, не таким быстрым темпом, каким оно шло до сих пор. Не так обстоит дело с сельским хозяйством. Нельзя сказать, что все возможности, таящиеся в сельском хозяйстве, уже исчерпаны. Сельское хозяйство, в отличие от промышленности, может двигаться на известное время быстрым темпом и при нынешней технической базе. Даже простое поднятие культурности крестьянина, грамотности, даже такое простое дело, как очистка семян, могли бы на 10—15 проц. поднять валовую продукцию сельского хозяйства. Сосчитайте-ка, что это означает для всей страны. Вот какие возможности еще таятся в земледелии. Вот почему дальнейшее развитие земледелия не встречает пока что таких технических затруднений, какие встречает наша промышленность. *Поэтому несоответствие баланса промышленности к балансу сельского хозяйства в будущем, в первые несколько лет, будет еще расти*».

Именно таким будет соотношение между сельским хозяйством и промышленностью в ближайший период. Несколько позже это соотношение претерпит коренные изменения. Мы пройдем через период, когда промышленность и сельское хозяйство будут развиваться более или менее равномерно, а еще позже войдем в полосу, когда промышленность будет развиваться скорее сельского хозяйства. Таковы фазы, через которые прошло большинство передовых стран.

Ставить вопрос о соотношении сельского хозяйства и промышленности вне исторической перспективы, вне анализа конкретного внутреннего и мирового экономического положения, абсолютно недопустимо. Исходить здесь из абстрактной и априорной мысли о какой-то предустановленной гармонии и равномерности, значит подходить к вопросу с точки зрения схемы, не имеющей корней в экономической действительности.

Когда мы констатируем несоответствие между развитием сельско-хозяйственной продукции и предложением промышленных товаров, мы решаем этот вопрос обыкновенно исключительно в рамках двух звеньев, какими являются наше сельское хозяйство и *наша* промышленность. Такой подход неверен, так как есть еще и третье звено—внешняя торговля. Когда мы разрешаем проблему равновесия сельско-хозяйственной продукции и промышленного предложения, необходимо учитывать все три элемента. *Равновесие между сельско-хозяйственной продукцией и предложением промышленных товаров, равновесие, которого сейчас нет, может быть в течение ближайшего же времени создано*, но только на основе комбинации нашего сельского хозяйства, с одной стороны, и промышленности и *внешней торговли*, с другой. Специфическая ошибка сегодняшнего дня заключается в том, что мы (несмотря на большое внимание, уделяемое внешней торговле) все же ищем решения вопроса в пределах двух звеньев—нашего сельского хозяйства и *нашей* промышленности и *тем создаем товарный голод*. Между тем, разрешение настоящей проблемы для ближайших лет лежит в заметной мере во внешней торговле.

Тов. Рыков говорил в своем докладе на московской губпартконференции следующее: «Сельское хозяйство... будет все в больших размерах и скорее выбрасывать продукты на рынок, нежели это сможет сделать промышленность. Отсюда та роль, которая выпадает на долю внешней торговли. Проблема экономической смычки между городом и деревней теперь уже не может быть взята изолированно от внешней торговли. Последняя вклинивается сюда в качестве *важнейшего элемента*. Существующая диспропорция между сельским хозяйством и промышленностью находит во внешней торговле своего рода *клапан, с помощью которого возможна организация нормального оборота между городом и деревней*».

Не надо забывать, что товарный голод создается не в качестве прямого и неизбежного результата диспропорции между сельским хозяйством и промышленностью. Разве С.-А. Соед. Штаты в прошлом столетии или Канада и Австралия, где сельское хозяйство росло скорее, нежели промышленность, испытывали товарный голод? Избыток с.-х. продукции и нехватка промышленной продукции ликвидировалась в них через механизм внешней торговли. *Не диспропорция между сельским хозяйством и промышленностью сама по себе создает товарный голод, а определенный метод ликвидации этой диспропорции*. Именно тот метод, когда основным средством преодоления ее намечается не определенное построение внешней торговли (плюс выдержанное развитие промышленности), а одно лишь *форсированное* развертывание основных капиталов собственной промышленности.

В противовес распространенному представлению о возможности равномерного развития промышленности и сельского хозяйства, необходимо легализовать в партийном сознании обратное представление: невозможность на ближайшие годы такой гармоничности и тщетность на ближайший период усилий догнать с нашей промышленностью сельское хозяйство.

4. Преодоление товарного голода есть предварительное условие расширения основных капиталов.

Какие из предыдущего вытекают выводы и какая в связи со всем этим должна быть намечена программа экономических мероприятий.

Из сказанного следует, что 1) должен быть замедлен процесс инвестирования в основные капиталы и 2) в той мере, в какой это инвестирование может производиться, необходимо изменить внутреннюю пропорцию, в которой мы развиваем отдельные отрасли хозяйства, а внутри промышленности—отдельные отрасли промышленности.

Эта директива должна стать руководящей в нашей экономической работе на ближайшие несколько лет.

Необходимо, однако, конкретизировать ее, указав: 1) критерии, которых следует держаться при определении об'ема допустимого расширения основных капиталов и 2) последовательность введения отдельных отраслей в расширенную работу.

Сначала о первом. Основным критерием, определяющим об'ем допустимого расширения основных капиталов и указующим максимальный предел вложения, является наличие товарных запасов, созданных предшествующей хозяйственной работой (или импортированных на основе кредита). Если для нормальной производственной работы необходим в качестве оборотного товарного капитала, скажем, месячный запас товаров и если фактические запасы не превышают этой месячной нормы, то *расширение основных капиталов не может иметь место.* Лишь по мере образования, скажем, шестинедельного или двухмесячного запаса, вложение в основные капиталы может достигнуть размеров, соответствующих избытку товарных запасов над указанной месячной нормой оборотного запаса.

Поэтому *предпосылкой* бескризисного расширения основных капиталов является некоторое *предварительное насыщение* рынка, как сельско-хозяйственными, так и промышленными товарами. Только на этой основе производимые в пользу промышленности, транспорта и сельского хозяйства бюджетные ассигнования, усиление банковского кредитования, организация займа хозяйственного восстановления смогут создать *не только платежеспособный спрос, но и реальные (товарные) возможности для инвестирования в основные капиталы.* Только на этой основе инвестирование сможет быть на деле и притом бескризисно осуществлено. Ибо только в этих условиях налицо будут те запасы, благодаря которым станет возможной безболезненная иммобилизация товарных масс в основные капиталы.

Вложение в основные капиталы на первых порах сокращает товарное предложение. Не всякое сокращение товарного предложения создает, однако, товарный голод. Его не бывает, если наличные товарные запасы больше того сокращения их, которое будет создано расширением основных капиталов.

Со временем вложенный в промышленность капитал начинает функционировать и давать растущую промышленную продукцию. Трудность заключается в том, чтобы быть в состоянии *выждать до этого момента, притом выждать так, чтобы сокращение товарного предложения не создало товарного голода* [1]). Последнее возможно только тогда, когда товарные запасы настолько значительны, что некоторое временное сокращение их не в состоянии сразу же создать бестоварья. Предлагаемый курс и должен создать эти условия—насытив рынок сельско-хозяйственными и промышленными товарами.

В этой связи становится понятным то существенное различие, которое имеется между нами и Западом в этом пункте. *Интенсивное вложение в основные капиталы на Западе создает обыкновенно кризис промышленного перепроизводства; у нас же оно создало острый товарный голод.* В чем причина этого разительного различия? Она заключается в том, что более богатые западные государства ведут инвестирование на основе накопленных ранее значительных товарных запасов. А эти последние позволяют им это инвестирование производить так, что сокращение товарной массы еще не создает товарного голода и остается на все время иммобилизации незаметным. Оно позволяет, следовательно, спокойно, без кризиса бестоварья выждать результатов развертывания промышленности. А когда промышленность начинает давать свою увеличенную продукцию, то страны, сумевшие (благодаря значительности запасов) бескризисно пережить период сокращения, по этой же причине попадают в кризис перепроизводства. В условиях же недостаточности товарных запасов вложение в основные капиталы на первых порах становится, наоборот, источником острого кризиса бестоварья и может дать некоторое облегчение только позже. Отсюда указанное различие между нами и Западом.

Поэтому, если благодаря задержке инвестирования и усилению внешней торговли мы образуем некоторые товарные запасы, то тем самым *создадутся условия для менее кризисного и более энергичного развертывания основных капиталов в дальнейшем.* Именно таков будет конечный результат намечаемой экономической программы.

5. Схема нашего развития под углом зрения чистой экономики.

Так решается вопрос об общем размере инвестирования. Но на ряду с этим должен быть разрешен еще и вопрос о том, в каких отраслях, в какой мере и в какой последовательности следует вести это расширение основного капитала.

Рассмотрим вопрос этот сначала на основе *односторонне-экономических* соображений, вне зависимости от политических моментов, связанных с тем, что мы ведем наше строительство в капиталистическом окружении.

Критерии, решающие этот вопрос, могут быть намечены лишь в самом схематическом виде.

Исходя из того, что в наших условиях сельское хозяйство, как правило, требует меньших капиталов, чем промышленность, предпочтение следовало бы отдать прежде всего сельскому хо-

1) Вопрос стоит сложнее, если в стране сельское хозяйство *длительно* растет скорее, нежели промышленность, и если пытаются расширением основных капиталов промышленности сгладить это расхождение в темпе. В этом случае промышленность позже с некоторым избытком, правда, возвращает вложенное, но так как одновременно сельское хозяйство растет еще скорее, то выравнивание и в этот следующий момент не достигается. Но дело в том, что это выравнивание вообще отнюдь не обязательно.

зяйству. Развитие сельского хозяйства, в полную меру того, что может поглотить мировой рынок, должно было бы стать основной директивой. **Возможность под'ема народного хозяйства за счет сельско-хозяйственного экспорта, т.-е. возможность максимально дешевого под'ема народного хозяйства, есть величайший плюс для нашей экономики. Он должен был бы быть использован поэтому в максимальной мере.**

Но и с точки зрения односторонне-экономических соображений линия эта может быть взята лишь в той мере, в какой для нашей сельско-хозяйственной продукции обеспечен мировой рынок. Нельзя считать, что для всех отраслей нашего сельского хозяйства такой рынок имеется налицо в неограниченном размере. Поэтому, как только мы подходим к пределу емкости мирового рынка, дальнейшее (безотносительно к прочим условиям) вложение капиталов в сельское хозяйство, очевидно, становится нерациональным. Несмотря на то, что размер капитальных вложений в сельском хозяйстве относительно меньше, чем в промышленности, в этот момент это преимущество сельского хозяйства утрачивает свое значение, поскольку для возросшей продукции крестьянского хозяйства не находится рынка.

В отношении ряда отраслей сельского хозяйства экспорт, кроме того, возможен лишь на основе предварительной промышленной переработки. Сюда относятся свекла (сахарная промышленность), картофель (спиртовая промышленность), частично— плодоводство и огородничество (консервная промышленность), животноводство (беконные фабрики и холодильники) и т. д. Там, где экспорт сельско-хозяйственного продовольствия или сырья в чистом виде наталкивается на предел, но где возможен экспорт их в переработанном виде, развитие соответственных отраслей промышленности становится прямым условием с.-х. экспорта.

Но и сверх того развитие сельского хозяйства может упереться в ограниченную емкость мирового рынка. В этих условиях развитие сельского хозяйства не сможет продолжаться, если одновременно не будут развиваться отрасли промышленности, которые хотя и не экспортируют, но, работая на сельско-хозяйственном сырье, расширяют для сельского хозяйства внутренний рынок и, следовательно, обеспечивают возможность дальнейшего вложения капиталов в сельское хозяйство. В этих условиях развитие указанных отраслей промышленности является необходимой и решающей предпосылкой дальнейшего развития сельского хозяйства, а следовательно, и всего народного хозяйства.

То же значение могут позже получить и те отрасли промышленности, которые, хотя и не работают на сельско-хозяйственном сырье, но создают внутренний рынок для продовольственных продуктов сельского хозяйства (зерновых и животноводственных).

С переходом в эти последние стадии цена нашего экономического прогресса значительно возрастет. Хотя само по себе сельское хозяйство и здесь требует сравнительно меньших вложений капиталов, но так как на этой ступени его нельзя уже подымать, не подымая одновременно и промышленности (требующей значительно больших капитальных вложений), то по совокупности стоимость развертывания народного хозяйства становится много

большей, чем прежде. Она предполагает теперь значительно большее предварительное капиталонакопление, чем на предыдущих ступенях.

Но если в нынешних условиях, пока емкость мирового рынка для с.-х. продукции не исчерпана, мы можем подымать народное хозяйство (в части сельского хозяйства), не подымая в такой же мере и промышленность, то на новой ступени развитие уже не сможет пойти иначе, чем этим более дорогим путем. Если сейчас у нас есть выбор, то к этому моменту выбора уже не будет и форсирование промышленности станет необходимостью и с чисто экономической точки зрения.

Намечается, таким образом, следующая схема. В той мере, в какой мировой рынок в прямой форме для сельского хозяйства исчерпывается, должен быть открыт мировой рынок через промышленную переработку сельско-хозяйственного сырья. Вслед за хлебом и животноводством должна настать очередь за сахаром, спиртом, текстилем, кожевенной продукцией и т. д. В той мере, в какой и эти возможности исчерпываются, развитие должно пойти, главным образом, за счет промышленности, работающей хотя и на внутренний рынок, но использующей сельско-хозяйственное сырье или же только с.-х. продовольствие. Но одновременно мы должны развертывать и те отрасли промышленности, которые, хотя и не работают на сельско-хозяйственном сырье, но имеют серьезное экспортное значение (нефть, марганец, платина и т. д., резиновая, спичечная, лесная промышленность). В вопросе о развертывании остальных отраслей промышленности (работающих не на сельско-хозяйственном сырье и не для экспорта) решающее значение принадлежит цене внутреннего производства по сравнению с мировой ценой [1]). Мера и очередность развертывания этих последних отраслей определяется, кроме того, количеством капитальных вложений, которых они требуют [2]).

* * *

Намечаемый курс связан с сокращением общей массы инвестируемого основного капитала. Он, кроме того, означает иное,

---

[1]) Дороговизна продукта внутреннего происхождения сравнительно с ценой импортного продукта не всегда говорит о нерациональности в наших условиях данной отрасли промышленности. Возможны случаи, когда эта дороговизна определяется не малой экономичностью постановки в данном производстве, а дороговизной сырья и полуфабрикатов, которыми оно пользуется. В этих случаях целесообразнее, нежели отказ от развития данного производства, переход на импорт тех производственных элементов его (сырье и полуфабрикаты), которые определяют повышенную стоимость конечного продукта. Но и в тех случаях, когда дороговизна данного производства коренится в нем самом, нельзя еще итти к безусловному отказу от развертывания его. Нередко эта дороговизна является результатом лишь первого периода работы, при чем имеются все основания ждать заметного снижения себестоимости в дальнейшем. В этом случае известный воспитательный протекционизм является безусловно рациональным. Но протекционизм является ничем не оправданным, когда отрасль или предприятие по техническим условиям своим не имеет никаких перспектив подойти к мировой цене. Вкладывание основных капиталов в предприятия, ни при каких условиях не обещающие необходимого снижения цен, является недопустимым. Известный корректив здесь возможен только в интересах обороны.

[2]) В связи с упреками, которые делались автору, что промышленность совершенно выпала из поля его зрения, считаю полезным указать, что приведенная часть этой главы почти дословно воспроизводит один из тезисов **той самой** записки в ЦК ВКП (б), часть которой в свое время была опубликована в «Экономической Жизни» и в «Финансовой Газете».

чем сейчас, распределение инвестируемого капитала между отдельными отраслями народного хозяйства и в частности промышленности. Следует ли в связи с этим ждать, что создадутся еще большие затруднения с предложением промышленных товаров? Такие опасения неосновательны. На самом деле произойдет *не сокращение, а увеличение его. Именно некоторая придержка в темпе промышленного развития должна создать более обильное промышленное предложение*. Это может показаться парадоксальным, но это тем не менее так.

Сокращенное инвестирование в промышленность означает сокращение внутреннего производственного потребления промышленностью и высвобождает рессурсы для экспорта. На базе расширенного экспорта импорт развернется значительно шире, нежели сейчас. На основе авансирования тех же рессурсов, которые предполагалось вложить во внутреннее производство, импорт даст значительно большее товарное предложение. Результат этот обусловливается тем, что одна и та же единица экспортного товара покупает внутри страны значительно меньше, чем за границей. Кроме того, экспортная выручка, усиленная заграничными (как экспортными, так и импортными) кредитами, дает дополнительное увеличение поступающей товарной массы, усиливая предложение. К обоим моментам следует присоединить сократившуюся иммобилизацию товаров в основные капиталы, значительно понижающую спрос на промтовары. Ясно поэтому, в какой мере отказ от форсированного развертывания основных капиталов промышленности должен на первых порах усилить промышленное предложение, а не ослабить его.

* * *

Но что обещает такой тип развития не в смысле общего роста промышленного предложения (хотя бы и за счет импорта), а в смысле развития нашей *собственной* индустрии? Означает ли он отказ от широкого развертывания нашей промышленности?

Такое понимание было бы величайшей ошибкой. Ибо *максимальные промышленные перспективы открывает только этот тип развития*. Только он (если оставить в стороне приток иностранного капитала) может обеспечить *максимум* доступного нам индустриального развития.

Почему, однако, это так? Откуда такое утверждение? Как можно об'яснить себе такой парадоксальный результат политики нефорсирования промышленного развития?

Наша промышленность будет в ближайший период расти за счет двух источников: 1) собственного, внутри-промышленного накопления и 2) перекачки рессурсов из других сфер народного хозяйства (из сельского хозяйства) [1]. А поскольку раз-

1) Некоторые оппоненты утверждали, что я отрицаю необходимость перекачки рессурсов из других сфер народного хозяйства в промышленность. Это несомненная ошибка. Я говорил лишь о том, что в третьей фазе нашего развития, когда удельный вес нашей промышленности будет больше удельного веса сельского хозяйства и когда промышленность наша будет расти скорее, нежели сельское хозяйство, в этот период она будет развиваться за счет собственного накопления, а не за счет перекачки. Все это относилось именно к третьей фазе нашего развития, когда «сравнительный с промышленностью темп развития сельского хозяйства будет постепенно падать, между тем как перспективы промышленного развития будут все время улучшаться»,—а не к нынешней фазе.

витие пойдет двумя этими путями, мы столкнемся с сложным переплетом воздействий. Проанализируем этот момент.

Развитие промышленности, скажем, нынешнего года идет за счет внутри-промышленного накопления прошлого года и за счет перекачки рессурсов из других сфер. Но после того, как перекачка эта совершилась и рессурсы эти ассимилированы промышленностью, они—одинаково с прочими средствами—входят в производственную работу промышленности и становятся источником—теперь уже *внутри*-промышленного накопления (следующих лет). Если до момента перекачки средства, привлеченные со стороны, являются *внешними* рессурсами, то после того, как они в промышленность уже вложены, они в дальнейшем фигурируют как источник (последующего) *внутри*-промышленного накопления.

Сокращение перекачки из сельского хозяйства должно поэтому на первых порах сказаться двойным замедлением развития промышленности: один раз прямо и непосредственно—за счет снизившегося прилива средств со стороны, а другой раз косвенно—за счет снижения дальнейшего внутри-промышленного накопления (в результате сниженной перекачки). Ибо задержка промышленного развития (на основе замедленной перекачки из других сфер) сужает базу промышленной работы, а тем самым и размер внутри-промышленного накопления в ней. Чем медленнее будет промышленность впитывать рессурсы со стороны, тем уже будет база ее внутреннего накопления в каждый последующий год и тем замедленнее пойдет развитие ее и за счет внутреннего накопления.

Здесь обнаруживается, следовательно, в ясном виде отрицательное влияние замедленной перекачки. Как же в таком случае может последняя стать *фактором расширенного развития промышленности*? Вопрос, повидимому, совершенно законный.

Возможность такого влияния дана тем, что на ряду с указанным процессом в народном хозяйстве будет происходить и другой, имеющий обратное значение. Притом этому другому процессу будет принадлежать перевес. Какой же это процесс?

Вложение капиталов в сельское хозяйство в наших условиях более рентабельно, чем вложение в промышленность. Органическая структура капитала в сельском хозяйстве значительно ниже, трудоемкость сельского хозяйства значительно больше. Одна и та же единица капитала в сельском хозяйстве приводит в движение в восемь раз большие массы труда, чем в промышленности; а при той же норме эксплоатации труда та же единица капитала дает в сельском хозяйстве значительно большее накопление, нежели в промышленности. Кроме того, уровень потребления в сельском хозяйстве ниже, чем в промышленности, а это дополнительно усиливает накопительный эффект вложенного в сельское хозяйство капитала.

Если накопление в промышленности в среднем расценивать, скажем, в 6% в год, то накопление в сельском хозяйстве можно исчислять в значительно большей цифре, скажем, в 15%. Какой отсюда вытекает вывод? Очевидно, если бы какие-нибудь 100 единиц рессурсов были в нынешнем году перекачаны из сель-

ского хозяйства в промышленность, то они в следующем году в промышленности составили бы уже 106 дополнительных единиц, в третьем году 112,3, а в четвертом году 119,1 дополнительных единиц. Но если бы эти первоначальные 100 единиц были оставлены в сельском хозяйстве, то они здесь дали бы в следующем году 115,0 единиц дополнительных ресурсов, в третьем году—132,2, а в четвертом году—152,0. Если бы перекачка этих средств из сельского хозяйства в промышленность была произведена в первом году, то ресурсы промышленности возросли бы к началу пятого года на 119,1 единиц. Но если бы эта перекачка произошла бы не в первом году, а к началу пятого года, то ресурсы промышленности за счет тех же 100 единиц возросли бы на 152,0 единицы. Очевидно, что проводя ресурсы, предполагаемые для перекачки в промышленность, спачала через сельское хозяйство, мы даем им возможность сказаться на промышленном развитии большим под'емом, чем если их вливаем немедленно и прямо в промышленность.

Какой отсюда можно сделать вывод? Очевидно, что снижая относительную долю с.-х. прибавочного продукта, перекачиваемого сейчас из сельского хозяйства в промышленность, мы в первые годы тем самым снижаем и абсолютные размеры наших вливаний в промышленность. Но позже, благодаря значительно большей всхожести сельско-хозяйственных вложений—понижение относительной доли переливаний может дать в абсолютных цифрах большие массы впрыскиваемого в промышленность. Благодаря большей продуктивности вложений капитала в сельском хозяйстве, всхожесть этих ресурсов в нем больше, чем в промышленности. И в результате относительно пониженная доля с.-х. прибавочного продукта, перекачиваемая в промышленность, с годами начнет составлять абсолютно большие товарные массы.

Некоторая придержка перекачки в промышленность, таким образом, в дальнейшем не только возместит первоначальную задержку (как по линии перекачки, так и по линии внутрипромышленного накопления), но в итоге даст значительный перевес положительным влияниям над отрицательными. То, что мы потеряем в темпе промышленного развития в первые годы, то будет с лихвой возмещено в последующие. Ибо в итоге абсолютный рост промышленности будет больше, нежели при том типе развития, который базируется на немедленной и максимально форсированной перекачке.

Правда, при нашем варианте, относительный рост промышленности (по сравнению с ростом сельского хозяйства) будет все же меньшим. Но не потому, что промышленность будет развиваться медленнее, чем при другом типе (наоборот, она будет развиваться скорее), а потому, что при нем сельское хозяйство будет развиваться еще быстрее.

При этом типе развития диспропорция между промышленностью и сельским хозяйством будет заметнее, чем при другом. Ибо, хотя оба (и промышленность и сельское хозяйство) будут расти быстрее, чем при первом типе, но сельское хозяйство будет здесь расти скорее, чем промышленность.

Оба выиграют при этой схеме развития. Общий уровень народного хозяйства заметно подымется. В том числе и промышленность, которая будет расти скорее, чем при другом типе. Она будет расти скорее потому, что при нашем варианте резервуар сельско-хозяйственных ресурсов будет скорее расширяться и промышленность сможет из этого резервуара черпать для себя большие массы средств.

Вот почему можно утверждать, что при намечаемой нами схеме не только народное хозяйство будет развиваться полнее и не только сельское хозяйство взойдет при ней пышнее, но и максимальные промышленные перспективы открывает только этот тип развития. Именно он наиболее полно выражает тот курс на индустриализацию, который прокламировал XIV с'езд партии.

6. Международно-политические коррективы.

Так разрешается вопрос, если строить схему развития в терминах чистого экономизма.

Но такого рода односторонне экономический подход мог бы получить безоговорочное признание только при условии, если бы мы находились не в капиталистическом, а в социалистическом окружении, или если бы нам был обеспечен длительный период «нормального» экономического «сотрудничества» с капиталистическим миром.

Если бы последнее было обеспечено и если бы защищаемый тип развития не грозил ослабить социалистические элементы в нашем внутреннем строительстве, то вопрос мог бы быть исчерпан предыдущим изложением. Но для страны, строящей социализм, указанные два момента имеют, надо думать, решающее значение. Необходимо поэтому на них несколько остановиться.

Сначала о влиянии капиталистического окружения на выбор типа нашего развития.

Надо ли говорить, что мы не можем считать наше экономическое «сотрудничество» с капиталистическим миром обеспеченным длительно? Низвержение нас—притом низвержение manu militari—неотступно подготовляется нашим окружением. Есть много оснований ждать, что рано или поздно такая попытка снова будет сделана. Поэтому в нашем строительстве мы обязаны исходить из перспективы предстоящего рано или поздно разрыва и военных столкновений. Наши экономические планы должны, поэтому, ориентироваться на такой тип развития, который к моменту такого столкновения в максимальной мере обеспечил бы нашу экономическую и военную обороноспособность.

Совершенно очевидно, что существеннейшим элементом такой (экономической и военной) обороноспособности является развитие нашей промышленности. Необходимо поэтому задаться вопросом, какие коррективы в намеченную выше схему вносит такая международно-политическая обстановка. Корректив этот в основном сводится к тому, что конкретные планы нашего экономического развития должны быть поставлены в прямую зависимость от нашей оценки международного положения. Если мы считаем, что нам предстоит, примерно, 10 лет «нормального сотрудничества» с капиталистическим окружением, то мы могли

бы остановиться на таком типе развития, который обеспечил бы нам максимально возможное развитие промышленности через 10 лет, допуская замедленный рост ее в течение ближайших, скажем, пяти лет, если только такое замедление обещает нам в дальнейшем решительный промышленный реванш. Мы могли бы тогда в течение этих ближайших лет форсировать сельское хозяйство, сведя к минимуму перекачку из него в промышленность, с тем, чтобы на основе этого поднять сельское хозяйство столь пышно, чтобы, черпая из этого широко разросшегося резервуара, в течение последних пяти лет не только возместить то, что было в первое пятилетие потеряно в темпе промышленного развития, но и с лихвой обогнать упущенные возможности. Такой план, однако, целиком базировался бы на предположении, что нам обеспечены 10 лет мирного сотрудничества. Если бы такая гарантия существовала, мы на самом деле ничем не рисковали бы, если бы на первых порах наша экономическая и военная обороноспособность была несколько ослаблена, но зато на этих дрожжах заметно взошла наша промышленность и укрепилась обороноспособность к концу десятилетия.

На совершенно другом типе экономического развития мы должны были бы остановиться, если бы нам предстояли не 10 лет мирного развития, а каких-либо 1—2 года. В этом случае, мы должны были бы взять линию развития, которая дала бы максимально возможный эффект промышленного развития уже в ближайшие 1—2 года, хотя бы ценой придержки развития сельского хозяйства и хотя бы этот тип, будучи продолжен на целое десятилетие, дал меньший общеэкономический и специально-промышленный эффект, чем первый. Это совершенно понятно. Точно так же, если бы нам предстоял период мирного сотрудничества в 4—5 лет, тип экономического развития должен был бы быть взят средний между обоими указанными крайностями.

Очевидно, тип нашего экономического развития есть функция срока нашего мирного «сотрудничества» с Западом.

Относительно этих сроков никто не может быть уверен. И тем не менее во всей нашей работе и коминтерновской, и дипломатической, и экономической, мы на какие-то сроки сознательно или безсознательно ориентируемся. Если говорить о конкретных перспективах, на которые мы в той или другой форме делаем сейчас свою установку, то думается, что это, примерно, 4—5 лет.

Резолюция XIV парте'езда констатирует, что в области международных отношений, несмотря на то, что противоречия между нами и капиталистическими государствами не ослабляются, а возрастают, «налицо закрепление и расширение передышки, превратившейся в целый период, так называемого, мирного сожительства СССР с капиталистическими государствами». Думается, что сейчас было бы невозможно расценивать этот «период» на срок больший, чем 4—5 лет. Весьма возможно, наоборот, сокращение его. Но в общем и целом такой срок вырисовывается сейчас, как более или менее вероятный. А если так, то тип нашего развития должен быть рассчитан таким образом, чтобы мы достигли максимальной экономической и военной обороноспособности около этого времени, хотя бы ценою того, что в течение ближайшего года или двух мы будем к этому итти кружными путями.

Нам важно быть максимально сильными к моменту вероятного столкновения. И если перед нами стоит выбор: готовиться ли нам так, чтобы в каждую ближайшую минуту дать максимум гарантий, хотя бы ценою того, что к моменту действительного столкновения мы будем слабее, чем при другом типе развития, или нам готовиться и расти таким образом, чтобы наша обороноспособность в решающий момент столкновения была максимально обеспечена (хотя бы ценою того, что в более спокойные ближайший год—другой, мы сконцентрируем наши средства в таких точках работы, которые в большей мере обеспечивают наше будущее, чем наше настоящее), то остановиться мы должны не на первом, а на втором типе.

Очевидно, что если мы считаем, что уже завтра, в 1926 г. мы должны иметь максимальное развитие промышленности, то мы изберем другой тип развития и другое соотношение между промышленностью и сельским хозяйством, чем тогда, когда мы считаем, что имеем в своем распоряжении 4—5 лет передышки.

Если мы сегодня ориентируемся на срок в 4—5 лет, то это, конечно, не значит, что мы не будем с величайшей зоркостью следить за международной обстановкой. Если в будущем году обстановка сложится таким образом, что срок этот окажется более близким, чем мы это предполагали, мы должны будем энергично и быстро перегруппироваться, чтобы встретить столкновение, разыгравшееся ранее ожидавшегося, более вооруженными. Но с другой стороны, если по истечении, скажем, 3-х лет выяснится, что период мирного сотрудничества удлиняется, скажем, на каких-нибудь новых 4—5 лет, то мы опять пересмотрим тип нашего развития с тем, чтобы в большей мере, нежели сейчас, дать ход сельскому хозяйству, которое, быстро расширяя ресурсы народного хозяйства, позволит в последние годы этого периода вести значительно более энергичную политику развертывания промышленности.

Таким образом, в пределах каждого из сроков нашего «сотрудничества» мы кладем в основу приведенную чисто-экономическую схему. Но конкретные пропорции сельского хозяйства и промышленности, являются функцией того срока сотрудничества, который мы намечаем. Чем длиннее этот срок, тем в более чистой форме может быть принята указанная схема; чем короче этот срок, тем радикальнее те коррективы, которые в эту схему должны быть внесены.

Сейчас мы должны были бы остановиться на таком плане экономического строительства, который обещает нам через 4—5 лет максимально возможное развитие промышленности. Но план этот конкретно должен быть таким, чтобы в течение ближайших 2—3-х лет он дал бы замедленное развитие промышленности по сравнению с тем, что намечает ВСНХ, и стал бы обгонять этот план, примерно, с 1929 года.

Так разрешается затронутый вопрос в свете международно-политического положения, как оно вырисовывается к началу 1926 года.

Нам остается рассмотреть еще только один вопрос: означает ли рекомендуемый тип развития отход от социалистического строительства.

7. Отход от социалистического строительства или усиление его?

В временном отставании промышленности от развития сельского хозяйства была усмотрена неизбежность отказа от социалистического строительства. Можно ли отождествлять одно с другим?

Система социалистических элементов в нашем хозяйстве достаточно сложна. Мы имеем ряд командных высот, являющихся орудием социалистического строительства. Не все они в одинаковой мере являются элементами «последовательно-социалистического типа». Мы имеем здесь нашу крупную промышленность и транспорт, имеем кооперацию и государственную торговлю, имеем монополию внешней торговли, бюджет и кредитную систему.

О монополии внешней торговли и кредитной системе можно говорить только как о технических орудиях социалистического строительства. Людской материал, на который они опираются—непосредственная их аппаратная «социальная база» весьма незначительна и пока далеко не пролетарская. Здесь мы имеем лишь технический аппарат и технические методы государственного регулирования, поставленные на службу социалистического строительства.

В этом отношении промышленность, транспорт и кооперация существенно отличны от первых двух командных высот. Ибо в последних мы имеем не только технические аппараты, но и большие социальные пласты определенной классовой физиономии.

Но и между последними тремя элементами имеются существенные различия. Пролетарскими являются только промышленность и транспорт (последний может быть несколько в меньшей мере, чем первая). Совершенно отличную социальную базу имеет сельская кооперация. Классовой характер последней сам по себе не гарантирует социалистической линии строительства. Только в специфических условиях диктатуры пролетариата она постепенно получает это значение.

Наиболее полным выразителем социалистического строительства является, таким образом, только наша государственная промышленность. Технические же функции строительства социализма осуществляются всей системой названных элементов.

Такова общая расстановка. А теперь перейдем к нашему вопросу. Если бы мы стояли перед перспективой длительного и неуклонного снижения роли государственной промышленности, то совершенно очевидно, что система нашей экономики имела бы много шансов с годами переродиться. Мы имели бы, вероятно, деградацию социалистических элементов в нашем хозяйстве. Но такое положение было бы вероятно лишь при том условии, что отстаивание промышленности будет характеризовать длительный период нашего развития. Если же это отстаивание определит собою только ближайшие годы и если оно будет сопровождаться энергичным ростом других социалистических элементов нашей экономики, можно ли тогда считать, что из такого временного отставания промышленности неизбежно проистечет отход от строительства социализма? Несмотря на первенствующее вообще значение промышленности такой неизбежности нет и в помине.

Указываемый нами тип развития связан с известной перегруппировкой элементов внутри социалистического ядра нашей экономики. Он связан с усилением роли монопольно организованной внешней торговли, кооперации, с.-х. кредита и транспорта и с сравнительным (отнюдь не абсолютным) замедлением роста госпромышленности. Эта перегруппировка пойдет одновременно с значительным усилением и ростом социалистического ядра в целом. Последнее будет в течение этих лет расти, при чем этот рост будет опережать рост частно-хозяйственной периферии.

Этот рост будет ускорен именно благодаря некоторому замедлению в развитии промышленности и благодаря форсированию развития внешней торговли.

На чем основывается такая уверенность? Задержка в промышленном строительстве освободит некоторые ресурсы для транспортного строительства. Транспорт импортировать, к сожалению, нельзя. Можно максимум импортировать отдельные элементы его. Между тем промышленную продукцию импортировать можно. А транспорт нам придется в ближайшее же время серьезно двигать вперед, охватывая им подымающуюся экономику отсталых районов.

Развитие импорта, в частности предметов производственного крестьянского потребления, вольет в народное хозяйство значительно большие массы товаров и улучшит насыщенность страны товарами, ибо один пуд хлеба покупает за границей большую массу промтоваров, чем внутри страны. Это позволит нам усилить снабжение крестьянства промтоварами и, следовательно, усилить социалистическое строительство в деревне. Ибо ключ к социалистическому строительству в деревне,—в хорошо поставленном, притом нами поставленном, промышленном снабжении крестьянства. Снабжение это, организованное кооперацией, поддержанное системой с.-х. кредита и проведенное в духе нашей политики в деревне, наряду с хорошо организованным кооперативным сбытом крестьянской продукции, дает максимум возможных сейчас элементов социалистического строительства в деревне. Именно защищаемый курс, усиливая наше снабжение деревни, на деле усиливает эти возможности.

Мы имеем внутри нашего социалистического ядра целую систему элементов, представляющих известное подвижное равновесие. Элементы эти растут неравномерно. То выдвигается вперед государственно-кооперативная торговля и кредит, то промышленность; то, скажем, транспорт и внешняя торговля. Если сейчас наше социалистическое ядро будет расти главным образом за счет внешней торговли и сельского хозяйства, кредита и кооперации, то через некоторое время она будет расти преимущественно за счет промышленности, а позже,—за счет промышленности и внешней торговли, создающих тесный экономический блок между нами и экономикой подымающегося и освобождающегося Востока.

Из того, что на ближайшие несколько лет нам предстоит более быстрый рост других элементов, нежели промышленности, *нельзя делать того вывода, что нам предстоит отход от социалистического строительства.* Этого вывода нельзя делать несмотря на то, что промышленность является наиболее полным выразителем социалистических тенденций нашей экономики.

Если бы мы в *каждой* фазе нашего развития были бы в столь *ультимативной* форме связаны с форсированным ростом крупной промышленности, то судьбу социалистического строительства пришлось бы на самом деле считать менее обеспеченной или по крайней мере связанной с значительно большими трудностями. Ибо такого рода задержки могут повторно оказаться неизбежными. А при указанной ультимативной зависимости всякая вынужденная (хотя бы и временная) заминка с форсированием промышленности, должна была бы нанести непоправимый ущерб строительству социализма.

Страшен сон, однако, значительно более милостива советская явь. *Такого положения на самом деле нет,* и не надо терроризовать себя трудностями, которые не представляют собой *неизбежных опасностей.*

Система нашего социалистического строительства значительно более подвижна. Когда в тот или другой момент об'ективные условия не позволяют двигать один элемент вровень с остальными, мы возмещаем этот ущерб энергичным развитием других элементов социалистического ядра и *в итоге все же даем этому ядру растущий перевес над частно-хозяйственной периферией.* Не надо преуменьшать наших маневренных возможностей и не надо представлять себе наше развитие в слишком однотипно-закостеневших формах.

Возможности социалистического строительства не в такой уже мере условны, как это кое-кто себе представляет; открытые перед нами просветы не столь узки, как это кое-кому кажется. В «ультиматизме форсирования промышленности», на позиции которого стоят отдельные товарищи, чувствуется какое-то стесненное дыхание испуга, чувствуется изрядная доля маловерия и если не беспросветность, то *утрированная* «однопросветность». Наши возможности на деле больше и сложнее, чем это кое-кому представляется.

В нашем прошлом были уже случаи, когда несмотря на голод промтоваров, мы шли на замедленное развитие крупной (и в частности тяжелой) промышленности и ускоренное развитие сельского хозяйства (в сочетании с кустарной и мелкой промышленностью). Разве не с этого мы *начали* нэп? Что же, курс этот привел нас к отходу от социалистического строительства или к исключительному усилению его? Попробуйте сравнить успехи социалистического строительства последних лет с успехами этого строительства в период Троцкистско-Гусевского форсирования транспорта и тяжелой промышленности.

Замедленное развитие крупной промышленности в начале нэпа привело к энергичному развитию ее в последние годы. Быстрое развитие последних лет, было бы невозможно *без той временной придержки, которую мы имели в 1921—1923 г.г.*

Мы развивали за последние годы нашу промышленность главным образом за счет огромного вливания в нее банковских краткосрочных кредитов. И это было правильно. Мы подошли сейчас к *новому* периоду, несущему черты, отличные от тех, к которым мы привыкли за последние годы. *Своеобразие* этого нового положения должно быть осознано нами.

Сейчас промышленность может быть форсирована уже не за счет краткосрочных вложений в оборотный капитал, быстро дающих новую продукцию, а за счет расширения основных капиталов, лишь спустя изрядное время сказывающегося увеличением продукции. Нельзя поэтому в новых условиях брать тот же темп, что и раньше, внося в него лишь второстепенные коррективы.

Сравните следующие данные. В прошлом году по данным ВСНХ промышленность вложила в капитальное строительство около 400 м. р., а задолженность ее по краткосрочным кредитам возросла на 550 м. руб. *Уже при этом соотношении создался в стране товарный голод.* В нынешнем году ВСНХ по *декабрьским* своим расчетам намечает к вложению в основные капиталы 896 м. р., повышая свою задолженность по краткосрочному кредиту на 500 миллионов. Соответственно с этим резко меняется, то, что промышленность изымет из оборота и то, что она в этом году вернет в виде продукции. Если мы этот план попытаемся выполнить[1]), то товарный голод к концу года снова заметно обострится по сравнению с облегченным положением, которого можно ждать к началу 1926 года.

Своеобразие нового этапа промышленного развития, в который мы вступаем, требует того, чтобы мы вновь на время несколько замедлили темп развития промышленности, а главное, *пересмотрели состав развиваемых отраслей ее.* Такая временная придержка окупится в смысле действительно полнокровного развития промышленности уже спустя короткий промежуток времени.

Опыт начала и последних лет нэпа должен облегчить нам принять правильное решение. Можно было бы сильно тревожиться за результаты такой придержки в отношении судеб социалистического строительства, если бы мы под руководством Владимира Ильича не проделали огромный опыт в течение 1921—1923 г. Еще на XII с'езде партии тов. Троцкий тревожно указывал, что крупная промышленность, даже вместе с средней и даже вместе с арендованной промышленностью, поднялась за 1921—1922 год на 43%, а ремесленно-кустарная промышленность на 60%. Удельный вес второй *поднялся* с 28% до 30,3%, а удельный вес первой *упал* с 72% до 69,7%. А теперь кто у нас думает о реальных опасностях развития кустарной промышленности? «Свежо предание, а верится с трудом». А ведь одно время мы на самом деле имели в лице кустарно-ремесленной промышленности серьезного соперника.

---

[1]) Конкретные расчеты показывают, что при нынешней ситуации можно считать действительно обеспеченными капитальные вложения в промышленности лишь в пределах 550—600 милл. рублей, при усилении краткосрочного кредита в размере 400 м. р. Все остальное должно быть отнесено во вторую очередь и начато осуществлением лишь при заметном улучшении общего положения.

Попытка чрезмерно форсировать развитие, как мы знаем из опыта 1919—1920 г., метит за себя глубокими кризисами. Казалось бы, что усиленный рост промышленности должен оздоровить пролетарскую базу страны. Однако, это не всегда бывает так. Бесперебойно ли в последнее время идет процесс оздоровления? Мы имеем быстрый рост пролетариата, вбирающего в себя новые, не ассимилированные еще элементы из крестьянства. Такое вливание новых масс в пролетариат является значительным приобретением для нас, если оно происходит на основе прочного поступательного развития промышленности.

Обратный результат может дать это вливание, если оно происходит не на основе рассчитанного и методического под'ема промышленности, а на основе искусственного и непосильного форсирования ее, ведущего потом к непрерывным пересмотрам производственных программ, хроническим сокращениям, нерегулярной выплате заработной платы и к другим формам кризисного развития. В этих условиях мы получаем пролетариат, правда, более многочисленный, чем раньше, но пролетариат хозяйственно и политически дезорганизованный. Укрепляется ли в результате всего этого революция? Ключ к социалистическому строительству в городе не в непосильном форсировании промышленности, а в методическом, настойчивом, и по возможности бескризисном развитии ее. Непосильное же форсирование ее может повести лишь к хроническим перебоям, ослабляющим энергию и продуктивность социалистического строительства.

Вот почему защищаемый курс усиливает элементы социалистического развития и в городе и в деревне, а не ослабляет их.

* * *

Если оставить пролетариат и крестьянство с глазу на глаз в их экономических взаимоотношениях, то соотношение между ними определяется сейчас так: крестьянство имеет что предложить городу и оно может выжидать, а пролетариат не может выступить с достаточным (для возмещения крестьянской продукции) предложением. Вместе с тем он пред'являет растущий спрос на крестьянскую продукцию притом с удовлетворением этого своего спроса он не может ждать, если не откажется от чрезмерных задач, которые сейчас перед собой поставил.

Тот факт, что пролетариат взялся за форсированное развертывание основного капитала, промышленности и транспорта заставляет его выступать по отношению к крестьянству прежде всего в роли потребителя (хотя бы и производственного типа), т.-е. в роли носителя спроса, а не предложения.

Мы имеем здесь новый пароксизм, новый рецидив восстановительной политики IX с'езда партии с тем различием, что на этот раз мы надеемся разрешить задачу безнажимными методами нэпа. Несмотря на такой безнажимный характер нашей политики курс этот все же привел к некоторому ослаблению равновесия в соотношении двух классов.

Положение это не следует длить. Нам нужен крупный экономический маневр, способный изменить положение вещей.

Резко неблагоприятное соотношение между промышленным спросом и промышленным предложением должно быть устранено. Промышленное предложение должно скорее вырастать, чем оно растет за последнее время и промышленный спрос должен медленнее расти, чем он растет на самом деле. А это возможно лишь при условии некоторых изменений в типе нашего хозяйственного развертывания. Это значит, что в нынешних условиях пока длится товарный голод, пролетариат должен несколько менее оттенять свою роль носителя быстро развертывающейся промышленности и должен несколько выдвинуть вперед свою роль организатора внешней торговли.

Надо осознать, что на ближайшее время пролетариат не сможет удовлетворить крестьянство на пути форсированного развития собственной промышленности. Всякие иллюзии, которые мы питаем в этом отношении, должны быть оставлены. Чтобы удовлетворить крестьянство промышленными товарами нам нужно иначе соразмерять пропорцию развертывания промышленности и развертывание внешней торговли.

В нашей экономической стратегии сейчас нужна известная перегруппировка. Только в результате ее взаимоотношения обоих классов придут к равновесию и пролетариат сможет в более энергичном, чем сейчас, темпе вести практическую работу социалистического строительства.

М. Лифшиц.

Каким должен быть сельхозналог?

В 19—20 номере (от 30-го октября) «Большевика» мы ознакомили читателя с системой ныне действующего сельхозналога.

Теперь перейдем к вопросу о том, каким должен быть сельхозналог. Разумеется, говорить о совершенной системе обложения деревни,—принимая во внимание 23 миллиона крестьянских хозяйств, разбросанных на огромнейшей территории Советского Союза, принимая во внимание многообразие нашего крестьянского хозяйства,—довольно трудно, но совершенствовать, исправлять мы должны.

Но раньше, чем строить систему обложения деревни, следует установить, разрешению каких задач должна содействовать эта система.

Остановимся только на некоторых:

Во-первых, содействовать разрешению социально-экономических задач партии в деревне;

во-вторых, содействовать и во всяком случае не препятствовать развитию производительных сил деревни и

в-третьих, она должна быть наиболее проста, понятна крестьянству и удобна с точки зрения проведения ее.

По нашему мнению, действующая система в чрезвычайно малой степени соответствует перечисленным выше задачам. Начнем с главного.

В какой степени нынешняя система содействует разрешению наших социально-экономических задач в деревне? Формально она пытается это делать, но довольно безуспешно.

Совершенно очевидно, что только тогда можно будет наиболее правильно подойти к различным социальным группам деревни, когда удастся в первую очередь установить социальную природу этих групп, т.-е. когда мы сможем выявить действительную мощность, *доходность* этих крестьянских хозяйств. Налоговую же систему надо строить так, чтобы изымать часть *дохода* в зависимости от мощности хозяйства, от его доходности. Иначе говоря, *путем наибольшего приближения к системе подоходного налога*.

Нам кажется это положение бесспорным.

Кроме того, при одной и той же сумме налога тяжесть его будет распределяться тем закономернее, чем большее количество источников дохода крестьянского двора будет привлекаться к обложению.

Что же мы имеем в нынешней системе налога? Мы привлекаем к обложению доход только от двух источников, хотя, правда, главнейших: от земли и крупного скота. Точнее будет сказать, что мы облагаем не столько доход от этих источников, сколько самые источники, выраженные в натуральных единицах. То-есть

налог взимается не с рубля дохода, а с десятины земли, коровы, лошади, десятины луга.

Привлекая к обложению только эти источники дохода, мы игнорируем доходы крестьянского хозяйства от других источников. То-есть мы определяем мощность хозяйства, его социальную природу только по количеству голов скота и десятин земли. Таким образом, два хозяйства, имеющие одинаковое количество едоков, земли и скота, при обложении этих хозяйств налогом рассматриваются, как одинаково мощные. Между тем, одно из этих хозяйств имеет еще доходы от промысловых заработков и от второстепенных отраслей сельского хозяйства, иногда в два раза превышающие доходы от земли и скота, а другое хозяйство этих дополнительных доходов не имеет.

Можно ли считать эти хозяйства одинаково мощными и одинаково облагать их налогом? Разумеется, нет.

Обложением только части дохода крестьянского хозяйства, игнорируя остальную часть его дохода, мы искажаем классовый характер нашей налоговой политики.

Это обстоятельство препятствует разрешению задачи оказания действительной помощи крестьянской бедноте.

В самом деле, мы освобождаем от налога часть крестьянских хозяйств (бедноту) в зависимости от количества земли и крупного скота, приходящихся на едока в хозяйстве, исходя опять-таки из того положения, что эти признаки определяют действительную мощность, доходность хозяйства. В результате получается, примерно, такое положение: два хозяйства имеют одинаковое количество едоков; в первом хозяйстве земли и скота, в пересчете в облагаемые единицы—$^3/_4$ единицы на душу, а в соседнем хозяйстве на душу—$^4/_5$ единицы. Закон рассуждает так: первое хозяйство имеет на едока не больше $^3/_4$ облагаемой единицы—оно подходит под категорию бедноты и освобождается от налога. Второе хозяйство имеет на едока $^4/_5$ единицы—оно беднотой не считается и налогом облагается.

Между тем, если бы мы в этих обоих хозяйствах учли и доходы от остальных источников, мы бы пришли к тому выводу, что первое хозяйство, имеющее на душу только $^3/_4$ облагаемой единицы—имеет еще от всяких других источников, примерно, 100 руб. доходу, а второе хозяйство либо ничего не имеет, либо имеет только 50 руб. и в результате второе хозяйство, признанное нами подлежащим обложению, по своей мощности куда отстает от первого, освобожденного нами от налога, как бедняцкое.

Поэтому мы и считаем необходимым привлечь к обложению доходы не только от тех источников, которые привлекаются до сих пор, т.-е. от земли, крупного рогатого и рабочего скота и сенокосов, *но также и от промысловых заработков и второстепенных отраслей сельского хозяйства* (пчеловодство, птицеводство, огородничество, садоводство, мелкое животноводство и проч.).

Как велики доходы, которые до сих пор к обложению не привлекались? Большое ли они имеют значение?

Приведем несколько цифр [1]).

[1]) Все расчеты, таблицы, диаграммы, приводимые в этой статье, составлены Отделом Сельхозналога НКФ СССР.

Исчисленный нами средний условно-чистый доход (о котором подробнее будет сказано ниже) распределяется таким образом:

Полеводство	53,1%	78,9%
Крупное животноводство	14,3%	
Луговодство	11,5%	
Промысловые заработки	10,6%	21,1%
Второстепенные отрасли сельского хозяйства	10,5%	

Значит, по Союзу эти доходы составляют — за округлением—21%.

По отдельным же районам и губерниям эти доходы занимают в общем условно-чистом доходе различное место: например, Крайний Север—29,5% условно-чистого дохода этого района, Север—12,5%, Западный район—19%, а Московско-Промышленный район—25%, Центр.-Земледельч. район—23%, а Урал—11,7%, Северный Кавказ—15% и т. д.

Еще большую пестроту мы наблюдаем по отдельным губерниям внутри каждого района: Тверская губерния—20% всего условно-чистого дохода губернии, а Иваново-Вознесенская—38%, Тульская губерния—29,7%, а Рязанская—16%. Одесская губерния—16%, а Полтавская—9%. Брянская губ.—26%, а Гомельская—16% и т. д.

Совершенно очевидно, что еще большая пестрота наблюдается в распределении дохода от различных источников в уездах, волостях и, *главным образом, в отдельных крестьянских хозяйствах*. Но об этом ниже подробнее.

Может возникнуть такого рода вопрос: что же до сих пор не очевидны были эти основные положения или эти недостатки?

Что до сих пор, принимая во внимание, что вопрос о системе обложения деревни значился в повестке дня чуть ли не всех наших партийных и советских с'ездов, этого вопроса не касались? Нет, касались и давались определенные директивы, о которых мы отчасти говорили в нашей предыдущей статье, и сейчас напомним их.

Когда вопрос о системе обложения деревни был предметом суждения II С'езда Советов, последний дал совершенно ясную директиву: перестроить систему налога в сторону наибольшего приближения ее к подоходной. Наркомфин весною нынешнего года разработал проект реформы в духе этой директивы. По соображениям, главным образом, технических затруднений, ввиду недостаточной подготовленности нашего низового советского аппарата в первую очередь, и, принимая во внимание значительное понижение самого налога, решено было отложить реформу обложения деревни. Предполагалось, что те изменения, которые были внесены в существующую систему, и факт значительного понижения налога несколько ослабят все недостатки, которые в системе имеются.

XIV партконференция по этому вопросу приняла следующее постановление:

«Стремясь обеспечить соответствие тяжести обложения каждого хозяйства с *размерами его доходов и достатков при помощи учета всех данных, определяющих мощность и платежеспособность крестьянского хозяйства* (курсив везде наш. *М. Л.*), желая достичь справедливого распределения тяготы налога между различными слоями крестьянства *сообразно степени их благосостояния*, партия должна поставить перед собой задачу *коренного* улучшения системы прямого обложения». И дальше: «Конференция обращает внимание ЦК партии на необходимость разработки нового закона о сельхозналоге, который *обеспечил бы беспрепятственное развитие сельско-хозяйственного промысла и давал бы возможность защиты интересов тех слоев деревни, кои являются опорой советской власти*».

III С'езд Советов, собравшийся после партийной конференции, признает, «что переход к твердой валюте даст возможность осуществить общий пересмотр действующей системы единого сельско-хозяйственного налога *в направлении, указанном постановлениями II С'езда Советов Союза ССР*».

Таким образом, мы не только имеем директивы о коренном изменении системы обложения, но имеем и некоторые руководящие указания, в каком направлении эти изменения должны пойти.

Выше мы говорили о роли доходов, которые мы предлагаем привлекать к обложению впервые.

Что изменится от того, что они будут привлечены?

Мы проделали кое-какие расчеты распределения дохода от каждого источника и налога между различными категориями крестьянского хозяйства, чтобы установить в какой степени включение в обложение дохода от источников, до сих пор не облагавшихся, изменит нынешнюю картину распределения хозяйств по мощности и тяжести налога. Расчеты проделаны по нескольким губерниям.

Ввиду сложности этих расчетов, требующих много времени, мы выбрали отдельные губернии отдельных районов, которые являются характерными для этих районов. Основные результаты одни и те же, т.-е. *везде мы имеем значительное перераспределение*.

Приводим расчеты по Курской губернии (диаграмма № 1) [1].

Мы установили, что в Курской губернии хозяйств, имеющих доход только от земли и крупного рогатого и рабочего скота, имеется 18—20%; хозяйств, имеющих еще вдобавок доход от второстепенных отраслей сельского хозяйства (от мелкого скота, птицеводства, пчеловодства, огородничества, садоводства и проч.) 72%; и хозяйств, имеющих неземледельческие заработки—10%.

Считая этот учет неполным, мы увеличили число хозяйств, занятых неземледельческими промыслами в каждой группе на определенный % против учтенных налоговыми списками, а сумму среднего заработка на одно промысловое хозяйство *сохранили*

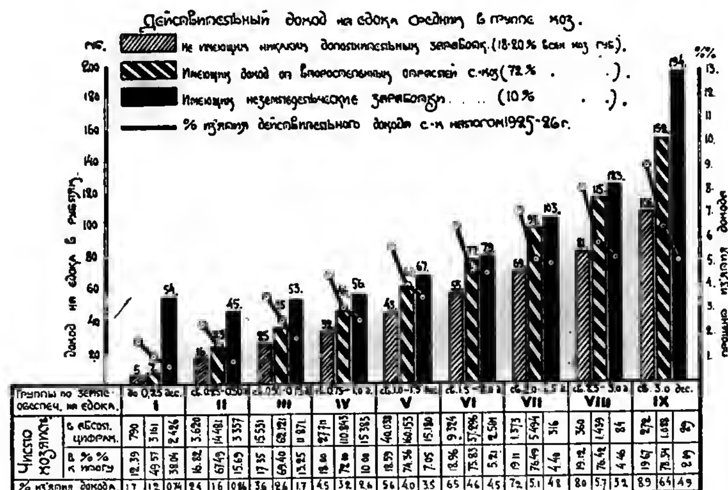
---

[1]) Все эти расчеты проделаны Отделом сельхозналога Наркомфина Союза по следующему методу: на основании расчетов довольно детальных и подробных о доходности крестьянского хозяйства от всех источников нами установлена сумма дохода всей Курской губернии от каждого источника в отдельности. Доход от земли и скота был распределен по отдельным группам плательщиков на основании данных о количестве посева, сенокоса и скота, действительно учтенных в каждой группе налоговыми списками. Сумма неземледельческих заработков промыслового населения и число хозяйств с промыслами по тем же группам также учтены налоговыми списками.

полученную по спискам, хотя опа, несомненно, преуменьшена.

Так как сведений о распределении дохода от второстепенных отраслей сельского хозяйства по группам нет, то разбивка исчисленного по губернии дохода от этих источников произведена условно: доход этот распределен между 80% всех хозяйств, не имеющих промыслового заработка пропорционально доходу от основных отраслей сельского хозяйства.

Диаграмма № 1.

Группы по землеобеспеч. на едока.		до 0,25 дес. I			св. 0,25—0,50 д. II			св. 0,5[illegible] III			св. 0,75—1,0 д. IV			св. 1,0—1,5 дес. V			св. 1,5—[illegible] VI			св. [illegible] VII			св. 2,5—3,0 д. VIII			св. 3,0 дес. IX		
Число хозяйств	в абсол. цифрах.	790	3161	2426	3.620	14.481	3.357	15.551	62.121	11.871	27.7[illegible]	110.345	15.385	40.038	160.155	15.180	9.374	57.896	2.501	1.573	5.494	516	360	1.439	84	272	1.088	87
	в %% к итогу	12.39	49.57	38.04	16.82	67.49	15.69	17.35	69.40	13.25	18.80	72.[illegible]	10.04	18.59	74.36	7.05	18.96	75.83	5.21	19.11	76.49	4.40	19.12	76.42	4.46	19.67	78.34	2.89
% изъятия дохода.		1.7	1.2	0.74	2.4	1.6	0.86	3.6	2.6	1.7	4.5	3.2	2.6	5.6	4.0	3.5	6.5	4.6	4.5	7.2	5.1	4.8	8.0	5.7	5.2	8.9	6.4	4.9

Все хозяйства губернии мы распределили по существующим 9 налоговым группам по обеспеченности землей на едока и каждую группу разделили на три подгруппы по доходу, который хозяйства имеют от различных источников.

В результате мы получили, примерно, такую картину: в первой группе по земле, т.-е. имеющие до ¼ десятины земли на едока,—790 хозяйств, или 12,39% (если все хозяйства данной группы принять за 100), имеют доход только от сельского хозяйства, и он составляет 5 руб. на едока; 3.161 хозяйство, или 49,5%, имеют доход не только от главных источников сельского хозяйства, но и от второстепенных отраслей его, и весь этот доход составляет 7 руб. в год на едока; 2.426 хозяйств, или 38,04%, помимо всего прочего, имеют доход от промысловых заработков, который повышает общий доход на едока до 54 руб.

Мы все хозяйства этой группы (всех трех подгрупп) в нынешнем году считали беднотой, потому что учитывали доход только от сельского хозяйства, т.-е. только 5 руб. на едока.

Теперь посмотрим вторую группу хозяйств, т.-е. имеющих земли на едока до 0,5 десятины. Картина получается такая: 16,82% хозяйств имеют доход только от сельского хозяйства, и этот доход составляет 16 руб. на едока, 67,49% хозяйств имеют дохода на едока 23 рубля, потому что они, помимо дохода от основных источников, имеют доход и от второстепенных отраслей сельского хозяйства. 15,69% хозяйств имеют дохода 45 руб. на едока, потому что они, кроме всего прочего, имеют доход от неземледельческих заработков. Хозяйства всех этих подгрупп этой группы мы облагали в нынешнем году только по доходу от основных отраслей сельского хозяйства, т.-е. только по доходу в 16 руб. на едока.

Теперь попробуем сопоставить первую группу со второй и мы замечаем, что 38% хозяйств первой группы, признанные нами безусловно беднотой, имели доходу на едока гораздо больше 3-й подгруппы второй группы, облагавшейся нами налогом, как середняцкие хозяйства.

В одинаковой степени это будет относиться к любой из девяти групп Курской губернии.

Разумеется, в более высоких группах общее количество хозяйств меньше, а промысловых хозяйств еще меньше.

Совершенно очевидно, что облагая все эти хозяйства по доходу только от сельского хозяйства, мы льготили более доходные хозяйства за счет менее доходных. Кроме того, мы всей налоговой тяжестью наваливаемся на сельское хозяйство и это само по себе уже препятствует развитию сельского хозяйства. В самом деле, посмотрим, как распределяется налог с этих хозяйств.

Возьмем вторую налоговую группу (до 0,5 дес. на едока). Мы установили процент из'ятия налогом от дохода в этой группе в 2,4%. Таким образом, с хозяйств наиболее слабых, имевших дохода только от сельского хозяйства (т.-е. 16 руб. в год на едока) мы действительно изымали 2,4%, а с тех 67% хозяйств, которые имели доход не только от основных отраслей сельского хозяйства, но и от второстепенных, т.-е. 23 руб. на едока, мы изымали только 1,6%. Оно и понятно: налогу мы брали столько же, а доход у них был более высокий. С 15% крестьянских хозяйств, имевших наиболее высокий доход (45 руб. в год на едока), мы изымаем ту же сумму налога, которая составляла всего лишь 0,86% дохода, то-есть мы налогом изымали тем меньшую часть дохода, чем больше доходу имело это хозяйство.

В какой же степени это относится ко всем группам? Возьмем самую высокую 9-ю группу (выше 3 десятин на душу). Там мы изымаем с хозяйств, имеющих доход только от сельского хозяйства—8,9% дохода, а то 78% хозяйств, которые имеют доход не только от земли и крупного скота, но и от второстепенных отраслей сельского хозяйства, платили только 6,4%, а с той группы хозяйств, правда, довольно малочисленной, имеющей и неземледельческие заработки, мы изымали 4,9% дохода.

В такой же степени сказанное относится и к остальным губерниям. Разница будет заключаться только в том, что в Курской губернии, скажем, хозяйств, имеющих неземледельческие

заработки, есть только 10%, а в Костромской губернии таких хозяйств будет 72%, а хозяйств, имеющих доход исключительно от сельского хозяйства—только 6%.

По Смоленской губернии хозяйств, имеющих неземледельческие заработки, будет 15%, а имеющих доход только от основных отраслей сельского хозяйства—17%.

Разве все это мало искажает нашу классовую политику?

Разве одно это не дает достаточно поводов для реформы нынешней системы налога?

Совершенно очевидно, что привлекая к обложению доход от новых источников, оставаясь при той же сумме налога по Союзу, мы получим перераспределение тяжести налога в большем соответствии с доходностью отдельных категорий крестьянских хозяйств.

Таким образом, мы предлагаем систему обложения деревни перестроить таким образом, чтобы к обложению привлекались доходы от земли, сенокосов, крупного рогатого рабочего скота, неземледельческих (промысловых) заработков и второстепенных отраслей сельского хозяйства.

Второе изменение, которое мы предлагаем и которое мы относим к коренным, сводится к тому, чтобы доход крестьянского хозяйства, который облагается, выражался в рублях.

То-есть ставка налога должна устанавливаться не на десятину земли, не на корову или лошадь, а на рубль дохода от этих источников.

Этим мы значительно упростим систему, сделаем ее куда более понятной крестьянству и изживем один из элементов натуральщины, еще сохранившийся в нашей системе обложения деревни.

В первые годы революции, когда в нашем хозяйстве преобладали элементы натуральности, понятны были элементы натуральности и в налоге. Если понятно было исчисление налога по натуральным единицам (десятина земли, голова скота) в годы неустойчивости нашей валюты, то совершенно очевидно, что теперь при тенденции крестьянского хозяйства развиваться, как товарно-денежное, при наличии устойчивой валюты и, наконец, при решении привлекать к обложению большее количество источников дохода, совершенно нецелесообразно и даже вредно сохранять обложение дохода, выраженного в натуральных единицах.

Кроме того, если еще можно было устанавливать ставку налога на десятину земли, на корову и лошадь, то нельзя устанавливать ставку налога на курицу, на овцу, на ¼ десятины огорода, на улей, на работников в хозяйстве и проч.

Обложение дохода, выраженного в натуральных единицах, требовало установления колоссального количества таблиц ставок для различных губерний (см. нашу ст. в № 19—20, стр. 49). Если мы ставки налога устанавливаем на один рубль дохода, а реальное значение этого рубля мало колеблется по губерниям Союза, то совершенно очевидно, что мы можем вместо 100 таблиц ставок, имеющихся теперь, ограничиться одной маленькой табличкой ставок для всего Советского Союза.

В этой табличке ставок и будет сказано, сколько копеек налога взимается с рубля дохода, приходящегося на душу населения.

Как же будет исчисляться в крестьянском хозяйстве доход, подлежащий обложению? Двояким способом.

Доход от источников и теперь облагающихся налогом, т.-е. от земли, сенокосов, крупного рогатого и рабочего скота, по твердым нормам этого дохода, устанавливаемым в центре, при чем местам предоставляется право эти нормы доходности изменять по уездам, волостям и даже селениям в зависимости от местных экономических условий.

Доход же от источников, привлекающихся к обложению впервые, т.-е. от неземледельческих заработков и второстепенных отраслей сельского хозяйства, в каждом отдельном крестьянском хозяйстве учитывается волостной налоговой комиссией, большинство состава которой, должно быть из крестьян данной волости и данного села. Эти комиссии определяют доход индивидуального хозяйства на основании тех данных о доходности хозяйства, которыми они располагают (не подлежащих формальному учету) и руководствуются исчерпывающими на этот счет директивами и инструкциями центра, и, главным образом, местных организаций.

Принимая во внимание многообразие нашего крестьянского хозяйства, совершенно очевидно, что никакими нормами из центра доход от многих, в сущности говоря, мелких источников не учтешь. Да, наконец, вряд ли и нужна такая точность и сложность.

Общая сумма дохода крестьянского двора, получаемая от перечисленных источников и учитываемая указанными двумя методами, облагается, повторяем, по единой для всего Союза таблице ставок.

Мы это поясним примером. Предположим, будет установлено, что в Воронежской губернии десятина посева дает доходу 40 руб., корова—20 руб., лошадь—25 руб., а десятина луга—20 руб.

В хозяйстве, состоящем из 7 душ, имеется 6 десятин посева, 2 коровы, одна лошадь и 2 десятины сенокоса. Кроме того, в хозяйстве имеется еще кое-какой мелкий скот, довольно много птицы, с ½ десятины огорода и проч. Доход этого хозяйства исчисляется таким образом:

6 десятин посева по 40 руб.=240 руб.

2 коровы по 20 руб.=40 руб.

Лошадь=25 руб.

2 десятины сенокоса по 20 руб.=40 руб.

Итого 345 руб.

Кроме того, волостной налоговой комиссией установлено, что всех доходов в хозяйстве от всех прочих источников—40 руб. Таким образом, общая сумма дохода, облагаемого в хозяйстве, будет 385 руб., или 55 руб. на душу.

II налог, исчисляется примерно по такой табличке ставок.

Таблица ставок с.-х. налога в копейках с каждого рубля облагаемого дохода.

С первых 40 руб. дохода на едока.	С излишка дохода сверх 40 руб. до 60 руб. на едока.	С излишка дохода сверх 60 руб. на едока.
2 коп.	8 коп.	17 коп.

Третье изменение, которое мы предлагаем, сводится к изменению порядка освобождения от налога крестьянской бедноты.

Мы уже выше говорили, на основании каких принципов освобождается от налога беднота по нынешней системе. Порядок же освобождения от налога установлен такой: налог с бедняцких хозяйств исчисляется на общих основаниях и лишь потом в порядке льгот, в порядке скидок, эти хозяйства освобождаются полностью или частично от налога.

По предлагаемому проекту устанавливается порядок примерно такой же, как при обложении рабочих в городе, т.-е. устанавливается необлагаемый минимум дохода, приходящегося на душу в хозяйстве. Этот необлагаемый минимум будет дифференцироваться по районам в зависимости от среднего дохода на душу крестьянского населения в том или другом районе.

Таким образом, крестьянская беднота получит не льготу, не скидку, а освобождение от налога по праву. Сколько хозяйств нужно освободить от налога—об этом ниже.

До сих пор налогом облагалась вся земля (пашня), числящаяся в хозяйстве, независимо от того, какая часть этой пашни фактически засевалась.

Таким образом, одинаково платили налог с десятины пашни два хозяйства, которые при прочих равных условиях,—одно по целому ряду обстоятельств засевало большую часть этой пашни, а другое меньшую часть. Это, в сущности говоря, сводилось к тому, что мы наказывали то крестьянские хозяйства, которые имели большой недосев. Если предполагать, что крестьянское хозяйство мало сеет, ну, скажем, по лени, за отсутствием нужды,—пожалуй, было бы правильнее наказывать его и облагать всю его землю, но ведь совершенно очевидно, что так мыслить не может ни один марксист. Совершенно очевидно, что отдельные крестьянские хозяйства в отдельных губерниях, уездах, волостях и селениях не досевают в первую очередь и главным образом потому, что им не под силу поднять всю свою землю: нет коня, не хватает семян, нет работника и проч.

А раз это так, то обложение налогом всей земли хозяйства, независимо от размера использования этой земли, в сущности говоря, вносит такую же несправедливость и неравномерность при распределении тяжести налога, как и исключение из обложения некоторых доходных статей.

Поэтому следует перейти к обложению не пашни, а фактически засеваемой в хозяйстве площади.

Наиболее правильно было бы строить ставки налога в зависимости от того дохода, который получает крестьянство в год платежа налога, но практически это неосуществимо. Крестьянство будет платить налог в будущем году за счет доходов будущего года. Совершенно очевидно, что мы теперь исчислить доход будущего года не можем.

Не можем мы также руководствоваться доходом только нынешнего года, потому что доход нынешнего года выше среднего за последние годы. Да и вообще, поскольку доход крестьянского хозяйства на 80, а иногда и на все 100% зависит от урожая текущего года, нельзя строить налог, исходя из дохода какого-либо одного года. Колебания дохода крестьянского хозяйства в зависимости от урожая настолько значительны, что правильнее брать годовой доход за некий средний период.

Мы полагаем наиболее правильным принять годовой доход—средний за последнее четырехлетие (1922—1925 г.г.).

Довоенный доход мало показателен для всего послереволюционного периода: произошли такие коренные изменения во всей структуре сельского хозяйства, что равняться по довоенному доходу совершенно не приходится. Что же касается послереволюционного периода, то первые годы революции, период военного коммунизма был периодом наибольшего разрушения сельского хозяйства, и поэтому он не показателен. Первый год новой экономической политики, т.-е. 1921 год,—исключительно неурожайный, и включение его исказит действительный средний доход более или менее нормальных лет, поэтому мы взяли последующие четыре года, т.-е. 1922—1925 г.г.

Чему же равняется исчисленный нами годовой доход за этот средний период? Ответ дает эта таблица.

Годовой условно-чистый доход крестьянского хозяйства по СССР по средним данным за четырехлетие 1922—25 г.г.

Статьи дохода.	Милл. руб.	% к итогу.
Полеводство	3.771,5	53,1
Луговодство	817,5	11,5
Животноводство	1.019,7	14,3
Итого дохода, облагаемого по внешним признакам (твердым нормам).	5.608,7	78,9
Прочие отрасли с. х. (включая доход от мелкого животноводства)	744,2	10,5
Неземледельческие заработки	758,1	10,6
Итого дохода от второстепенных отраслей с. х.	1.502,3	21,1
Весь доход крестьянск. хозяйства	7.111,0	100

Таким образом, весь исчисленный нами условно чистый доход всех источников, предполагаемых нами к обложению, сводится к 7,1 миллиард. рублей. Из них—5,6 млрд. рублей будут облагаться по внешним признакам и по нормам, установленным в законе, и 1,5 млрд. рублей — волостными налоговыми комиссиями.

Два слова об условно-чистом доходе. Наш условно-чистый доход получается путем вычитания из валового дохода семян и корма скоту. Наш и валовый доход и условно-чистый доход несколько ниже дохода, исчисленного и Госпланом, и ЦСУ, и Наркомземом.

Руководствуясь взятым на себя обязательством изложить здесь проектируемую нами систему, не вступая в полемику со сторонниками какой-либо другой системы, мы все же считаем доход, исчисленный нами, правильным и, главное, наиболее точным, ибо он исчислен нами для каждой отдельной губернии по данным о посевных площадях и урожаях по культурам, о ценах и о количестве скота по категориям, числящимся в каждой отдельной губернии.

Термин и понятие условно-чистого дохода в нашей экономической и статистической литературе уже ясно определен и закреплен. Мы же при построении проектируемой нами системы обложения вынуждены были выдвинуть новое понятие, новый термин, так называемый, *облагаемый доход—иский доход более низкий по сравнению с условно-чистым доходом.*

Этот так называемый облагаемый доход, положенный в основание той таблицы ставок, которую мы строим, *исчислен нами в 5,5 млрд. рублей по Союзу*, против 7,1 млрд. условно-чистого дохода, против 10,5 млрд. валового среднего дохода за последнее четырехлетие.

Что это за облагаемый доход, как он исчислен и чем вызвано появление этого нового положения?

Дело в следующем. Исчисляя валовой и условно-чистый доход, мы руководствовались, в первую очередь, статистическими данными, т.-е. площадями статистически исчисленными, количеством скота—то же самое, заработками—то же самое. Между тем, совершенно очевидно, что мы вряд ли налогом учтем такое же количество об'ектов обложения, как по данным статистическим. *Мы безусловно получим недоучет и земли и скота.* Поэтому, если бы мы продолжали придерживаться исчисленного нами условно-чистого дохода по статистическим данным об'ектов обложения, мы должны были бы, повидимому, либо повысить ставки налога, либо при недоучете об'ектов обложения разверстать остальное количество об'ектов обложения между всеми налогоплательщиками, т.-е. каждый налогоплательщик должен бы был несколько больше платить за то, что его сосед укрыл, либо недобрать большую часть налога.

Совершенно очевидно, что мы не можем пойти ни по одному из этих путей. Поэтому при построении ставок налога мы все элементы доходности об'екта обложения (коровы, лошади, десятины земли) *умножаем на то количество об'ектов обложения, которые мы исчисляем по налоговым спискам* (т.-е. *учитываем вероятный недоучет*) и в *результате мы получим сумму дохода несколько низшую, чем статистически исчисленная.*

Это относится к результатам недоучета. Кроме того, статистически исчисленный доход с головы крупного скота довольно высок. Надо полагать, что с точки зрения хозяйственного значения этого скота, статистические исчисления довольно верны. Но следует принять во внимание, что в условиях нашего крестьянского хозяйства понятие дохода от скота (и от земли), когда оно этого дохода реально не получает, т.-е. продукции этой земли и скота не выбрасывает на рынок, приобретает известную условность. Крестьянство не всегда усваивает, о каком доходе с десятины земли идет речь, когда оно с'едает все, что собирает. Какой же доход может быть от той лошади, от которой хозяйство никакого денежного дохода не получает?

Исходя из этих соображений, и в предыдущие годы, когда скот облагался путем пересчета его в землю по определенным нормам, эти нормы устанавливались несколько ниже действительных соотношений доходности головы скота и десятины земли.

Мы полагаем наиболее целесообразным и теперь нормы доходности скота несколько понизить против статистически исчисленных.

В результате умножения учтенных налоговыми списками голов скота на несколько пониженные нормы дохода *получится в общем понижение суммы дохода.*

Принимая во внимание недостаточную полноту материалов о доходности от второстепенных отраслей сельского хозяйства и неземледельческих заработков, то, что этот доход будет учитываться недостаточно совершенным аппаратом, новизну этого учета и важность дальнейшего развития этих отраслей хозяйства, мы *считаем наиболее правильным к обложению привлечь не весь исчисленный в центре доход от этих источников, а несколько пониженный.*

В результате всего этого мы получим доход, который будем называть облагаемым, и который мы исчисляем в 5½ млрд. руб.—на 25% ниже условно-чистого дохода.

По отдельным источникам дохода мы получаем понижение: по полеводству—на 20% против условно-чистого дохода, по луговодству—на 45%, по крупному скоту—на 49%, по мелкому скоту в тех районах, где он облагается самостоятельно (Казакстан, Узбекистан, Туркменистан и проч.)—49%, по второстепенным отраслям сельского хозяйства и неземледельческим заработкам 12,5%.

Таблицу ставок, прогрессию обложения мы строим, исходя из этих 5½ млрд. облагаемого дохода.

О характере прогрессии *ныне действующего* налога мы довольно подробно говорили в нашей предыдущей статье. Поэтому здесь мы остановимся только на проектируемой прогрессии. Но все же, чтобы товарищам было легче разобраться, мы здесь дадим следующую табличку (см. свод. табл. на стр. 100).

При построении *нынешнего* налога доход был исчислен средний не за четырехлетие, а за предыдущее трехлетие. Здесь мы видим нынешнюю прогрессию: начинается она с 3,56% из'ятия и достигает в высшей группе—12,6%. *Все это относится к условно-чистому доходу.* Это нужно хорошенько запомнить, потому что проектируемая прогрессия строится, повторяем, не по условно-чистому доходу, а *облагаемому*, т.-е.

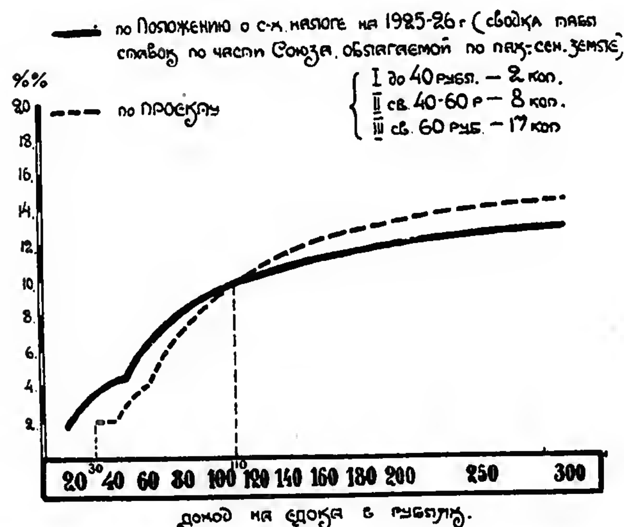
Сводная таблица ставок сельско-хозяйственного налога нынешнего 1925 26 года.

Доход на едока в рублях.	Сумма налога на едока	% из'ятия дохода.
30	1,07	3,56
40	1,68	4 20
50	2,51	5,02
60	3,89	6,48
70	5 31	7,59
80	6,74	8,42
90	8.16	9,07
100	9,59	9 59
120	12,39	10,32
140	15,24	10,89
160	18,04	11,27
180	20,89	11,61
200	23,70	11.85
250	30,77	12,31
300	37 85	12,62

пониженному доходу, а, следовательно, те проценты из'ятия, которые мы проектируем, по отношению к условно-чистому доходу будут еще более низкими.

Прогрессия нынешнего налога и проектируемого изображаются так: (диаграмма № 2).

Диаграмма № 2.

Как видим, хозяйства с облагаемым доходом до 30 руб. от налога вовсе освобождаются. Хозяйства с доходом на едока до 110 руб. в сравнении с нынешним годом получают понижение процента из'ятия. Хозяйства с доходом выше 110 руб. на едока получают против нынешнего года некоторое повышение.

Реальное содержание этой прогрессии показывает следующая табличка распределения дохода на едока, количества хозяйств, суммы облагаемого дохода в каждой группе хозяйств, % из'ятия и суммы налога с этой категории хозяйств.

В сущности говоря, эта табличка дает совершенно отчетливую картину проектируемой системы прогрессии.

Группы по размерам дохода на едока.	Число хоз. в % к итогу	Сумма облагаемого дохода в тыс. руб.	% из'ятия дохода налогом.	Сумма налога в милл. руб.
До 30 руб	29,8	706	Не облагается	Не облагается
30—40	21,2	1.010	2,0	20,2
40—50 50—60	26,5	1 590	2,3 3,6	50,9
60—70 70—80	12,3	953	4,6 6,8	57,2
80—90 90—100	5,6	522	8,0 9,0	43.3
100—120	1,9	200	10,0	20,0
120—140 140—160 160—180	2,2	400	11,0 12,0 12,5	46,0
180—200 200—220 св. 220	0,5	119	13,0 13,5 14,0	15,4
Итого . .	100	5.500	—	253,0

А эту табличку ярче изображает диагр. № 3, на стр. 103.

Конкретно: освобождаются вовсе от налога (везде округляем) 30% хозяйств.

Платят налог от 2—3,6% облагаемого дохода—48% хозяйств,
платят налог от 4—7%—12% хозяйств,
примерно от 7% до 9% платят—5,6% хозяйств,
от 10—14% будут платить 5% хозяйств, из которых только ½% хозяйств будут платить от 12,5 до 14%.

Теперь, если сопоставить нынешнюю прогрессию с проектируемой, увидим:

Таблица ставок по с.-х. налогу на 1926—27 г.

Размер облагаемого дохода на едока в рублях.	По ставкам 1925—26 г.		По проекту на 1926—27 г.	
	Налог на едока в рублях.	% из'ятия облагаем. дохода налогом.	Налог на едока в рублях.	% из'ятия облагаем. дохода налогом.
30	1,07	3,56	0,60	2
40	1,68	4,20	0,80	2
50	2,51	5,02	1,60	3,2
60	3,89	6,48	2,40	4
70	5,31	7,59	4,10	6
80	6,74	8,42	5.80	7,25
90	8,16	9,07	7.50	8,33
100	9,59	9,59	9,20	9,2
120	12,39	10,32	12,60	10,5
140	15,24	10,89	16,00	11,43
160	18,04	11,27	19,40	12,12
180	20,89	11,61	22,80	12,67
200	23,70	11,85	26,20	13,1
250	30,77	12,31	34,70	13,88
300	37,85	12,62	43,20	14,40

В нынешнем году мы изымали при доходе в 40 руб. на едока 4,2%, по новому проекту мы будем изымать только 2%. При доходе в 60 руб. на едока мы изымали 6,5%, а по проекту будем изымать 4%. Это в низших и средних группах. В высших же группах при доходе в 200 рублей на едока мы изымали 11,85%, а будем изымать, примерно, 13%.

Если припомнить, что предлагаемые нами проценты из'ятия относятся к облагаемому доходу, пониженному против условно-чистого, то мы должны будем притти к выводу, что и те 5% хозяйств, которые против нынешнего года будут платить несколько более высокий процент своего дохода—при исчислении налога по отношению к условно-чистому доходу, получат либо также понижение, либо тот же процент из'ятия, как и в нынешнем году.

Таким образом, в 95% хозяйств налогом будет изыматься меньше, чем в нынешнем году.

За счет чего делается это понижение?

В первую очередь за счет более высокого дохода, чем в нынешнем году, и во-вторых, таблица ставок нынешнего налога строилась для налога в 280 милл. руб. (к реальному получению 240). Мы строим таблицу ставок на сумму налога, примерно, в 250 милл. руб., а к реальному получению примерно в 220—225 милл. руб.

При построении прогрессии обложения, при разрешении задачи партии—содействовать развитию производительных сил деревни, мы как будто упираемся в некоторое противоречие. Если при построении налога неуклонно проводить принцип наибольшего благоприятствования тем слоям деревни, на которые опирается советская власть, то, повидимому, мы вынуждены были бы перенести наибольшую тяжесть налога на выс-

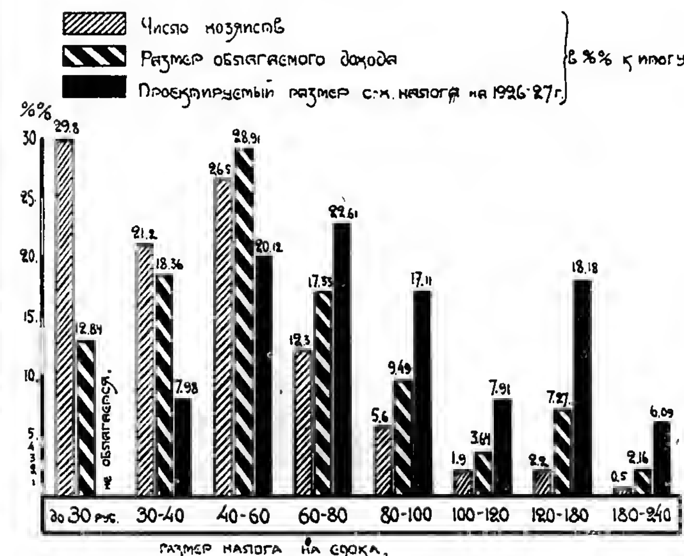
шие группы хозяйств. Между тем, наиболее производительными, доставляющими наибольшее количество товарных излишков, являются эти группы и переобложение их может приостановить их дальнейшее развитие. Но является ли процент из'ятия, предлагаемый нами, препятствием к развитию производительных сил даже этой маленькой категории хозяйств?

Ни в какой степени. Потому что, даже изымая 12—13% в хозяйствах, имеющих примерно $1\frac{1}{2}$ тыс. руб. облагаемого дохода, т.-е. значительно пониженного дохода, они являются

Диаграмма № 3.

Относительное распределение крестьянск. хозяйств дохода и с-х. налога

по группам с различной доходностью на едока по проекту таблиц ставок на 1926-27 год.

настолько мощными, что из'ятие этого дохода ни в какой степени не может повлиять на дальнейшее развитие этих хозяйств.

В самом деле, конкретно, что из себя представляет хозяйство с облагаемым доходом в $1\frac{1}{2}$ тыс. рублей? Предположим, что это хозяйство никаких промысловых заработков не имеет. Тогда это хозяйство будет примерно таким: 20 десятин посева, 10 коров, 5 лошадей, 50 голов мелкого скота, огород, сад, птица и проч.

Такое хозяйство, уплатив налог в размере нами предполагаемом, будет дальше расти. Между тем, из'ятие от 5 до 9% дохода, как мы изымали теперь у основной массы

середняцких хозяйств, имеющих доходу на хозяйство примерно 350—400 руб., безусловно задерживает, замедляет развитие этих хозяйств.

Поэтому мы считаем, что предлагаемый нами проект прогрессии наиболее полно отражает нашу политику к различным категориям крестьянских хозяйств, и, безусловно, будет содействовать разрешению наших задач в деревне.

Естественно возникает вопрос: что же в предлагаемой системе налога все бесспорно? И есть ли другие проекты системы?

Ответить на эти вопросы совершенно об'ективно пишущему эти строки, защищающему систему, только что изложенную, будет не легко. Все же, постараемся вкратце познакомить читателей на этот счет.

Мы не будем останавливаться на системе, предлагаемой отдельными лицами о построении налога по принципу из'ятий ренты. Мы считаем этот проект неприемлемым. Подробно на нем не останавливаемся, потому что место не позволяет.

Против же предлагаемой нами системы есть возражения, мы бы сказали, больше технического характера, чем принципиального. Продолжают оставаться некоторые затруднения, которые ясны и защитникам изложенного проекта.

Мы считаем учет дохода от неземледельческих заработков и второстепенных отраслей сельского хозяйства в индивидуальном хозяйстве делом довольно трудным. Но опыт работы волостных налоговых комиссий за нынешний год показал, что им можно поручить эту ответственную задачу. Эти налоговые комиссии в нынешнем году выполняли чрезвычайно ответственные задачи, и материалы подтверждают, что они с задачей справились и что они пользуются большим авторитетом среди крестьянства.

Кроме того, следует помнить про задачу вовлечения крестьянства в советское строительство. А ведь лучший способ вовлечения крестьянства в советское строительство—это передать проведение в жизнь важнейших мероприятий советской власти самому крестьянству.

До проведения нового налога в жизнь остается еще достаточно времени, и за это время надо будет провести большую подготовительную работу, чтобы дать местам наиболее исчерпывающие данные и материалы.

Некоторые возражают против нашего предложения перейти от обложения по пашне к посеву, при чем эти возражения двоякого характера.

Во-первых, технические затруднения, которые об'ясняются тем, что посев, являющийся наиболее текучим элементом в крестьянском хозяйстве, не удастся правильно учесть, что мы будем иметь большой недоучет посевной площади, а это, в свою очередь, отразится на сумме налога.

Во-вторых, нет нужды в переходе к обложению по посеву, потому что мы имеем незначительные колебания в использовании пашни.

Что касается первого возражения, то ему нельзя отказать в некоторой убедительности, но все же нельзя из-за этого отказаться от коренного изменения этого принципа.. Когда в 1921 году начали учитывать пашню, у нас тоже был большой недоучет пашни, как мы имеем недоучет посева и теперь. Кроме того, мы имеем теперь низовой советский аппарат куда лучше,

чем в 1921 году. Да, наконец, у нас имеются данные о посевных площадях целого ряда организаций и, самое важное, у нас есть посевные площади, учтенные налоговыми списками в каждом отдельном крестьянском хозяйстве.

Что же касается соображения второго порядка, что мы имеем небольшие колебания в размерах использования пашни, то не представляется возможным загромоздить статью таблицами, опровергающими это положение. В том-то и дело, что мы имеем чрезвычайную пестроту в использовании пашни под посев по губерниям, уездам, волостям, но, самое важное,—по отдельным крестьянским хозяйствам.

Мы считаем совершенно неправильным оставаться дальше на обложении по пашне. Ведь, если признать, что нет больших колебаний в использовании пашни между отдельными крестьянскими хозяйствами одного и того же села, то придется на девять десятых отвергнуть положение о наличии каких-то процессов дифференциации крестьянского хозяйства. Совершенно бесспорно, во-первых, что количество пашни на едока больших колебаний внутри села не даст, и второе, что наибольшим показателем мощности крестьянского хозяйства является количество посева на едока. Если считать, что в деревне, все засевают одинаковую часть своей земли, а земли на едока у всех почти одинаково, то следовательно на едока получается одинаковая площадь посева, т.-е. все хозяйства по своей доходности и мощности одинаковы. Какие же тогда разговоры о какой-то дифференциации? Именно в размерах использования пашни в хозяйстве мы имеем большие колебания.

Оно и понятно: землю-то поделили, а скота не делили, работников не делили, денег не делили, инвентарь не делили, и в результате мы имеем большое количество хозяйств многоземельных, но никчемных, нищих—и наоборот.

Отсюда и аренда земли и наем работников и проч., а ведь эти явления имеют характер преимущественно внутри села.

Мы на этом заканчиваем нашу статью и полагаем, что по этому вопросу придется еще писать.

Мы считаем, что предлагаемая нами система наиболее полно отражает политику партии в деревне, лучше нынешней системы будет содействовать разрешению задач партии в деревне, и поэтому она должна быть принята.

Два слова о сумме проектируемого налога. Отсутствие указаний на этот счет может помешать свободному обсуждению наших предложений. По нашему мнению сумма нового налога никоим образом не должна быть выше нынешнего года, возможно даже, несколько ниже. Что же касается тяжести налога, т.-е. процента из'ятий дохода, то эта тяжесть налога должна быть безусловно ниже нынешнего года.

Волостному бюджету должно быть передано в порядке отчисления, как и в нынешнем году, не менее 100 милл. руб., независимо от общей суммы налога.

К этому сводятся все наши предложения.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

Наше наступление и роль государственного капитализма.

(*Заметки о сборнике: „Ленин о госкапитализме", „Прибой", 1926 г.*).

Очевидно, составители этого сборника хотели помочь членам партии разобраться в закончившемся на XIV с'езде споре о госкапитализме. Собранные и об'единенные в одну брошюру мысли Ленина должны служить, по замыслу редакции, руководящим материалом для определения мнения партии по этому вопросу. С той же целью т. Зиновьев усиленно рекомендовал этот сборник в своем содокладе, указывая, что в нем содержатся «только материалы, только подбор того, что сказано Владимиром Ильичем о госкапитализме».

Однако, нам кажется, что эта рекомендация вдвойне не заслужена. Во-первых, трудно, вернее невозможно, создать другую такую брошюру, столь основательно, серьезно и уже, несомненно, ортодоксально, по-ленински опровергающую постановку вопроса о госкапитализме, данную самим тов. Зиновьевым и в особенности тов. Сокольниковым. С этой точки зрения брошюра не заслужила рекомендации именно с их стороны. Впрочем, нам думается, что это совершенно не входило в планы составителей. Это видно из того, что, во-вторых, редактировавшие и составление брошюры страдает, мягко говоря, некоторыми «странностями». Оставим в стороне отдельные недочеты в подборе отрывков и отметим прежде всего, две основных «странности».

Во-первых, с первого же взгляда на книжку бросается в глаза то обстоятельство, что она выпущена без указаний составителя или редактора, т.-е. анонимно. Конечно, можно считать, что для подбора мыслей Ленина по волнующему партию вопросу нужны только ножницы: нарезал цитат, склеил их—и готово дело; стоит ли проставлять скромное имя товарища или товарищей, проделавшего или проделавших эту простую работу? Но нам кажется, что подбирать мысли Ленина, как «материалы» для партии, для партс'езда—дело большой ответственности. В самом деле, раз сборник выпущен анонимно, то кто же отвечает за данный подбор ленинских мыслей? Кто озаглавил отдельные отрывки? Кто расположил их в определенном, хотя бы хронологическом, порядке? Тайна сия велика есть. Тщетны все попытки разыскать редактора или составителя. Он в природе существует, он на стр. 8 сделал даже «примечание редакции», но шапка невидимка скрывает его от нескромных взоров.

Во-вторых, нельзя в сборнике, предназначенном для широкого круга читателей, давать сплошную вереницу отрывков из Ленина, совершенно не проводя никакой периодизации и ограничиваясь только ссылками петитом на месяц и год. Нельзя приводить отрывки 1918 года рядышком с отрывками 1921 года, без всяких примечаний, проглатывая целые периоды экономической политики, в корне изменившие всю обстановку хозяйственной борьбы. Этого нельзя делать потому, что Ленин намечал определенную линию экономической политики, отводил определенную

сферу для госкапитализма, применяясь к данному периоду со всеми его конкретными особенностями, с его центральной задачей и «очередным звеном». Попросту переносить постановку вопроса, данную Лениным для одного этапа, на условия совершенно другого этапа экономической истории нашей революции—прием совершенно недопустимый. Между тем, указанное расположение отрывков как раз может привести к некоторому смазыванию в глазах рядового читателя исторических особенностей данной постановки Лениным вопроса о госкапитализме. Следствием этого может явиться прямехонькое применение ленинской экономической линии, намеченной специально для этапа 1918 г., к условиям 1925—26 года. Такое неисторическое восприятие ленинских мыслей равносильно прямой путанице, «блестящие» образцы каковой мы имеем в оппозиционных попытках применить ленинские возражения против «левых коммунистов» к современным противникам «госкапиталистических излишеств» (т.-е. к большинству партии). Впрочем, может быть, анонимные составители нашего сборника и хотели попытаться путем беспересадочного перенесения положений Ленина 1918 года на 1925—26 г.г. подвести базу под об'явление госкапитализма всеобщим путем к социализму? Во всяком случае несомненно, что этот сборник по замыслу должен был «мобилизовать» Ильича для поддержки наших неумеренных «госкапиталистов». Однако, стоит вдуматься даже только в материал сборника, стоит разобраться в развитии ленинской постановки вопроса о госкапитализме, чтобы убедиться в том, что ленинское учение о госкапитализме «поддерживает» теоретиков новой оппозиции на манер веревки, «поддерживающей» повешенного.

Прежде всего, какое содержание Ленин вкладывает в понятие госкапитализма в пролетарском государстве. Во-первых, по Ленину, «государственный капитализм состоит не в деньгах, а в общественных отношениях», другими словами, не наличие той или иной формы товарно-капиталистического хозяйства составляет суть госкапитализма; он имеется только при условии определенного социального содержания этой формы. Какое же общественное отношение составляет сущность госкапитализма? «Пролетарская государственная власть» направляет «капитализм по государственному руслу» и создает «капитализм, подчиненный государству и служащий ему» (стр. 37, подчеркнуто нами).

В соответствии с этим точным и ясным определением Ленин никогда, ни в одной своей работе не относит к государственному капитализму ничего другого, кроме как предприятия, в которых главное общественное отношение можно определить как «капитализм, подчиненный государству и служащий ему». Так, в 1918 г. Ленин называет госкапитализмом те случаи, когда пролетарии кожевники, текстильщики и др. «сажают» в правления трестов $1/3$ капиталистов, «купцов» и «деляк», а сами учатся у них делу организации крупного производства. При этом часть прибыли идет этим капиталистам, при этом остается действовать капиталистическая предприимчивость, при этом капиталисты являются полусобственниками, полуслужащими. В 1921 г. Ленин относит к госкапитализму концессии, аренду, «буржуазных кооператоров», торговцев—агентов государства и т. д. Предприятия, организованные по типу советских железных дорог, Ленин все время относит к социалистическим элементам нашего хозяйства. Уже в 1921 г. он пишет, прямо-таки предвидя современные шатания по этому вопросу: «Мы ни в коем случае не можем забывать того, что мы часто наблюдаем—социалистического отношения рабочих на принадлежащих государству фабриках»... Крупные госпредприятия Ленин тут же называет «социалистическими фабриками» (стр. 24). Наконец, в 1923 году Ленин дает законченную формулировку о «прол-

приятиях последовательно-социалистического типа», от которых радикально «не отличаются» кооперативные предприятия. Но, увы, в 1925 году находятся такие «100%-ные ленинисты», у которых госкапитализм расплывается из точных ленинских рамок во что-то неопределенное и вездесущее. Они не находят в нашем хозяйстве ни одного социалистически организованного завода [1]; они, ничтоже сумняшеся, относят к госкапитализму железные дороги и считают, что участие частного капитала в хозяйственных процессах и торговая связь государственных предприятий с капиталистическими элементами делают даже нашу госпромышленность—не говоря уже о Госбанке—частью госкапиталистического сектора нашей экономики. При этом, они еще имеют смелость претендовать на «спасение» ленинизма от ревизионистов! Стоит ли спорить с подобными путаниками? Ограничимся только некоторым «углублением» их мыслей. Если участие частного капитала в торгово-производственном кругообороте государственной промышленности превращает государственные предприятия в госкапиталистические, то что же надо сказать о скромном хозяйстве якута, если меха от убитого им зверя попадают на госуд. предприятия Москвошвея и пришиваются к воротникам Москвошвеевских шуб? Раз Москвошвей участвует в воспроизводстве якутского хозяйства, то согласно разбираемой теории, оно превращается в что-то вроде патриархально-социалистического предприятия! На этом пути перед нами открываются блестящие перспективы немедленного об'явления заводов «Форда» «капиталистическо-социалистическими» предприятиями, ибо наши советские социалистические совхозы некоторым образом участвуют в воспроизводстве этих заводов, покупая у них «фордзоны». Однако, предоставим развивать эту замечательную теорию ее авторам, а сами обратимся к учению Ленина (а не Сокольникова) о госкапитализме.

Попробуем выяснить, какую роль отводил Ленин госкапитализму в деле строительства социализма в нашей стране. Конечно, смешно и глупо было бы думать, что Ленин на протяжении всей революции (т.-е. с 1917 по 1923 г.) возлагал на госкапитализм совершенно одну и ту же роль, отводил ему совершенно одинаковую хозяйственную сферу. Основная линия оставалась неизменной: необходимо так ограничить и использовать капитализм, чтобы он оказался на службе государству в деле создания материально-производственной базы социализма [2]; но в вопросе, в какой мере, где и как допустить и применить госкапитализм, у Ленина можно найти три основных этапа.

П е р в ы й э т а п охватывает, главным образом, первые 5—6 месяцев 1918 года—до полного разворачивания гражданской войны и военного коммунизма. Каковы главные черты этого периода и каковы задачи, намечаемые Лениным для госкапитализма?

Главная экономическая о п а с н о с т ь на этом этапе—«мелкособственнический р а с п а д и развал», «продолжение мелко-собственнической анархии есть самая большая, самая грозная опасность», «нам грозит стихия мелко-буржуазного разгильдяйства». Мелкий собственник хочет не только разбить буржуазию, но и сорвать в с я к и й учет и к о н т р о л ь, в с я к у ю организацию, в с я к о е крупное и культурное производство.

Главная з а д а ч а—«общенародный учет и контроль за производством и распределением продуктов». Необходимо этим путем обуздать «мелко-буржуазную стихию» и подготавливать «материально-производственное «введение» социализма». «Победа над беспорядком, разрухой, расхлябанностью важнее всего».

[1]) См. речь т. Сокольникова на XIV партс'езде.
[2]) Мы здесь, как и в некоторых дальнейших местах, опускаем отношение к капитализму в период военного коммунизма.

Главное з а т р у д н е н и е в э т о м д е л е—отсутствие у пролетариата «умения организовать к р у п н е й ш е е производство», «опыта самостоятельной работы по налаживанию к р у п н е й ш и х, д е с я т к и м и л л и о н о в н а с е л е н и я о б с л у ж и в а ю щ и х, п р е д п р и я т и й». (Курсив наш).

Главный в ы х о д, главное с р е д с т в о в этой борьбе по преодолению мелкобуржуазной стихии—государственный капитализм. «В государственном капитализме для нас спасение». Нужно пойти на компромисс с «культурными капиталистами», нужно, чтобы эти капиталисты организовали необходимый учет и контроль «в качестве умнейших и опытных организаторов к р у п н е й ш и х предприятий» (подчеркнуто Лениным); нужно, чтобы они помогли наладить «крупное и крупнейшее «государственное» производство». Только этим путем можно обуздать мелкособственническую стихию, укрепить крупное, технически-развитое производство и выдвинуть его в качестве руководителя всем хозяйством. Нужно поэтому «наладить к р у п н у ю, о б щ е г о с у д а р с т в е н н у ю о р г а н и з а ц и ю п р о и з в о д с т в а н а г о с у д а р с т в е н н о - к а п и т а л и с т и ч е с к и х н а ч а л а х» (курсив наш).

Эта постановка вопроса настолько ясна, что не требует почти никаких комментариев; отметим только, что центральной мыслью здесь является применение «государственно-капиталистических начал» именно в «крупной и крупнейшей промышленности». Именно, прежде всего здесь рабочие должны, сидя рядом с капиталистами, учиться у них «налаживать» тресты, «налаживать» государственный капитализм, «при советской власти являющийся преддверием социализма, условием прочной победы социализма» (стр. 23—24). Государственный капитализм на этом этапе мыслится как посредствующее звено между капиталистическим и социалистическим строем в крупной промышленности. Затем постепенно эта «система государственного производства и распределения и система частноторгового (очевидно мелко-капиталистического, мелко-собственнического. *А. А.*) производства и распределения вступят между собой в борьбу» и «мы будем строить государственное производство и распределение, шаг за шагом отвоевывая его у враждебной (мелко-капиталистической. *А. А.*) системы» (стр. 42).

Удалось ли развернуть такой государственный капитализм? Пошли ли капиталисты на предложенный им «компромисс»? Нет. «Нам, которые предложили капиталистам... постепенное изменение всего этого (старого экономического уклада. *А. А.*) путем государственного регулирования—нам был поставлен вопрос о самом нашем существовании. Тактика, принятая классом капиталистов, состояла в том, чтобы толкнуть нас на борьбу..., вынудившую нас к неизмеримо большей ломке старых отношений, чем мы предполагали» (стр. 44). В силу этого в советской республике установился военный коммунизм. Вместо подчинения капитализма советскому государству пролетариат был вынужден проводить полное его запрещение и уничтожение; вместо использования буржуазии—всяческое ее подавление и искоренение; вместо обуздания мелкого собственника при помощи государственного капитализма—его обуздание путем войны и военной дисциплины.

В результате этого к 1921 году оказалось, что «мелкое производство существует отдельно от с о ц и а л и з м а» (т.-е. от с о ц и а л и с т и ч е с к о й промышленности. Курсив наш, стр. 24). Единственный способ связать разорванные части хозяйства—свобода торговли. А «свобода торговли означает рост капитализма» (стр. 25); это известное развитие капитализма «неизбежно при существовании миллионов мелких производителей». Поэтому «мы до известной степени заново создаем капитализм».

Следовательно, мы отступаем, допуская капитализм; это неизбежно, «ибо капитализм этот необходим для широкого крестьянства... ибо это нужно народу, без этого жить нельзя» (стр. 53). Таковы условия второго этапа постановки вопроса о госкапитализме, этапа первых шагов нэпа. Ленин спрашивает «страшен ли этот капитализм (т.-е. капитализм, вырастающий из свободы торговли для мелких собственников. А. Л.) нам, если мы имеем в руках фабрики, заводы, транспорт и заграничную торговлю?» Ответ ясен и тверд: «Этот капитализм нам не страшен». Надо только «не пытаться запретить или запереть развитие капитализма, а стараться направить его в русло государственного капитализма» (стр. 27). «Поскольку мы еще не в силах осуществить непосредственный переход от мелкого производства к социализму, постольку капитализм неизбежен в известной мере, как стихийный продукт мелкого производства и обмена, и постольку мы должны использовать капитализм (в особенности направляя его в русло государственного капитализма) как посредствующее звено между мелким производством и социализмом: как средство, путь, прием, способ повышения производительных сил» (стр. 33. Все курсивы наши)... «При таких условиях государственный капитализм—что это такое? Это будет об'единение мелкого производства» (стр. 24, курсив наш). «Мы», авангард, передовой отряд пролетариата переходим непосредственно к социализму». Но для того, «чтобы «мы» могли успешно решить задачу нашего непосредственного перехода к социализму, для этого надо понять, какие посредствующие пути, приемы способы, пособия нужны для перехода докапиталистических отношений к социализму» (стр. 32, два первых курсива—наши, два вторых—Ленина). Постановка вопроса здесь совершенно ясна: государственный капитализм есть «об'единение мелкого производства». Теперь его центральная задача—служить посредствующим звеном между мелким производством и социализмом. Крупная же промышленность переходит непосредственно к социалистической организации. Конечно, концессии остаются особым видом госкапитализма, дополняющим крупную социалистическую промышленность. На этом этапе еще не нащупаны конкретные формы некапиталистического развития мелкого (крестьянского) хозяйства. Дано только отношение к капитализму, растущему из мелко-собственнического уклада, формулирована задача и указаны пути превращения этого капитализма в посредствующее звено движения к социализму. Кооперация, как известно, отнесена к государственному капитализму; еще не указана возможность превратить ее в путь непосредственно-социалистического об'единения крестьян. Ленин пишет: «Свобода и права кооперации при данных условиях России означают свободу и права капитализму» (стр. 30, курсив наш). Конечно, в условиях 1921 года социалистические элементы были еще не в силах превратить кооперацию из организации, регулирующей рост капитализма, в организацию непосредственной социалистической переделки крестьянских хозяйств; для этого необходимо, чтобы социалистическая промышленность имела действительную гегемонию и в области производства, и в области снабжения, и в особенности в области руководства рынком и торговлей.

Благодаря отсутствию этих условий в «Продналоге» мы имеем только зародыши, только намек на возможность кооперативно-некапиталистического развития нашей деревни. Этот «намек» состоит из трех пунктов. Во-первых, Ленин не только нигде не говорит о неизбежности всеобщего, всеохватывающего характера роста деревенского капитализма, но наоборот, многократно подчеркивает, что рост капитализма неизбежен только «в известной мере», «до известной степени» и т. д. Во-вторых, Ленин не отрицает принципиальной возможности «непосредственного перехода» к социализму от «преобладающего в России состояния» (т.-е. от мелко-крестьянского уклада). Он такой переход, считает «мыслимым до известной степени, но лишь при одном условии... Это условие—электрификация». Но так как это «одно условие» требует десятилетий, то нам «на ближайшие годы надо уметь думать о посредствующих звеньях» (стр. 32—33). Несомненно, все же, что принципиальная возможность перехода к социализму в обход капитализма здесь дана, и никакой безусловной неизбежности преобладания капиталистической эволюции Ленин не выставляет. В-третьих, наконец, кооперация выделена Лениным в несколько особое положение, по сравнению с другими видами госкапитализма. Возьмем хотя бы следующую мысль: «Кооперация... облегчает об'единение, организацию миллионов населения, затем всего населения поголовно, а это обстоятельство, в свою очередь, есть гигантский плюс с точки зрения дальнейшего перехода от государственного капитализма к социализму» (стр. 30, взято из «Продналога», курсив наш). Или: «Политика кооперативная, в случае успеха, дает нам под'ем мелкого хозяйства и облегчение его перехода в неопределенный срок к крупному производству на началах добровольного об'единения», т.-е., иначе говоря, к социализму (курсив наш, стр. 31). Однако, для того, чтобы развить эти намеки для того, чтобы с полной ясностью указать на возможность подтягивания основной части крестьянства к социализму против капиталистической тенденции, на основе второго, в корне другого, «прямого» пути—для этого понадобилось еще два года.

Третий этап постановки вопроса о госкапитализме мы имеем в статье «О кооперации» (1923 год). Отличие от «Продналога» состоит в определенном указании на то, что мы в кооперации нашли способ сомкнуть, соединить «частный торговый интерес» крестьянина с «общим интересом» — с социалистическим строительством. Если кооперация, с одной стороны, «врастает» в систему социалистического пролетарского хозяйства, руководящего всеми хозяйственными процессами, а, с другой стороны, миллионами корней уходит в крестьянский массив, то это создает возможность не только ограничивать и регулировать рост деревенского капитализма, но также и предупреждать этот рост, также противопоставить ему социалистическое об'единение крестьянских хозяйств.

В соответствии с этим кооперация (в основной своей части) из формы госкапитализма превращается в органическую часть социалистического сектора нашего хозяйства.

Через кооперацию мы научились (или научимся) «строить этот социализм так, чтобы всякий мелкий крестьянин мог участвовать в этом построении». Как видно, тут конкретный путь к социализму для основной массы крестьянских хозяйств намечен не по капиталистической линии, а по другой линии—по линии кооперирования под руководством социалистической промышленности. Отсюда вытекает, что государственный капитализм уже не является единственным конкретно указанным «посредствующим звеном» или способом «об'единения мелких производителей». На первое место в деле такого об'единения выдвинута кооперация, которая «сплошь да рядом совершенно совпадает с социализмом». Таков третий этап определения Лениным роли госкапитализма в деле приближения к социализму.

Сравним теперь все три постановки этого вопроса и сделаем некоторые обобщения и выводы. В первом случае (1918 год) «источник» необходимости госкапитализма—проблема создания государственной крупной промышленности. В соответствии с этим именно в ней

должен быть введен госкапитализм, как посредствующее звено движения к социализму. В 1921 году, после трех лет военного коммунизма, сфера госкапитализма передвигается в область об'единения мелкого производства, в область связывания капиталистической тенденции мелко-собственнического «моря» с государственной промышленностью, переходящей непосредственно к социалистической организации. Мы только «частично возвращаемся к системе госкапитализма» (Ленин). Военный коммунизм сыграл ту положительную роль, что достиг (дорогой ценой) непосредственного «превращения» крупных госпредприятий в «социалистические фабрики» (Ленин). Тут, непосредственно в крупной промышленности, в «командных высотах» мы не отступили, на госпредприятиях госкапитализма не ввели. Госкапитализм, как посредствующее звено, выдвигается поэтому теперь для организации стихийного мелкого капитализма, для мелко-собственнической стихии (конечно, мы берем госкапитализм, вытекающий из подчинения государством внутренних капиталистических элементов, т. е. мы оставляем концессии в стороне). Однако, такая передвижка госкапитализма равносильна сужению его сферы, его роли. Правда, в 1918 г. у Ленина нет прямых указаний на госкапиталистические способы и пути переделки крестьянства. Он говорит только (да и то позднее), что тогда предполагалось, что система государственного хозяйства вступит «в борьбу» с частно-торговой системой и шаг за шагом будет отвоевывать у этой «враждебной системы» хозяйственную территорию. Однако, само собой понятно, что если даже для крупной промышленности Ленин намечал госкапитализм, как посредствующее звено, то для мелкого производства трудно было и думать о каком-либо другом переходе. Очевидно, что государственный капитализм должен был шаг за шагом наступать на «мелкобуржуазную стихию», постепенно переделывая ее по своему образу и подобию, «навязывая» ей или как-либо по другому внедряя государственно-капиталистическое регулирование (напр. Ленин к госкапитализму относит (в 1918 г.) хлебную монополию). Центр госкапитализма на первом этапе лежит, разумеется, в крупной промышленности; а в 1921 г. этот центр передвигается в область регулирования и об'единения мелкого производства. Вместе с тем, социалистическая организация крупной промышленности превращает госкапитализм из руководящей, главной формы хозяйства скорее в агенты, в «пособники» социалистической формы в деле об'единения мелкого производства. В соответствии с этим Ленин выдвигает в качестве форм госкапитализма кооперацию, аренду мелких предприятий, комиссионную торговлю и т. д.; а в 1918 г. в центре внимания у него находился «трест», как форма госкапитализма (вопрос о концессиях мы все время оставляем в стороне, т. к. в нем принципиальных изменений не было). Таково первое сужение роли и сферы госкапитализма.

В переходе от второго этапа («Продналога») к третьему («О кооперации») мы имеем налицо второе аналогичное сужение. Если три года военного коммунизма «перевели» крупную промышленность в стадию социалистической (а не госкапиталистической) системы, то благодаря производственному укреплению и овладению рынком со стороны этой социалистической промышленности два первые года нэпа открыли возможность кооперативного развития для основной части крестьянства. Развитие нашей промышленности вырвало кооперацию из области государственного капитализма и превратило ее в организацию «прирастания» мелко-крестьянской экономики к социалистической промышленности. Это дало возможность социализму сделать серьезный наступательный шаг: от одного ограничения деревенского капитализма продвинуться на высшую ступень: приступить к направлению развития деревни по социалистическому руслу. Это значит, что теперь дается к одному, основному, опорному звену—к социалистической промышленности—начать подтягивать следующее звено социализма—кооперативные об'единения крестьян, которые, конечно, являются гораздо менее законченными хозяйственными организациями в смысле приближения к полному социализму. Понятно, что это сужает сферу капиталистического развития, создает вторую, социалистическую тенденцию развития в деревне, переносит нашу главную ставку именно на эту вторую, новую, социалистическую тенденцию и на ее борьбу с капиталистическим развитием. Вместе с тем, это является сужением роли госкапитализма, как дороги к социализму. Отменяет или дополняет эта постановка вопроса положения «Продналога»? Она их развивает. Уничтожает ли эта постановка вопроса роль госкапитализма, как она указана в 1921 г. в «Продналоге»? Отнюдь не уничтожает; только, как мы уже говорили, сужает (прежде всего хотя бы прямым изменением характеристики кооперации). В «Продналоге» нет развернутого учения о некапиталистической, кооперативной эволюции нашей деревни. Там зато разработана госкапиталистическая сторона нашего движения к социализму. Это, конечно, не случайность. Тут мы имеем развертывание ленинского учения о строительстве социализма в крестьянской стране; это развертывание соответствует нашему наступательному движению. Можно ли при этом сужение роли госкапитализма подменять упразднением его роли? Никоим образом. Это значило бы переоценить наши силы, это значило бы не видеть неизбежности абсолютного роста (при вероятности относительного падения) враждебных нам капиталистических элементов. Современной сферой госкапитализма (без концессий) является подведения к социализму, при условии регулирования пролетарским государством, во-первых, той части крестьянских хозяйств, которые или захвачены, или будут захвачены капиталистическим развитием (речь идет, конечно, не о пролетаризующихся, а о капитализирующихся хозяйствах), во-вторых, частно-хозяйственного капитала и различного рода смешанных обществ с участием частного капитала.

Несомненно, что фактическое количество госкапиталистических предприятий растет; вероятно, что и доля госкапитализма в нашем хозяйстве увеличивается. Но суть дела в том, что из «откалывающихся» хозяйственных «кусков» отсталых ступеней нашего народного хозяйства все меньшая их часть будет прирастать к госкапитализму, все большая—к социалистическим формам нашего хозяйства.

В общем, сужение роли госкапитализма, как дороги к социализму, является просто одной из сторон того центрального факта, что общая линия нашей пооктябрьской хозяйственной политики была, есть и будет линией наступающего социализма; первый период нэпа был в этом смысле известным исключением. По мере нашего наступления увеличивались возможности непосредственно-социалистической переделки частей хозяйства и поэтому-то сужалась роль обходного, госкапиталистического пути.

Пытаться вернуть нашу партию чуть ли не к позициям 1918 года, при этом искренне считать себя спасителем ленинизма—можно только при одном «условии»: полного, крепкого непонимания ленинской диалектики; другими словами совершенно «неисторического», т. е. поверхностного восприятия ленинских положений.

Об'являть госкапитализм всеобщим путем к социализму; окрашивать все и вся в двуцветные госкапиталистические тона—значит, по сути дела, не понимать ни ленинизма, ни нашего наступления, ни путей строительства социализма в нашей стране.

А. Айхенвальд.

САФАРОВ, Г.—К вопросу о нашей стабилизации. Ленинград. 1926 г., раб. изд. «Прибой».

Тов. Сафаров в последнее время избрал своей специальностью пропаганду «стопроцентного» ленинизма и борьбу со всякого рода идейными шатаниями внутри нашей партии. Рецензируемый «труд» тов. Сафарова посвящен выяснению «значения ленинизма на хозяйственном фронте», главным образом, борьбе с «кулацким» уклоном т. Богушевского, Спасского и др. От другого уклона, связанного с недооценкой середняка и неверием в социалистическое строительство, признанного XIV партс'ездом наиболее опасным в условиях переживаемого периода, тов. Сафаров пренебрежительно отмахивается замечанием «стоит ли лоб расшибать, если желаешь разоблачить всего на-всего лишь Ларинский уклон» (стр. 33). Зато для разоблачения «кулацкого» уклона тов. Сафаров не пожалел своих скромных сил. Источники этого уклона он нашел в утопическом социализме, меньшевизме, струвизме, народничестве и левом коммунизме (?), построив для этого специальную, всеоб'емлещую теорию уклонов. Эта любопытная теория стоит того, чтобы на ней остановиться.

«На всех ступенях рабочего движения вопрос о взаимоотношении между хозяйственной жизнью и классовой борьбой был коренным, кардинальным» (стр. 8). «Переоценка хозяйственного момента за счет классовой борьбы, забвение политики из-за экономики, неумение увязать задачи строительства нового с решительной борьбой против старого—таков первородный грех всех уклонов и отклонений от столбовой дороги революционного марксизма» (стр. 8). Этот первородный грех всякого оппортунизма особенно грозит нашей партии, так как «необходимость постоянной увязки пролетарской политики с мелко-буржуазной экономикой может толкать наиболее неустойчивые элементы нашей партии к забвению граней между хозяйственным развитием и классовой борьбой даже в условиях пролетарской диктатуры». Именно поэтому, поучает тов. Сафаров, «необходимо постоянно иметь перед глазами весь предыдущий опыт разоблачения ошибок оппортунизма в деле увязки хода хозяйственной жизни с классовой борьбой» (стр. 14).

До сих пор мы скромно полагали, что основным социально-политическим содержанием марксистско-ленинской теории является учение о роли пролетариата в борьбе за социализм, о путях и методах этой борьбы. Отсюда мы делали вывод, что непонимание этой исторической роли пролетариата, неверие в его силы, непонимание путей и методов борьбы за социализм является в основном той гранью, которая отделяет революционных марксистов-ленинцев от всякого рода буржуазных и мелкобуржуазных политиков и идеологов. В частности в послеоктябрьский период большинство уклонов нашей партии основывалось на непонимании путей и методов социалистического строительства в крестьянской стране, на недооценке союза с крестьянством и неверии в возможность социалистической перестройки десятков миллионов крестьянских хозяйств. Но у тов. Сафарова дело обстоит совершенно иначе. Он толкует о забвении «граней между хозяйственным развитием и классовой борьбой», между экономикой и классовой борьбой, совершенно не подозревая, что эти грани, о которых он подчеркнуто пишет курсивом, не существуют, ибо экономика—это комплекс производственных отношений, которые в современных условиях в основном сводятся к отношениям классовым. Он противопоставляет политику экономике, забывая знаменитую ленинскую формулу, что политика есть концентрированное выражение экономики. Он выхолащивает из экономики ее классовое содержание, скатываясь тем самым к пошлым трактовкам вульгарных экономистов, от которых даже наиболее умные представители буржуазной науки—наши классовые враги—давно отказались. Он загоняет всю классовую борьбу в область политики, видя в экономике лишь «хозяйственный момент», игнорируя тем самым ту азбучную марксистскую истину, что каждый шаг экономического развития современного общества происходит в условиях упорнейшей борьбы классов, которая неразрывна и едина в какой бы форме она ни проявлялась, будь то борьба экономическая, политическая или идеологическая. И это у тов. Сафарова называется ленинизмом. Невольно возникает вопрос: во имя чего потребовалась эта фальсификация марксистско-ленинского учения? Ключ к разрешению этой загадки дает нам сафаровский анализ проблем нашего экономического строительства.

«Мы до сих пор боролись за восстановление производительных сил, за условное достижение «довоенного уровня». В рамках этой задачи главное наше внимание сосредоточивалось на материальном накоплении, и вопрос о классовом расслоении на основе нэпа занимал нас в меньшей степени» (стр. 6). «Мы добились стабилизации народного хозяйства по-ленински. Новая (?) задача—обеспечить социалистическое развитие хозяйства» (стр. 7).

Оказывается, что задача обеспечить социалистическое развитие хозяйства есть задача новая, ставшая актуальной лишь теперь на девятом году пролетарской революции, до сих пор не стоявшая в порядке дня нашего экономического строительства. До сих пор мы занимались «материальным накоплением», а теперь пора приступить если не к социалистическому строительству, то к тому, чтобы обеспечить это строительство. Раньше тов. Сафаров рассматривал экономику вне классовой борьбы, теперь он рассматривает рост производительных сил нашего хозяйства, «как материальное накопление», вне анализа того, какой класс укрепил свои позиции в результате этого роста, какая передвижка в удельном весе отдельных секторов нашего хозяйства произошла в результате этого роста. Поэтому он проглядывает весь процесс социалистического строительства и выдвигает задачу обеспечения этого строительства, как задачу «новую». Такова сафаровская «философия эпохи». Но кто ей поверит? Разве любой курсант школы политграмоты не знает того, что мы не только успели к этому строительству приступить, но имеем уже налицо целый ряд крупнейших достижений в этом строительстве, которые совсем недавно зафиксированы XIV с'ездом партии в назидание некоторым маловерам. Отрицание этого факта нельзя квалифицировать иначе, как неверие в социалистическое строительство, отрицание того наступления по пути к социализму, которое было предпринято и успешно проводится нами на основе нэпа.

Четыре года мы занимались, по Сафарову, материальным накоплением. Но кто знает хоть немного азбуку марксизма, не должен упускать из виду, что это материальное накопление или рост производительных сил может иметь совершенно различное социальное содержание. Поэтому голый абстрактный лозунг материального накопления никогда не был и не мог быть содержанием нашей экономической политики, основной задачей которой является перестройка всей экономики на социалистических началах. Основная ошибка лозунга «обогащайтесь» в том и заключалась, что он был по существу лозунгом материального накопления без социальной характеристики этого накопления, лозунгом развития производительных сил без определения классовой формы этого развития. И вот тов. Сафаров, столь усердно улюлюкавший по поводу этого, никем не поддерживаемого лозунга, сейчас признает его правомерным для целой четырехлетней полосы нашего строительства. Усердно вытаскивал соломинку из чужого глаза, а у самого целое бревно застряло.

А если бы тов. Сафаров освободился от этого бревна, которое мешает ему рассмотреть сдвиги, происшедшие в социальном существе нашей экономики и в удельном весе отдельных элементов этой экономики, он понял бы, что 4 года нэпа были не просто годами «материального накопления», но годами упорнейшего социалистического строительства, давшими абсолютное и относительное укрепление социалистического сектора нашего хозяйства, и ему не нужно было бы вновь открывать Америку и выбрасывать «новые» лозунги, над осуществлением которых партия работает с успехом уж ряд лет.

Выдвинув «новую» задачу—обеспечить социалистическое строительство,—тов. Сафаров вместе с тем стремится предостеречь партию от опасностей и трудностей этого строительства. Если раньше «в ходе борьбы с разрухой не могли вырасти такие внутренние классовые опасности и угрозы, которые бы поставили под вопрос самую основу наших завоеваний» (стр. 6), то теперь дело обстоит несколько иначе. Нам угрожает опасность «неправильной, недиалектической увязки вопросов хозяйства с вопросами классовой борьбы» (стр. 23), забвение «граней между хозяйственным развитием и классовой борьбой». Вспоминая о том, что Ильич всегда советовал не обманываться насчет слабости врага, тов. Сафаров зловеще напоминает, что этот враг—кулак, и что «роль кулака отнюдь не исчерпывается отведенными ему статистикой четырьмя (?) процентами» (стр. 22). До сих пор мы с этой опасностью не боролись. В течение первых четырех лет нэпа, по Сафарову, «шла бешеная и ожесточенная борьба между двумя хозяйственными планами, планом Ленина и планом Дауэса». Основная задача этого периода заключалась в том, чтобы «добиться такого восстановления производительных сил, которое бы обеспечило действительную нашу политическую и экономическую самостоятельность по отношению к международному капиталистическому окружению» (стр. 7). «Вопрос же о классовом расслоении на основе нэпа занимал нас в меньшей степени» (стр. 6).

Остановимся сначала на том разграничении, которое тов. Сафаров проводит между «внутренними классовыми опасностями и угрозами», и борьбой за «политическую и экономическую самостоятельность по отношению к международному капиталистическому окружению». Отлично понимая, что «нэп есть форма соперничества и соревнования между капитализмом и социализмом в известных исторических пределах» (стр. 5), тов. Сафаров для первых четырех лет нэпа сводит это соревнование к борьбе с международным капиталистическим окружением. Тов. Сафаров забыл ту основную ленинскую истину, что весь вопрос в том, «организуем ли мы мелкое крестьянство на основе развития его производительных сил, поддерживая это развитие пролетарской властью, или подчинят его капиталисты,—от этого зависит исход борьбы» (Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 377). Основная трудность нашего социалистического строительства в отсталости и мелко-буржуазности крестьянской экономики. Международная буржуазия сумеет поставить нас на колени только в том случае, если мы не преодолеем трудностей смычки, а это преодоление возможно не по пути сафаровского внеклассового «материального накопления», а по пути такого материального накопления, которое на фоне общего хозяйственного под'ема укрепляет смычку социалистической экономики с крестьянской, усиливает руководящую роль социалистических командных высот. И когда тов. Сафаров пишет, что четыре года шла бешеная и ожесточенная борьба против плана Дауэса, а внутренние опасности и угрозы не имели большого значения, то это есть недооценка борьбы за смычку, недооценка союза с крестьянством, непонимание основных трудностей нашей революции, игнорирование единства фронта международной и внутренней буржуазии в борьбе против нас. Интересно отметить, что тов. Сафаров, столь ожесточенно вопивший в последнее время о недооценке внутренних классовых опасностей, отрицает наличие этих опасностей для самого тяжелого периода нашего экономического строительства, когда командные социалистические высоты были наиболее слабы, возможности срыва их смычки с крестьянской экономикой наиболее реальны. Борясь против недооценки классовых противоречий, он сам смазывает эти противоречия для целого четырехлетнего периода.

Но недооценка классовых противоречий для одного периода у тов. Сафарова теснейшим образом связана с их переоценкой для другого периода. Загипнотизированный абсолютным ростом экономической мощи капиталистических элементов в городе и деревне, тов. Сафаров упускает из виду, что все же социалистические элементы растут еще быстрее и поэтому внутренняя опасность экономической реставрации все уменьшается, хотя несомненно, что трудности роста очень велики, борьба все усложняется. Только паника перед кулаком могла стушевать этот основной факт нашего экономического строительства. Общую тенденцию ослабления позиций капиталистических элементов нашей экономики тов. Сафаров подменяет перспективой усиления опасностей, угрожающих социалистическому сектору нашего хозяйства.

Необходимо отметить, что, призывая к борьбе с недооценкой кулацкой опасности, тов. Сафаров в то же время, как мы видели выше, загоняет всю классовую борьбу в область политики, выхолащивая ее из сферы экономики. Невольно получается, хочет ли этого тов. Сафаров или не хочет, что эта борьба с кулацкой опасностью должна вестись методами внеэкономического принуждения, административного нажима, раскулачивания, а этот, с железной необходимостью вытекающий из положения тов. Сафарова, вывод политически опасен, партией отвергнут, противоречит основам нашей экономической политики. Не следует забывать, что если до захвата власти и ее закрепления классовая борьба у нас в основном развертывалась по линии политической, то теперь внутри нашей республики центр тяжести этой борьбы переместился в область экономического соревнования социалистических и капиталистических элементов нашего хозяйства.

Непонимание методов борьбы с кулацкой опасностью органически связано у тов. Сафарова с непониманием существа этой опасности. Кулак опасен не сам по себе, а как сила, которая может подчинить своему влиянию определенную часть середняцких и бедняцких элементов деревни. Основной метод борьбы против кулацкой опасности поэтому—неуклонное проведение политической и экономической изоляции кулака путем укрепления союза с бедняцкой и середняцкой частью деревни. Но эту главную задачу—укрепление союза с середняком, который составляет основную массу крестьянства и легче всего поддается кулацкому влиянию,—тов. Сафаров своей паникой перед кулаком смазывает.

Не понимает тов. Сафаров и того, что экономическая борьба против кулацкой опасности в основном должна итти по линии преодоления капиталистических тенденций развития деревни, установления непосредственного перехода к социализму основной массы крестьянских хозяйств. Генеральный план Ленина о строительстве социализма в деревне в том и заключается, чтобы направить крестьянское хозяйство на путь некапиталистического развития через кооперацию. А тов. Сафаров, сердито фыркая по поводу «теории некапиталистического развития земледелия на кооперативных началах» Суханова, издеваясь над утопиями Фурье, совершенно упускает из виду, что «теперь многое из того, что было фанта-

стического, даже романтического, даже пошлого в мечтаниях старых кооператоров, становится самой неподкрашенной действительностью» (Ленин, т. XVIII, ч. 2, стр. 129).

Правда, в одном месте он делает кивок в сторону кооперации, как пути к социализму, но лишь для того, чтобы сделать особое ударение на классовых противоречиях, в которых происходит рост кооперации. Роль же кооперации, как пути к социализму, подробно им не рассматривается и определенно смазывается.

Таково основное содержание брошюры тов. Сафарова, предназначенной для обучения широких партийных масс ленинизму. Невольно возникает вопрос: не внесет ли такого свойства «стопроцентный ленинизм» стопроцентную путаницу в головы неискушенных читателей и не было ли бы лучше для партии, если бы таких брошюр было поменьше.

Л. Мендельсон.

ЛОЗИНСКИЙ, С., проф.—Очерки по истории классовой борьбы. Изд. Ленинград. Совета Проф. Союзов, 1925 г., стр. 296, ц. 1 р. 60 к.

Написать историю классовой борьбы—значит написать историю вообще, осветив ее с марксистской точки зрения. Так, видимо, и понимал свою задачу проф. Лозинский, когда собирался своей книгой иллюстрировать «коротенькое положение Маркса»—«история всего предшествующего общества есть история борьбы классов»—и заполнить это теоретическое положение конкретным содержанием.

Однако, такую задачу легче поставить, чем ее выполнить. В самом деле, пересмотреть весь материал конкретной истории, переосветив его с марксистской точки зрения—дело нелегкое. Поэтому наш автор, прикрывшись термином «очерки», значительно облегчил себе задачу. Ведь «очерки»—это извиняет и прикрывает многое. И что же получилось в результате?

Обратимся к оглавлению, начиная, к примеру, с главы XIX третьей части книги—«Новое время». Главы этого отдела носят такие названия: XX. Материальное могущество французской буржуазии; XXI. Противоречие политического и экономического строя Франции; XXII. Англия накануне промышленного переворота; XXIII. Борьба буржуазии и пролетариата за всеобщее избирательное право в Англии; XXIV. Чартистское движение; XXV. Разложение чартистского движения; XXVI. Торгово-промышленный под'ем в июльскую монархию во Франции; XXVII. Луи Блан; XXVIII. Временное Правительство и право на труд; XXIX. Июньское восстание; XXX. Победа Луи Наполеона; XXXI. Империализм.

Как видно из перечисления наудачу взятой последней части последнего отдела книги, книга эта, вышедшая из-под пера проф. Лозинского, представляет собою не только «очерки», но наброски и притом наброски весьма беглого характера. Если мы к вышесказанному прибавим, что из предыдущих глав III отдела книги целых 10 посвящено английской революции XVII века, 8—революции голландской, то непропорциональность частей книги с важностью событий, в них описываемых, бросится нам в глаза еще ярче.

Конечно, классовая борьба была и в эпоху Гаммураби и в эпоху Перикла, но, ведь, современный нам строй (для Западной Европы) и строй, уничтоженный пролетарской революцией у нас, возник не в результате этой борьбы. Современный классовый строй общества возник в результате буржуазных революций, бывших как всякие революции обостреннейшим моментом классовой борьбы. Типичными буржуазными революциями были: французская революция XVIII в., революция 48 г. в Германии и Австрии, революция 1905 г. в России.

Казалось бы, на основании вышесказанного, эти моменты должны были бы быть освещены в книге, посвященной истории классовой борьбы, даже, если книга эта представляет собою всего лишь «очерки» истории этой борьбы. Но как раз, именно эти-то моменты и не затронуты разнообразным и, по правде сказать, сумбурным содержанием нашей книги.

От всех явлений французской революции в ней остались только «противоречия политического и экономического строя Франции». Но какой толк констатировать наличие таких противоречий, не рассказав о том, как они разрешались в процессе революции и как они влияли на ход этой революции?

Неужели идеологическим фокусом, собравшим в себе все моменты классовой борьбы 40 годов, было учение Луи Блана. Разве не говорит сам наш автор, что Луи Блан стоял на точке зрения «сотрудничества классов». Не лучше ли было сказать хоть что-либо об учении Бланки или остановиться поподробнее на социалистических воззрениях О'Брайена, и, наконец, упомянуть о Марксе. О последнем—авторе «коротенького положения», послужившего отправным пунктом настоящих «очерков»—в этих «очерках» нет ни слова...

Но нам могут заметить, что наш способ критики—останавливаться на том, чего нет в разбираемой книге,—способ никуда негодный. Обратимся к тому, что имеется у нашего автора.

Несомненно, центральным пунктом изложения III части (которую мы только разбираем, оставляя в стороне часть I, посвященную древности и II—средним векам), является рассказ о революции 48 года во Франции. Надо сказать автору, из-под пера которого в свое время вышла солидная книга, посвященная этой эпохе, удалось изложить кое-что из событий этого революционного периода весьма удачно. Правда, появление монархии Луи Филиппа остается для читателя совершенно неожиданным и непонятным. Но что можно требовать от «очерков»? Зато очень удачно обрисован крах попытки правительства сделать рабочих Национальных Мастерских орудием контр-революционных намерений. Внешним образом крах этот выявился в том, что субсидируемая правительством газета мастерских во избежание потери всякой популярности среди рабочих принуждена была ругать правительство. Недурно изображен острый момент конфликта между рабочими Национальных Мастерских и правительством, момент переговоров с представителем правительства Маришем, а также поведение Национального Собрания во время июньского восстания. Хорошо изложено учение Луи Блана.

Но, с другой стороны, в трактовке всех событий у нашего автора замечается известная упрощенность: борьба классов в 48 году во Франции сводится им к борьбе между рабочими и буржуазией в то время, как буржуазия мелкая игнорируется совершенно, а крестьянство скидывается со счетов для того, чтобы вынырнуть как-то внезапно к моменту избрания Луи Бонапарта президентом.

Говоря о последнем, проф. Лозинский заявляет, что «Наполеон Бонапарт не мог удовлетворить полностью чаяний своих избирателей»—крестьян (стр. 282). В результате такого заявления у читателя может создаться впечатление, что Луи Бонапарт имел какое-либо стремление удовлетворить эти «чаяния». Такое представление будет, конечно, неверным. Введение налога на соль, последовавшее почти немедленно за избранием Луи Бонапарта, доказывает нам это. Вообще же до интересов крестьянства, которое было использовано при выборах, Наполеону, отражав-

шему интересы вполне определенной социальной группировки, не было никакого дела...

Кстати о классовой сущности монархии Наполеона и той группировки, интересы которой он выражал. Все это в изложении проф. Лозинского выступает весьма неясно, хотя этому и посвящено несколько страниц (279—283).

По странному капризу фантазии автора глава «Победа Луи Бонапарта» содержит и несколько строк, посвященных... Парижской Коммуне. О сем небезынтересном моменте классовой борьбы мы в разбираемых нами очерках этой борьбы читаем буквально лишь следующие строки: «Она (Коммуна) явилась страшным ударом по собственническому миролюбию (!), и все владельческие элементы Франции об'единились для самого энергичного подавления Коммуны... Городская буржуазия стала проявлять в борьбе с коммуной столько энергии, что крестьянство стало постепенно прощать буржуазии ее республиканские тенденции» (стр. 285).

Все это весьма туманно и главное не верно. Едва ли вся буржуазия имела республиканские тенденции, а затем, как раз масса крестьянства и не была настроена безусловно монархически. Коммунальные выборы в апреле 1871 года дали большинство республиканцам, что показывает наличие республиканских тенденций в среде крестьянства, которое, если и посылало в Бордосское собрание махровых черносотенцев, то исключительно из боязни воинственности, которую проявили республиканцы в лице Гамбетты и его друзей.

Последняя глава очерков, озаглавленная «Империализм», является, вероятно, самой неудачной во всей книге. Уже начало ее не предвещает ничего хорошего: «Производственный процесс (!),—пишет наш автор,— «порождающий в недрах своих могильщика» капиталистического строя, особенно интенсивно протекал со второй половины XIX века в Германии». Дальнейшее изложение соответствует этому неудачному началу. Империализм трактуется нашим автором, как неизбежный спутник «высоко развитого в торгово-промышленном отношении государства» (стр. 285).

Такое толкование понятия «империализм», несомненно, внесет в умы читателей величайшую путаницу: основываясь на таком определении можно будет говорить, как это иногда и делается, и притом весьма неправильно, об империализме древности, об империализме XVIII века и т. д.

Между тем, под империализмом мы понимаем нечто совершенно определенное, внешнюю политику не торгово-промышленного капитала, а капитала финансового, капитала монопольного. Поэтому для империализма является характерным не столько поиски рынков сбыта для продуктов, как это выходит по проф. Лозинскому, сколько поиски почвы для приложения вывозимого капитала.

Проф. Лозинский говорит о рынках сбыта, но ни одним словом не упоминает о рынках сырья, а следовательно, о взаимоотношениях между аграрными и индустриальными странами, а ведь это все немаловажные элементы для понимания сущности империализма.

Все это азбучные истины, всем известные, и нам приходится прямо-таки извиняться за повторение этих простых, всем известных истин. Но между тем, истины эти, видимо, очень мало известны автору разбираемой нами книги. Так, говоря о таможенной политике империализма, он характеризует ее таким образом, что читатель не сможет усмотреть разницы между нею и покровительственной таможенной политикой ранней эпохи развития промышленного капитала. Здесь наш автор, наконец, вспоминает о вывозе капитала, каковое явление у него оказывается каким-то побочным обстоятельством, но зато мы ничего не найдем у него о трестах, синдикатах, картелях и их монопольном хозяйствовании.

Не менее важным промахом проф. Лозинского является то, что империализм в его изложении оказывается явлением, свойственным развитию Германии по преимуществу, другие же государства оказываются вынужденными лишь обороняться от агрессивной империалистической политики последней. Недаром из всей империалистической литературы наш автор цитирует лишь двух немецких авторов и между ними Бернгарди, вокруг книги которого было поднято столько шума английскими и французскими империалистическими публицистами.

Конечно, такая «союзническая» ориентация на восьмой год после окончания империалистической войны кажется нам прямо-таки чудовищной.

Еще более чудовищным оказывается то, что автор «Очерков истории классовой борьбы» забыл упомянуть об этой самой борьбе в эпоху империализма. Как отражается империализм на особенностях классовой борьбы в эту эпоху, как протекает классовая борьба в самих империалистических государствах и как в государствах, ими эксплоатируемых,—все это остается совершенно неизвестным.

Принимая во внимание все вышеуказанное, мы осмеливаемся высказать совершенно определенное мнение, мнение, заключающееся в том, что книгу, написанную проф. Лозинским, несмотря на имеющиеся в ней ссылки на Ленина, Маркса или Жореса, которыми автор хотел придать своей книге более приемлемый вид, печатать не стоило. Еще менее стоило издавать ее Ленинградскому Губернскому Совету Проф. Союзов. Ведь, штамп, поставленный на этой книге столь авторитетной пролетарской организацией введет в заблуждение не одного члена Профес. Союзов, имеющего полное право рассчитывать, что штамп этот может быть поставлен лишь на марксистски-выдержанной книге и, уж во всяком случае, на книге, более тщательно написанной.

Моносов.

Редакция: В. Астров. Н. Бухарин. Л. Каменев. А. Слепков. Е. Ярославский.

СОДЕРЖАНИЕ.